

**АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Шустер Анна Геннадьевна

**КАТЕГОРИЯ СЛЕДСТВИЯ И СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗА-
ЦИИ НА РАЗНЫХ ЯРУСАХ СИНТАКСИСА В СОВРЕ-
МЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01. – русский язык

**Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологиче-
ских наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор И.И.Горина**

АРМАВИР

2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Следствие как универсальная категория в языке.....	9
§1. Лингвистический статус категории следствия.....	9
§2. Категориальная сущность следствия.....	23
§3. История вопроса о причинно-следственных отношениях в современном русском языке.....	34
Выводы.....	47
Глава II. Категория следствия и ее реализация в простом предложении.....	49
§1. Предложно-падежные формы имени как средство выражения следственных отношений в простом неосложненном предложении.....	50
§2. Наречие как средство выражения категории следствия в структуре простого предложения.....	59
§3. Причинно-следственные отношения в предложениях со специальным предикатом.....	63
§4. Причинно-следственные отношения в простом осложненном предложении.....	70
4.1 Конструкции с обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами.....	70
4.2 Конструкции с обособленными определениями, выраженными причастным оборотом, как средство репрезентации категории следствия.....	74
4.3 Причинно-следственные отношения в предложениях с однородными членами.....	77
Выводы.....	81
Глава III. Категория следствия в сложном предложении и средства ее выражения.....	84

§1. Следственные отношения в сложносочиненном предложении.....	86
1.1 Содержание частей сложносочиненного предложения как средство выражения причинно-следственных отношений.....	87
1.2 Сложносочиненные предложения альтернативной мотивации.....	97
1.3 Соотношение глагольных форм сказуемых как средство выражения категории следствия.....	99
1.4 Средства выражения причинно-следственных отношений в сложносочиненных предложениях со значением быстрого следования.....	103
§2. Категория следствия в сложноподчиненном предложении.....	107
§3. Причинно-следственные отношения в бессоюзном сложном предложении.....	119
Выводы.....	127
Глава IV. Категория следствия в сложном синтаксическом целом.....	131
§1. Реализация категории следствия в присоединительных конструкциях.....	135
§2. Реализация категории следствия в парцелированных конструкциях.....	145
Выводы.....	152
Заключение.....	154
Библиография.....	158
Список источников.....	185

ВВЕДЕНИЕ.

Системные отношения в синтаксисе всегда находились в центре внимания исследователей. В связи с этим категория следствия как категория, выражающая причинно-следственные связи, представляет интерес для изучения.

Категория следствия характеризуется ярко выраженной текстообразующей функцией, отражая взаимосвязь компонентов предложения, частей предложения и предложений в составе текста, так как обусловленность – один из краеугольных компонентов архитектоники текста.

Особый интерес к категории следствия можно объяснить, прежде всего, экстралингвистической стороной данного объекта и, главным образом, тем значительным местом, которое занимают причинно-следственные связи в структурировании мира. Причинно-следственными отношениями связаны многие предметы, явления и факты действительности, что находит свое выражение в языке. Таким образом, проблема выражения следственной семантики в синтаксических единицах рассматривается все более широко и объемно в плане взаимодействия и соотношения языка и мышления, языка и объективной действительности.

Проблема изучения языковой категории следствия, реализующейся в разных синтаксических структурах, давно существует в русистике. Исследованию синтаксических конструкций, выражающих следственную семантику, посвящены работы В. В. Виноградова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, Р. М. Теремовой, Б. Н. Головина, А. В. Бондарко, Ю. Ю. Леденева, Н. Д. Рыбки и других. Опираясь на основные положения функционально-семантического подхода в рассмотрении категории следствия (Р. М. Теремова, А. В. Бондарко, Ж. Н. Тимофеева), в своем исследовании мы основывались и на структурно-семантическом методе (В. В. Виноградов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, Н. Д. Рыбка и др.), так как категория следствия

реализуется прежде всего в определенных синтаксических структурах. Тем не менее, изофункциональность синтаксических построений свидетельствует об особом семантическом синкретизме структур, принадлежащих разным ярусам языка, но имеющих одно функционально-семантическое назначение. Она имеет межъярусовую природу и отражает возможности языка в развертывании и свертывании синтаксических структур с сохранением их основного категориального значения.

Актуальность исследования в известной мере предопределяется его темой: следствие в языке, как в реальной действительности, также и в науке – одна из важнейших категорий. В лингвистической науке еще не сложился единый подход к квалификации следственных отношений и к оценке средств выражения категории следствия, не выработаны концепции трактовки следственных конструкций в системе русского языка в целом. Поэтому мы и рассматриваем категорию следствия, средства и способы выражения следственных отношений на разных ярусах синтаксической системы языка, что ранее в таком объеме не изучалось.

Объектом исследования является синтаксическая категория следствия, обнаруживающая структурное, семантическое и функциональное единство.

Предмет исследования – особенности структурно-семантического устройства конструкций со следственной семантикой на различных уровнях синтаксиса русского языка.

Цель исследования заключается в выявлении и всестороннем описании смысловых и функциональных особенностей следственных конструкций и средств их выражения.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие **задачи**:

1. Определить лингвистический статус категории следствия и рассмотреть ее как универсальную категориальную ипостась.

2. Проанализировать семантические и функциональные особенности следственных отношений на уровне простого и сложного предложений, а также на уровне связного текста (сложного синтаксического целого как его единицы).

3. Описать эксплицитные и имплицитные средства и способы выражения категории следствия на разных ярусах синтаксической иерархии.

4. Выявить синкретичные явления следственной семантики и особенности их реализации в языке.

Методы исследования. Основным методом, на который мы опирались в своем исследовании, является структурно-семантический метод, позволяющий выявить структурные и семантические особенности конструкций, выражающих следственные отношения. В качестве дополнительных методов нами использовались: метод лингвистического наблюдения и описания, метод компонентного анализа, а также приемы трансформационного анализа и межуровневой интерпретации, позволяющие выявить функциональные особенности конструкций со следственной семантикой.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней, в известной мере, впервые следствие рассматривается как особая универсальная структурно-семантическая категория. В работе предпринята попытка полного описания средств и способов выражения следственной семантики на синтаксическом уровне. Особенности функционирования специализированных средств реализации причинно-следственных отношений на всех ярусах синтаксиса рассматриваются как в эксплицитном, так и в имплицитном выражении следственной семантики. Причем синтаксические конструкции анализируются с учетом их изофункциональности.

В диссертации выявлены причины синкретичных явлений следственной семантики по соотношению с другими типами значений, определено их место в системе русского языка.

Теоретическая ценность диссертации состоит, таким образом, в системном описании и анализе средств выражения следственных отношений в синтаксических структурах, относящихся к различным уровням языка.

Практическая значимость исследования заключается в том, что в диссертации представлен материал, наблюдения и выводы, которые могут быть использованы в процессе преподавания синтаксиса в высших учебных заведениях, при проведении спецкурсов и спецсеминаров, на занятиях по русскому языку в специализированных классах лицеев и гимназий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категория следствия является семантико-синтаксической категорией, так как значение средств, выражающих следственные отношения (предлогов, союзов и т.п.) уточняется именно в предложении в результате взаимодействия значений соединяемых компонентов, а также обусловлено в определенной мере структурой синтаксических конструкций.

2. Средства выражения категории следствия в синтаксических единицах могут быть эксплицитными (формально выраженными) и имплицитными (формально не выраженными). Эксплицитность связана с союзными и с союзоподобными средствами, а имплицитность обусловлена значением и взаиморасположением компонентов следственной конструкции.

3. Компонент следствия тесно связан с компонентом причины или компонентом условия, так как причина при наличии определенных условий с необходимостью порождает соответствующее следствие. Причем на основе причинно-следственной связи базируются более сложные виды каузальной зависимости, что находит свое выражение в структуре сложного предложения и сложного синтаксического целого.

4. Категорию следствия необходимо рассматривать в ее связи с понятиями **реальность, ирреальность**, так как их взаимосвязь обусловлена фактами языковой действительности. Таким образом, обуславливающая

ситуация, от которой зависит реализация следствия, может быть представлена как соответствующая действительности (предложения с реальной условно-следственной ситуацией), либо как не соответствующая действительности (предложения с ирреальной условно-следственной ситуацией).

5. Синтаксические конструкции, выражающие причинно-следственную связь, характеризуются отношениями подчинения (независимо от своих формальных показателей), что обусловлено наличием реальной зависимости следствия от породившей его причины. Поэтому с точки зрения логико-смыслового показателя структуры, не являющиеся по своим формальным показателям подчинительными, могут содержать элемент подчинения.

6. Для конструкций, выражающих причинно-следственные отношения, характерна изофункциональность между простым и сложным предложениями, сложносочиненными, сложноподчиненными, бессоюзными сложными предложениями и конструкциями текстового уровня, что доказывается их трансформационными возможностями.

Материал исследования. Диссертация выполнена на основе языковых фактов современного русского языка, извлеченных из художественных текстов XIX-XXвв., а также публицистических и научных текстов. Картотека составила более четырех тысяч примеров.

Апробация работы. Материалы диссертации легли в основу докладов, прочитанных на 3-ей Международной конференции «Культура русской речи» (г. Армавир 2003г.), на ежегодных научных конференциях в Армавирском государственном педагогическом университете с 2001 по 2004гг. Основные положения диссертации отражены в семи публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии (294 наименования) и списка источников.

ГЛАВА I. СЛЕДСТВИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ В ЯЗЫКЕ.

§1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС КАТЕГОРИИ СЛЕДСТВИЯ.

Многообразие способов и средств выражения существующей в современном русском языке категории следствия порождает разноречивые интерпретации ее лингвистического статуса. Следствие определяется как «то, что вытекает из чего-нибудь, результат чего-нибудь, вывод», «необходимый компонент каузальной (причинно-следственной) связи» [Словарь русского языка 1981:278]. В связи с этим в языкознании выделяют три лингвистические трактовки категориальной сущности следственных отношений. Категория следствия определяется как синтаксическая, лексическая или функционально-семантическая категория.

Некоторые современные ученые относят следствие к синтаксической категории, мотивируя это тем, что «союзы выражают различные грамматические значения, свойственные сочетаниям слов и предложениям (значения одновременности, последовательности, причины, следствия, уступки, времени и т. п.)» [Головин 1977:143].

Б. Н. Головин определяет категорию следствия как «реальное языковое единство грамматического значения и средства его материального выражения» [Головин 1977:147]. На этих позициях стоят К. Г. Крушельницкая и Н. И. Ковтунова, определяя каузальность как грамматическую категорию неморфологического типа.

Но необходимо отметить, что союзы не являются единственным средством выражения причинно-следственной зависимости. При таком подходе к определению категории следствия не рассматривается функция союза.

Как пишет Ю. И. Леденев, «наиболее существенной стороной синтаксической семантики является ее абстракционность от... содержательно-смысловых значений каждого отдельного компонента» [Леденев 1982:3]. Так как причинно-следственные отношения создаются, прежде всего, смысловым соотношением компонентов, соотнесенных с реальностью, то неправомерно определять категорию следствия только как синтаксическую категорию.

Противоположную точку зрения высказала исследователь Л. И. Астрова, которая считает, что в современном русском языке наряду с синтаксическими средствами в репрезентации причинно-следственных отношений участвуют и лексические средства. Отсутствие специализированных грамматических средств, а также наличие союзов, предложно-падежных форм, глаголов и наречий каузального типа позволяет говорить о каузальности как о лексической категории [Астрова 1961].

С этим положением не согласна Ж. Н. Тимофеева, которая отмечает, что «союзы и предлоги, как правило, не способны самостоятельно репрезентировать каузальную ситуацию, в данном случае они могут служить только операторами связи» [Тимофеева 1996:9]. Семантика союзов и предлогов уточняется именно в предложении в результате взаимодействия значений соединяемых компонентов, а также структуры данной конструкции. Таким образом, специфика функционирования предлогов и союзов не дает оснований рассматривать каузальную связь как чисто лексическую категорию.

Наиболее обоснован взгляд на категорию следствия как функционально-семантическую. Данную точку зрения высказывали А. В. Бондарко, Р. М. Теремова, Л. Е. Хиженкова, Т. А. Ященко и др.

Эти лингвисты считают, что причинно-следственная связь может быть представлена разноуровневыми языковыми средствами. В этом аспекте важное место занимает теория функционально-семантических полей, которая позволяет все разнообразие семантических отношений, возникающих на различных уровнях языковой системы, свести к определенному количеству фактов и вывести определенные закономерности языка в целом.

В соответствии с определением А. В. Бондарко, поле «есть способ существования функционально-семантической категории», о нем можно говорить лишь в том случае, если налицо «факты взаимодействия элементов... если реально представлены связи не только однородных, но и разнородных языковых средств, в частности грамматических и лексических» [Бондарко 1984:40].

Главный признак поля – это «наличие у языковых средств, входящих в данную группировку, общих инвариантных семантических функций» [Бондарко 1984:40], т.е. поле – это совокупность взаимодействующих средств для выражения определенных отношений. Таким образом, поле следствия можно представить как категорию, «имеющую как план содержания, так и план выражения» [Бондарко 1984:101]. План выражения поля следствия представлен системой взаимодействующих разноуровневых языковых средств, а план содержания – инвариантным значением.

Разработка функционально-грамматической типологии конструкций обусловленности (причинно-следственной) на основе функционально-семантических полей позволяет наиболее полно рассмотреть многообразные системные связи и средства выражения этих связей. Тем не менее, мы считаем целесообразным рассматривать категорию следствия со структур-

но-семантических позиций (рассматривая также и функцию репрезентаторов следственной семантики). С позиций современного подхода в описании синтаксических конструкций данные языковые единицы рассматриваются как структурно-семантическое единство, характеризующееся тесной взаимосвязанностью входящих в него частей. В основу такого подхода легла идея о цельнооформленности и семантико-грамматическом единстве простого предложения, сложносочиненного предложения, сложноподчиненного предложения и бессоюзного сложного предложения, впервые получившая разработку в трудах Н. С.Поспелова [1950].

Данный подход основан на том, что в современном русском языке имеют место случаи, когда одно и то же средство выражает причинно-следственную семантику в разных синтаксических структурах и тем самым «обрастает» различными оттенками значений.

Сравним:

1. *Он (Молотов) боялся фразерства **и поэтому** не проповедовал новых идей...* (Н. Помяловский. Мещанское счастье);

2. *Но Катенька, по моему тогдашнему мнению, больше похожа на большую, **и поэтому** гораздо больше мне нравится* (Л. Н. Толстой. Отрочество);

3. *Между тем чувственный образ - весьма активный инструмент влияния на психическое состояние и здоровье человека. **И поэтому** совсем не безразлично преобладание каких чувственных образов характерно для человека в его повседневной жизни.* (Л. П. Гримак. Резервы человеческой психики);

4. *Из Москвы телеграммой было приказание Римского под охраной доставить в Москву, **вследствие чего** Римский в пятницу вечером и выехал под такой охраной с вечерним поездом* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

5. *Варвара Николаевна подала ей ее и спросила, так ли все носят волосы. Вследствие чего разговор перешел на прически.* (Л. Н. Толстой. Отрочество).

Если сопоставить данные примеры, то очевидно, что в первых трех конструкциях репрезентатором причинно-следственных отношений является местоименное наречие **поэтому** в сочетании с союзами **и, а**, в последних двух – союз **вследствие чего**. Причем первое предложение по своей структуре простое осложненное, и следственная связь осуществляется между однородными сказуемыми (**боялся...и потому не проповедовал**). Во втором примере следственные отношения репрезентируются между двумя частями сложносочиненного предложения. А третий пример демонстрирует причинно-следственную связь между двумя самостоятельными предложениями в структуре сложного синтаксического целого. Также, если проанализировать примеры 4-5, то очевидно, что в первом случае каузальная связь функционирует на уровне сложноподчиненного предложения, а во втором – на уровне сложного синтаксического целого, хотя маркирована одним и тем же средством.

Таким образом, в соответствие со структурно-семантическим подходом, мы считаем целесообразным рассматривать категорию следствия на всех ярусах языковой системы, а именно на уровне всех тех синтаксических конструкций, которые являются реализаторами ее семантики (простое предложение, простое осложненное предложение, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение, бессоюзное сложное предложение, сложное синтаксическое целое).

Причинно-следственное значение – это значение сложного ситуативного типа. Минимальные семантико-синтаксические структуры, выражающие значение обусловленности, двухчастны. Одна часть выражает обуславливающую ситуацию (причина), другая – обуславливаемую (следствие).

Отношения, складывающиеся между ситуативными выражениями в минимальных структурах обусловленности, являются несимметричными, однонаправленными. Данные отношения можно интерпретировать и в терминах подчиненности, зависимости, что часто находит свое выражение в их грамматической маркировке (с помощью подчинительных союзов). Отношения зависимости могут быть грамматически не оформлены, но существовать логически, так как следствие всегда находится в зависимости от причины, породившей его.

Некая семантическая ситуация может рассматриваться в качестве причинно-следственной лишь в рамках двухчастных структур обусловленности. Другими словами, какая-то ситуация (например: **он не пришел**) в сопряжении с другой ситуацией в рамках макроситуации приобретает особый (причинно-следственный) смысл, которого она не имеет вне макроситуации обусловленности.

Например:

Он не пришел вследствие болезни.

Он заболел, так что сегодня не придет.

Таким образом, макроситуация обусловленности (причинно-следственной) характеризуется особым интегративным смыслом, выводимым из сопоставления двух микроситуаций.

Между частями структур обусловленности (микроситуациями) имеется определенное соответствие «смысловой отмеченности» [Евтюхин 1995:11]. Для причинно-следственных структур принцип отмеченности следующий: «это одинаковая, совпадающая отмеченность: отрицательная причина соотносится с отрицательным следствием, положительная причина приводит к положительному следствию» [Евтюхин 1995:12].

Например:

Он заболел, так что сегодня никому работать.

Он выздоровел, так что сегодня есть, кому работать.

Так как смысловая отмеченность есть проявление внутренней связанности и целостности структур обусловленности, то устранение отмеченности (имплицирование) приводит к имплицированию причинно-следственной связи между микроситуациями. Вследствие этого приобретает значительную роль маркировка связи. Например, сочетание двух предложений *Х ушел домой, У лег спать* может быть прочитано как выражение временной последовательности ситуаций или даже простое их перечисление. Использование соответствующего специализированного средства делает прочтение однозначным:

*Х ушел домой, **поэтому** У лег спать.*

Анализ признака, именуемого смысловой отмеченностью, показывает, что существует отчетливая зависимость между этим признаком и характером использования специализированных формально-грамматических средств, связанных с выражением причинно-следственных отношений.

Явление синтаксической детерминации (причинно-следственной обусловленности) представляет собой одну из составляющих явления изофункциональности. В свете последних исследований можно смело утверждать, что явление детерминации выходит за рамки простого предложения и простирается на все ярусах синтаксиса вплоть до сложного синтаксического целого и текста.

Первоначально теория детерминации представляла собой один из фрагментов теории осложненного предложения [Шведова 1965; Малащенко 1967]. Именно на этой основе сформировалась идея присоставных отношений между конструкциями различной синтаксической протяженности. При рассмотрении влияния детерминации на синтаксическую организацию структур различной сложности было замечено, что в формальной и смысловой организации текста особую роль играют конструкции со значением обусловленности [Теремова 1987]. Это не удивительно – отношения причинно-следственной зависимости лежат в основе структуры мирозда-

ния. Любое событие, происходящее или могущее происходить, связано с другими событиями отношения обусловленности. Соответственно эти отношения эксплицитно или имплицитно, но неизбежно передаются в языковых образованиях, и, в первую очередь, именно в синтаксических структурах.

Основными свойствами причинно-следственных конструкций является их «полипропозитивность, присоставный характер соотношения компонентов (хотя на более высоких уровнях синтаксиса можно говорить не о присоставном, а о приблочном характере связей), и предопределяющий характер детерминирующего компонента» [Леденев 2001:14].

Именно это явление, вместе с явлением детерминации, соединяет язык, узус и живую речь. На верхнем уровне, уровне языка, происходит формирование инвариантной структуры с заданным смыслом. В соответствии с коммуникативной задачей и предполагаемым уровнем языковой компетенции реципиента эта структура трансформируется в одно из наиболее адекватных языковых образований (узус), которое затем, подчиняясь законам речевой реализации и представлениям коммуниканта о компетенции адресата, адаптируется к реальной ситуации общения (живая речь).

Немаловажную роль в сохранении синтаксического подобия варианта инвариантной структуре играет явление детерминации. Здесь нельзя говорить об изоморфизме, поскольку оно охватывает различные структурные уровни языка и подразумевает лишь сходство форм. Мы также не можем говорить здесь об изосемии, поскольку сходство смыслов не подразумевает подобия передающих их структурных образований. Явление изофункциональности включает в себя отдельные признаки изоморфизма и изосемии, но является более широким понятием, так как при нем наблюдается не просто подобие, а «своеобразная конгруэнтность и смысловой и структурной организации конструкций разных ярусов» [Леденев 2000:26].

Одним из системообразующих факторов языка является отношение подчиненности между его структурами и смысловыми компонентами. По законам изофункциональности эти отношения могут простирались от минимальных образований (сравним: **спьяну, сослепу, потому что был пьян, потому что был слеп**) до текстовых структур. Что касается отношений равноправия, то они вообще свойственны языковой системе постольку, поскольку они являются средством дополнения основной понятийной структуры какими-либо осложняющими факторами на разных ярусах синтаксиса. Даже на уровне сложносочиненного предложения фактическое равноправие уже не прослеживается, если появляются причинно-следственные отношения.

Таким образом, мы считаем целесообразным рассматривать синтаксические конструкции, исходя из того, что отношения подчинения пронизывают всю структуру высшего уровня языка – уровня организации коммуникативных единиц, особенно если речь идет о выражении причинно-следственных отношений, так как следствие всегда зависит от причины, породившей его, то есть следствие подчинено причине.

Явление синтаксической изофункциональности относится к числу важнейших системообразующих факторов языка. В общем виде под изофункциональностью можно понимать «реализацию инвариантности синтаксической структуры, обусловленную коммуникативным заданием, компетенцией и обратной связью» [Леденев 2001:15].

Вслед за Ю.Ю.Ледневым мы будем рассматривать изофункциональность как «проявление той или иной единой семантико-синтаксической функции не на одном, а на нескольких ярусах синтаксиса» [Леденев 2001:9]. В числе наиболее существенных признаков изофункциональности является «проявление общности категорнального значения при сохранении смыслового соответствия и при изменении форм выражения» [Леденев 2001:9]; иными словами, для изофункциональности характерно

проявление единства плана содержания при развитии плана выражения. Изофункциональность имеет межъярусовую природу и отражает возможности языка в развертывании и свертывании тех или иных синтаксических структур с сохранением их основного содержания.

Например:

Он поранил руку до крови.

Он поранил руку, и поэтому пошла кровь.

Он поранил руку, так что пошла кровь.

Он поранил руку так, что пошла кровь.

Характеризуя сущность категории следствия, уместно ввести такие термины как эксплицитность и имплицитность. В русской лингвистической традиции конструкции с незамещенными синтаксическими позициями имеют длительную историю изучения [Адмони 1964, Колядко 1980, Федосюк 1988, Дуга 2002, Лаврик 2002]. Вместе с тем при наличии большого числа исследований по этому вопросу в современной науке не существует единого понимания самого термина «имплицитность», а также имеются значительные расхождения по вопросу об объеме данного понятия.

Часто имплицитность тесно связывают с импликацией, которой в логике принято называть условное высказывание. Текстовой импликацией называют дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста [Арнольд 1982], или дополнительное смысловое или эмоциональное содержание, реализуемое за счет нелинейных связей между единицами текста [Кухаренко 1974]. Текстовая импликация связана с представлениями об имплицитном содержании высказывания. Явления, при которых импликация сопряжена с имплицитностью языкового выражения, могут быть отнесены к области импликационной специфики, включающей использование слов, актуализированные значения которых приписываются им говорящим и доступны слушателю благодаря ситуации [Лисоченко 1992].

Под имплицитностью понимается асимметрия плана содержания и плана выражения, при которой «содержание мысли оказывается гораздо шире своего выражения в языковых единицах» [Колядко 1980:34]. То есть имплицитными конструкции являются при отсутствии вербального выражения одной из частей умозаключения. Соответственно под эксплицитностью понимается симметрия плана содержания и плана выражения, т.е. содержания мысли равно своему выражению в языке, оно выражено вербально.

Считается, что способность языкового знака к имплицитной передаче информации обусловлена тем, что В.Г.Адмони называет «внутренней перспективой речевого ряда, на который наслаивается множество различных значений» [Адмони 1964:47]. Из суждения опосредованным путем, то есть путем умозаключения, может быть получено множество выводов, кроме того, подобное суждение может быть интерпретировано в различных направлениях в зависимости от коммуникативного контекста [Колшанский 1980]. Считается, что имплицитные отношения и имплицитность языкового выражения в семантической структуре высказывания являются сопутствующими факторами [Лисоченко 1992].

Наиболее развернутое и максимально полное определение имплицитности, на наш взгляд, дал М.Ю.Федосюк, определяющий имплицитное содержание как «такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знанием получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» [Федосюк 1988:11-121].

Наравне с термином «имплицитность» часто используются такие термины, как «эллипсис», «семантический эллипсис», «скрытые смыслы», «подразумевание», «опущенная часть информации», «редукция», «компрессия», «нулевой знак».

Часто для обозначения опущения в структуре или семантике высказывания используется термин «эллипсис». Его определяют как «пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурную неполноту синтаксической конструкции» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990:456]. В настоящее время наиболее часто встречаются термины «грамматический эллипсис» и «семантический эллипсис». Отличительной чертой грамматического эллипсиса является структурная недостаточность. Семантический эллипсис характеризуется неполнотой смысловой структуры.

Таким образом, мы приходим к выводу, что имплицитность – это нечто невыраженное, но опознаваемое, нечто такое, что предполагается, подразумевается, вытекает из контекста, а следовательно, вполне очевидное.

Например:

1. *А кроме того, что это вы так выражаетесь: по морде засветил. Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. Так что, знаете ли, кулаками...* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

2. *Извините меня, пожалуйста, - заговорил подошедший с иностранным акцентом, но, не коверкая слова, что я, не будучи знаком, позволяю себе, но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

3. *Я в тот же вечер отправила свою сестру на Дальний Восток, она спаслась. Так что вы правильно поступаете* (А. Рыбаков. Страх).

Во всех вышеприведенных примерах следственный компонент не выражен языковыми единицами, либо выражен, но частично (3). Но имплицитно он присутствует, легко опознаваем, так как, исходя из предыдущего контекста, вполне можно предположить следствие (имеются все исходные посылки, из которых делается вывод):

1...*Так что, знаете ли, кулаками (бить по лицу нельзя);*

2...но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что (я позволю себе присоединиться к ней);

3... Так что вы правильно поступаете (что уезжаете).

Итак, категория следствия относится к классу событий. В предложениях со следственной семантикой имеются данные о трех событиях: «информация о самой следственной ситуации, которая образуется при взаимодействии двух событий (события – причины и события – следствия) при актуализации результирующей стороны» [Тимофеева 1996:12]. Отсюда факт полисобытийности и полипропозитивности.

Каузальные отношения можно разделить на два основных типа: объективные и субъективные. При объективных причинно-следственных отношениях казуальная связь устанавливается между предметами и явлениями объективной действительности, а при субъективных причинно-следственных отношениях – между мыслительными сущностями. В соответствии с этим Ж. Н. Тимофеева предлагает, рассматривая категории предметного следствия, оперировать понятием «событие», а при толковании субъективных причинно-следственных отношений обращаться к термину «факт» [Тимофеева 1996:12]. И действительно, если речь идет о категориях предметного следствия, то высказывание обязательно соотносится с определенным эпизодом объективной действительности, т.е. причинно-следственная связь возникает между двумя событиями, одно из которых порождает другое, (является событием – причиной по отношению к событию – следствию). Термин «событие» здесь наиболее уместен, т.к. «он включает в себя такие понятия как явление, действие, процесс и т.д., – все, что связано с временной локализацией» [Тимофеева 1996:12].

Сам термин «событие», как считает Н. Д. Арутюнова, «обладает тройкой локализацией: оно локализовано в некоторой человеческой (единоличной или общественной) сфере, определяющей ту систему отноше-

ний, в которую оно входит, оно происходит в некоторое время и имеет место в реальном пространстве» [Арутюнова 1976:52].

Эти три положения являются основополагающими для характеристики предметного следствия. Таким образом, события, связанные причинно-следственной зависимостью, относятся к сфере человеческого взаимодействия, имеют место в определенное время и в определенном пространстве. А следовательно, можно сделать вывод о том, что в языке существуют синкретичные конструкции, допускающие совмещение следственной семантики с определительным, временным или другим обстоятельным значением, что обусловлено самим понятием «событие». Итак, события характеризуются наличием временных рамок, происходят при определенных обстоятельствах и отличаются дескриптивностью (т.е. способностью к детальному описанию).

Все эти признаки не характерны для субъективных причинно-следственных отношений, так как при выражении логического вывода объекты реальной действительности «уже не просто фрагменты действительности, а ее логические реконструкции» [Смирнов 1964:23]. В данном случае вся информация интерпретируется самим субъектом высказывания, так как проходит через его мысли. Факт можно охарактеризовать с точки зрения таких категорий как реальность – гипотетичность; утвердительность – отрицательность [Арутюнова 1976].

Высказывания с причинно-следственным значением отражают ситуацию речи, т.е. коммуникативные установки субъекта речи. Сообщаемое включает точку зрения говорящего на наличие причинно-следственной связи.

И поэтому, вслед за Н. Д. Арутюновой и Ж. Н. Тимофеевой, мы подразделяем предложения основания – вывода (следствие представлено как факт) на следующие разновидности: вывод реального действия, вывод оценка, вывод – побуждение. Таким образом, в предложениях с причинно-

следственным значением позиция говорящего имплицитна, а в предложениях основания – вывода позиция автора высказывания обнаруживается при помощи специальных указателей (личных местоимений, модальных частиц, притяжательных местоимений, вводных и модальных слов).

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

–категорию следствия необходимо рассматривать со структурно-сематических позиций, так как синтаксические конструкции от словосочетания до сложного синтаксического целого являются способом существования следственной семантики;

–причинно-следственные отношения выявляются не только на уровне эксплицитности, но и имплицитности;

–причинно-следственные отношения с точки зрения семантики можно представить в таком виде: следствие – событие; следствие – факт. Для причинно-следственных отношений событийного характера свойственны такие признаки как временные рамки, обстоятельственная семантика, дескрептивность. А причинно-следственные отношения фактического порядка можно охарактеризовать с позиций реальность – гипотетичность; утвердительность – отрицательность, оценочных параметров и т. д.

§2.КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СЛЕДСТВИЯ.

Категория следствия занимает особое место в системе русского языка. Это обусловлено тем, что в причинно-следственных отношениях выявляется одна из наиболее общих закономерностей языка и мышления, без понимания которой невозможно осмыслить и выразить идеи взаимосвязи

явлений, событий и предметов, существующей в природе, а следовательно, и в языке, так как язык является отражением действительности.

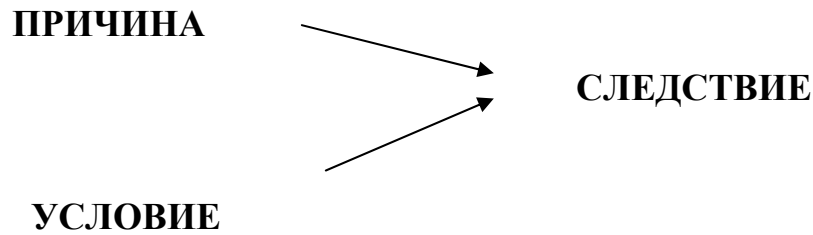
Помимо этого, причинно-следственные отношения представляют собой одну из важнейших составляющих значения практически любого текста.

Таким образом, прежде чем приступить к детальному описанию средств выражения причинно-следственной связи в разнообразных синтаксических конструкциях, мы считаем целесообразным рассмотреть категориальную сущность следственных отношений (не только с лингвистических позиций, но и с логико-философских). А потому общая специфика языкового выражения причинно-следственных отношений, всегда заданная конкретными коммуникативными потребностями говорящего, раскрывается нами на фоне широкого философского понимания многоаспектности причинно-следственных связей.

Отвергая упрощенный взгляд на каузальность, в частности, характерное для метафизики противопоставление друг другу причины и следствия, мы будем рассматривать их как компоненты взаимодействия, в котором следствие, определяясь причиной, в свою очередь играет активную роль, оказывая обратное воздействие на причину. П. В. Алексеев и А. В. Панин также отмечают, что «...понятия причины и следствия оказываются диалектически сопряженными» [Алексеев, Панин 1997:453].

На наш взгляд, в диалектическом единстве находятся не только понятия **причина** и **следствие**, но и **условие**, так как следствие порождается определенной причиной при определенных условиях. Таким образом, можно говорить не о двойственной, а о тройственной взаимосвязи:

Следует обратиться к толкованию каузальной связи такой наукой, как философия. Здесь причина и следствие трактуются как категории «отображающие одну из форм всеобщей связи и взаимодействия явлений» [Философский словарь 1989:531]. Под причиной понимается «явление, действие которого влечет за собой другое явление, называемое следствием» [Философский словарь 1989:531]. Однако тут же подчеркивается, что производимое причиной следствие зависит от условий, сопутствующих данным явлениям. Различие между причиной и условием относительно. Каждое условие в какой-то мере является и причиной, а каждая причина в соответственном отношении есть условие.

Итак, причина и условие находятся в единстве, и, как гласит постулат, «равные причины в соответствующих условиях порождают равные следствия» [Алексеев, Панин 1997:409]. Исходя из этого, можно вывести обратное положение: одна и та же причина при разных условиях порождает разные следствия. Например:

1. Вода нагрелась до такой степени, что вся выкипела;

2. Вода нагрелась до такой степени, что можно заваривать чай.

Можно отметить ряд признаков характерных для причинно-следственной связи:

1. Наличие между двумя явлениями, находящимися в каузальной связи, отношения порождения. Причина не просто предшествует следствию во времени, а порождает, вызывает его к жизни, «генетически обуславливает его возникновение и существование» [Алексеев, Панин 1997:408].

2. Отношения генетического порождения обуславливают существование и другого признака: причинно-следственная связь характеризуется «однонаправленностью или временной асимметрией» [Фролов 1989:133]. Это означает, что формирование причины всегда предшествует по времени возникновению следствия, а не наоборот, то есть процесс причинения имеет определенную направленность от того, что есть, к тому, что появится.

Вообще идея симметрии // асимметрии имеет глобальный универсальный общенаучный (а не только собственно лингвистический) характер. В философии с категориями симметрия // асимметрия связывают не только феномен бесконечного развития, но и все важнейшие законы диалектики. Таким образом, «симметрия // асимметрия есть бинарная универсалия, которая позволяет ввести в современное общее науковедение новое концептуальное пространство, значимое как для объяснения все новых и новых явлений природы и искусства, так и для научного поиска и познания в целом» [Черемисина-Ениколопова 2001:27].

Асимметрия в переводе с греческого означает отсутствие или разрушенность симметрии. Симметрия в широком смысле – инвариантность (неизменность, устойчивость) структуры какого-либо объекта относительно его преобразований, выражающихся в изменении физических условий пространства или времени.

3. Каузальная связь является «однозначной и необходимой» [Фролов 1989:134]. То есть, если причина возникает в строго определенных, фиксированных условиях, то она с необходимостью порождает определенное следствие. Таким образом, причинно-следственная связь носит закономерный характер (при равных условиях и равных причинах).

4. Причинно-следственные отношения характеризуются «пространственной и временной непрерывностью» [Алексеев, Панин 1997:410]. Цепь причинно связанных событий развертывается в пространственно-временной сфере. Если причина и следствие существуют в одной точке

пространства, то они разделены временным интервалом, и причинная цепь реализуется во времени. Если причина и следствие разделены пространственным промежутком, то такая причинная цепь разворачивается в пространстве. И этот временной или пространственный интервал должен быть заполнен непрерывной цепью событий, связанных между собой причинно-следственной связью.

Причинно-следственная связь является фундаментальной, так как на ее основе формируются более сложные виды каузальных отношений, так называемые «цепи причинения» [Фролов 1989:411]. Среди них можно выделить:

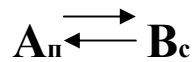
1. Односторонние цепи причинения. В них одно и то же явление выступает и причиной и следствием, то есть следствие становится в свою очередь причиной другого следствия. Схематически это можно выразить так:

$$A_n \longrightarrow B_{c(n)} \longrightarrow C_{c(n)} \longrightarrow D_c \text{ и т.д.}$$

Например:

*Влиятельный торгово-ремесленный класс добивался, чтобы его экономическому могуществу соответствовало могущество политическое (причина). **В результате** политический диктат богатой земельной аристократии был сломлен (следствие и причина). **В связи с этим** претерпела изменения старинная религия, служившая идеологической основой греческого аристократического государства (следствие) (Л. Г. Емохонова. Мировая художественная культура).*

2. Двухлинейные цепи причинения с обратной связью, когда следствие влияет на порождающую его причину; схематически выразим это таким образом.

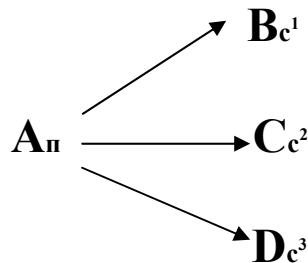
Например:

Понимание способствует осознанию себя как личности (А. П. Петровский. Психология);

Православие на протяжении веков так воспитало русского человека, что он даже видимо, порывая с верою, не мог отрешиться от привитого народу мирозерцания. (М. М. Дунаев. Православие и русская литература).

3. Разветвляющиеся цепи причинения, когда одна причина порождает несколько следствий.

Схема этой цепи выглядит следующим образом:

Например:

1. *Не будь варваров (причина), он (классический мир) бы жил до сих пор (следствие¹) и, наверное, выработал бы себе и новые идеи, и новые стремления, и новые бытовые формы (следствие²). (Д. Писарев. Схоластика XIX века);*

2. *Тут в комнату ворвался ветер (причина), так что пламя свечей в канделябрах легко (следствие¹), тяжелая занавеска на окне отодвинулась (следствие²), распахнулось окно (следствие³) (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

Если толковать каузальность с позиций логики, то здесь под причинной понимается «обстоятельство, добавление которого к имеющимся обстоятельствам вызывает следствие – явление, представляющее собой событие, существование предмета, изменение предмета, возникновение нового свойства у предмета» [Ивлев 1998: 114].

Однако, представляя суждение в некоторой стандартной форме, в логике принято указывать вначале посылку (причину), а потом заключение (следствие), хотя в языковой системе их порядок расположения в структуре предложения может быть произвольным:

Сравним:

Я не пришел на занятия вследствие болезни.

Вследствие болезни я не пришел на занятия.

По мнению ряда лингвистов, предложения, имеющие причинно-следственное значение, логически соответствуют умозаключению. Умозаключение, как известно, представляет собой рассуждение, в ходе которого из одного или нескольких суждений (посылок) выводится новое суждение (следствие). Переход от посылки к следствию совершается по правилу вывода. Всякое правильное умозаключение должно удовлетворять условиям: «если его посылки истинны, то должно быть истинным и заключение» [Ивлев 1998:231].

Говоря о взаимоотношениях суждения и факта, можно отметить, что факт коррелятивен суждению, так как факт, как и суждение, получает доступ к действительности не прямо, а опосредованно, факт, как и суждение, является формой человеческой мысли, а не формой действительности. В отличие от суждения, факт представляется только истинной пропозицией. «Значение истинности на синтаксическом уровне вводит модульная часть предложения» [Тимофеева 1996:17].

Модус ситуации логического вывода состоит из двух звеньев: «исходного пресуппозиционного знания и информации вывода» [Тимофеева

1996:17]. Модальный элемент, вводящий пресуппозиционную информацию, обладает значением достоверности данной информации (известно, общеизвестно и т.д.), модальный элемент, вводящий информацию вывода, может иметь значение уверенности – неуверенности автора в достоверности информации (уверен, предполагаю и т.д.).

В отличие от события, факты полностью оторваны от временной ориентации (они не могут начинаться, продолжаться и заканчиваться), хотя временная отнесенность присутствует внутри них. Поэтому мы полностью согласны с Н.Д.Рыбкой, который утверждает, что «бытийный процесс разворачивается от причины к следствию, а процесс познания идет от следствия к причине» [Рыбка 1962:112].

Категория следствия тесно связана с процессом мышления. Р.М.Теремова считает, что «...различные формы познавательной деятельности сознания связаны с разграничением двух уровней познания объективной действительности – эмпирическом и теоретическом» [Теремова 1987:28]. На эмпирическом уровне познания говорящий утверждает наличие причинно-следственной связи, характеризующей реальную действительность. Речь идет о реальных предметных отношениях, которые существуют объективно, вне сознания субъекта. На теоретическом уровне познания выявляются скрытые сущности явлений реального мира, причем «причинная зависимость между событиями выявляется на основе определенных логических операций, при активной, творческой роли говорящего лица, вносящего момент оценки связи между событиями» [Теремова 1987:28-29]. Таким образом, на эмпирическом уровне познания идет речь о реальных предметных отношениях вне их отношения к сознанию субъекта, а на теоретическом уровне познания говорящий имеет своим объектом не саму причинно-следственную ситуацию, а рассуждение, размышление по поводу этой ситуации.

Традиционно отмечается в философии гносеологическая связь причинно-следственных отношений с категориями количества и качества. Так, А.П. Шептулин в своей книге «Категории диалектики» пишет: «Познание людьми взаимосвязи количества и качества...подводит их вплотную к выявлению новых моментов всемирной универсальной взаимосвязи – причинности; и вместе с этим к необходимости формирования причины и следствия» [Шептулин 1986:157].

Определенные изменения (количественные и качественные) объекта или явления приводят к новым качественным характеристикам и тем самым служат причиной для возникновения следственных изменений. Это дало основание Ж.Н. Тимофеевой разделить предложения со следственной семантикой на «квалитативно и квантитативно окрашенные» [Тимофеева 1996:31]. В соответствие с этим «причинный компонент квантитативно-следственной ситуации содержит количественную характеристику действия, признаков или предметов, ... которая заключается в определенной мере количества проявления данных признаков» [Тимофеева 1996:31]. А в сфере действия квалитативно-следственной ситуации «следствие является результатом проявления определенных свойств предмета или признака действия» [Тимофеева 1996:32].

Таким образом, зоны квантитативного и квалитативного следствия формируются наличием следственной семантики, находящейся в зависимости от количественно-качественной характеристики причинного компонента. Мы считаем целесообразным рассматривать качественный и количественный компоненты каузальных отношений в тесной взаимосвязи, а не разделять их, опираясь на один из законов диалектики, который гласит: «любые количественные изменения неизменно приводят к образованию нового качества» [Фролов 1983:112].

Рассматривая категорию следствия, необходимо затронуть термины «каузативность» и «каузальность». Оба понятия имеют общее происхож-

дение, так как восходят к лат. слову *causa* (причина). Термины «каузативность» и «каузальность» отражают «общее значение причинности в широком смысле слова, то есть значение обусловленности» [Хазагеров 1999:15]., «... наличие всех обстоятельств, уже имеющихся в данной ситуации до наступления следствия и образующих собой условия действия причины» [Философский словарь 1983:329-330].

Однако, понятия каузативности гораздо уже, чем понятие каузальности. Различие их заключается в том, что «каузальность объединяет весь ряд частных значений, из которых складывается обусловленность: предпосылку, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, посылку, предлог, стимул, целевую установку и следствие. Каузативность же выделяет из этих обусловленностей только одну подгруппу – целевую установку и стимул» [Хазагеров 1999:15].

Для осмысления причинно-следственных отношений следует рассматривать их в контексте обусловленности в широком смысле слова, то есть как частный случай достаточного основания. В «Русской грамматике» признак достаточного основания толкуется как «интегрирующее начало, на базе которого в сферу обусловленности включаются такие виды зависимости как условно-следственная, причинная,... и следственная» [Русская грамматика, т.2 1980:678].

Ассоциативный потенциал каузальности довольно широк: «необходимая посылка, предоопределяющий (порождающий) фактор, обоснование, подтверждение, доказательство, довод, прямое или косвенное свидетельство, повод, предлог, стимул и т.п.» [Ляпон 1985:333].

Весь этот круг отношений, то есть так называемое причинное основание предполагает такую связь ситуаций, при которой одна из них оценивается как достаточное основание (причина) для реализации другой (следствия).

Говоря о структурах с условно-следственной семантикой, уместно обратиться к понятиям реальность, гипотетичность (ирреальность). Информация, представленная в гипотетическом модальном ключе, обладает нулевым прагматическим эффектом, то есть носит характер желательности, предположительности, тогда как зона реального обладает максимальным прагматическим эффектом.

Сравним:

Дали бы мне вторую жизнь (условие нереально), *я повторил бы ее в том же духе* (следствие нереально) (Л. Леонов. Русский лес);

Будут места (условие реально) – *поедете!* (следствие реально) (А. Рыбаков. Страх).

Итак, исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы:

1. Говоря о каузальных отношениях, вычленяемых на эмпирическом уровне познания, мы имеем в виду взаимосвязь трех компонентов: причины, условия и следствия, где причина при наличии определенных условий порождает определенное следствие.

2. Для причинно-следственных отношений характерен ряд признаков, отличающих данный вид отношений от других:

-наличие между причиной и следствием отношения порождения;

-временная асимметрия;

-однозначность и необходимость;

-пространственная и временная непрерывность.

3. На основе причинно-следственной связи формируются более сложные виды каузальной зависимости, так называемые цепи причинения (односторонние, двулинейные, разветвляющиеся).

4. Причинно-следственные отношения тесно связаны с процессом мышления, что выражается в разграничении двух уровней познания объ-

ективной действительности (эмпирическом и теоретическом), а значит и следственной семантики (следствие-событие, следствие-факт).

5. Каузальность - это взаимосвязь двух ситуаций: причинной и следственной;

6. Понятиях причина и следствие связаны с понятиями реальность и гипотетичность.

§3. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА О ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

В лингвистике изучение причинно-следственных отношений имеет давнюю традицию. Рассмотрение проблемы категории следствия началось еще в XIX веке и остается достаточно актуальным до настоящего времени. Вопрос о следственной семантике и средствах ее выражения в различных синтаксических конструкциях в различное время рассматривали Н.И.Греч, А.Х.Востоков, А.А.Шахматов, В.В.Виноградов, А.Ф.Михеев, Б.Н.Головин, Г.В.Валимова и многие другие исследователи.

Тем не менее, в научной литературе существует единая точка зрения только в понимании сложноподчиненного предложения с придаточной частью следствия, присоединяемой к главной части нерасчлененным¹ союзом **так что**.

---

¹ Мы считаем, что расчлененный союз употребляется в разных частях предложения.

Все ученые сходятся во мнении, что союз **так что** является основным репрезентатором следственной семантики (И.И.Греч, В.А.Богородицкий, В.В.Виноградов, В.В.Бабайцева и многие другие).

Что касается остальных синтаксических конструкций (простое предложение, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение, местоименно-союзное соотносительное предложение, бессоюзное сложное предложение), то здесь существуют различные подходы и точки зрения.

Мы полагаем целесообразным начать освещение истории вопроса изучения причинно-следственных отношений с простого предложения, т.к. оно является наименьшей синтаксической единицей, реализующей категорию следствия.

Впервые вопрос о необходимости основательного изучения второстепенных членов предложения, в частности, обстоятельства поставил В.В.Виноградов. Не выделяя среди обстоятельств разряд обстоятельства следствия, он отмечал, что «обстоятельное значение следствия может быть выражено различными синтаксическими конструкциями, образующими синонимический ряд, включающий простые и сложные предложения...» [Виноградов 1986:14].

В.В.Бабайцева, выделяя обстоятельство следствия, одним из основных его критериев считает конверсионный характер отношений простых предложений со следственной семантикой [Бабайцева 1981]. Опираясь на положение В.В.Бабайцевой о существовании обстоятельств следствия в простом предложении, Н.Д.Рыбка [1984] определяет обстоятельство следствия как член предложения, характеризующийся следующими признаками:

- обстоятельство следствия обозначает событие, порожденное другим событием;

- обстоятельство следствия связано подчинительной связью с противочленом причинной семантики;
- обстоятельство следствия обладает системой средств выражения своего значения, представленной деепричастным оборотом, предложно-падежными формами и синкретичными наречиями.

Способность деепричастий и деепричастных оборотов передавать следственную семантику традиционно отмечалась русскими лингвистами. Так, В. В. Виноградов писал: «...деепричастие совершенного вида, примыкая к глаголу, облеченному в форму прошедшего времени совершенного вида, и стоя позади него, обозначает действие не предшествующее и даже не одновременное, а как бы непосредственно последующее, являющееся органическим следствием основного действия. Деепричастие в этих случаях обозначает следствие, сопутствующее основному действию, выражает результат, осуществление которого обусловлено совершением основного действия» [Виноградов 1986:38].

Также роль деепричастий в качестве обстоятельства следствия определяет А. К. Федоров, указывая, что это «второстепенные члены предложения, обозначающие добавочное, сопутствующее действие и имеющие значение результата, следствия, вытекающего из основного действия, которое и является его причиной» [Федоров 1972:181].

Соглашаясь в определении роли деепричастия со следственной семантикой в качестве второстепенного члена простого предложения, Н. Д. Рыбка вносит существенное дополнение, отмечая, что деепричастия следует причислить к группе относительных обстоятельств, противопоставленных сопутствующим обстоятельствам, имеющим значение сопутствующего действия [1984]. Различие между вышеуказанными типами обстоятельств находится в сфере структурно-смысловых отношений и основывается на понятии симметричных и асимметричных взаимосвязей. Доказывая

относительный характер обстоятельств следствия, Н. Д. Рыбка [1984] отмечает следующие положения:

1. В простых предложениях с относительными обстоятельствами следствия, в отличие от сопутствующих, трансформация деепричастного оборота в конструкцию с сочинительной связью становится необратимой.

Например:

В темноте вспыхнул огонек сигареты, осветив одутловатое лицо мужчины (А. Иванов. Печаль полей);

В темноте вспыхнул огонек сигареты и осветил одутловатое лицо мужчины.

2. При относительном обстоятельстве видовременное соотношение глагола и деепричастия не имеет ограничений, то есть деепричастие может быть как совершенного, так и несовершенного вида и употребляться при глаголе как совершенного, так и несовершенного вида.

Например:

Публика, сразу подняв отчаянный крик, шарахнулась из кондитерского назад, смяв более не нужного Павла Иосифовича (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

3. Если к обстоятельствам сопутствующего действия, выраженным деепричастным оборотом нельзя поставить семантический вопрос, то к относительным обстоятельствам можно задать вопрос «с каким следствием?»

4. При преобразовании конструкции с деепричастными оборотами в функции относительного обстоятельства в сложноподчиненное предложение деепричастный оборот трансформируется в придаточное следствия, в отличие от сопутствующего обстоятельства, которое преобразуется в главную часть сложноподчиненного предложения.

Например:

Поднявшись с камня, он швырнул на землю бесполезно, как он теперь думал, украденный нож, раздавив флягу ногою, лишив себя воды. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

...раздавил флягу, так что лишил себя воды.

Исходя из всего вышеизложенного, Н. Д. Рыбка причисляет деепричастия со следственной семантикой к относительным обстоятельствам, полагая, что «действие деепричастия не сопутствует действию глагола, но два действия находятся в необходимой причинно-следственной зависимости» [Рыбка 1984:53].

В лингвистической литературе существуют полярные точки зрения на проблему видового соотношения деепричастий со следственной семантикой. Так, В. В. Виноградов утверждает, что только деепричастия совершенного вида способны обозначать следствие [Виноградов 1986].

А. Ф. Михеев, напротив, считает, что следственную семантику способны выражать не только деепричастия совершенного вида, но и деепричастия несовершенного вида: «Значение следствия выражает только такой деепричастный оборот, который стоит после глагола и обозначает действие, происходящее после основного действия как его естественное порождение – продолжение. Как правило, в таких оборотах употребляются деепричастия совершенного вида, реже – несовершенного» [Михеев 1966:10].

Если вопрос о способности деепричастий и деепричастных оборотов передавать следственную семантику является достаточно изученным и бесспорным, то проблема передачи следственного значения предложно-падежными формами является малоисследованной.

В лингвистике впервые начал трактовать предложно-падежные конструкции как обстоятельства следствия В. М. Никитин. Однако в круг репрезентаторов категории следствия автор включил модель «с + **творительный падеж**» типа закончить «с хорошим результатом» и т.п. [Ники-

тин 1985], которая, по нашему мнению, не содержит в себе причинного компонента, а значит и компонента следствия.

«Русская грамматика-80» к предложно-падежным конструкциям с причинно-следственными отношениями относит модели: «**вследствие + родительный падеж** имени существительного» и «**на + винительный падеж** имени существительного», а форму «**до + родительный падеж** имени существительного» квалифицирует как форму со значением интенсивности, либо как форму с синкретичной семантикой интенсивности и следствия, в зависимости от синтаксического значения предлога **до** и от смыслового наполнения двух полнозначных слов, между которыми предлог служит средством связи.

Как отмечает Ю. И. Леденев, «предлог, служа средством связи между двумя полнозначными словами, ... испытывает одновременно смысловое влияние обоих связываемых слов. Благодаря такому сложному взаимодействию с подчиняющим и зависимым словом, предлоги особенно первообразные, испытывают на себе влияние разных смысловых и категориальных значений» [Леденев 1988:82].

Итак, рассматривая модель «**до + родительный падеж**» можно сказать, что традиционным значением предлога **до** является значение предела, то есть интенсивность действия. Например:

*Биться **до** последней **капли** крови.*

Однако если конструкция включает в себя два события, одно из которых является причиной появления другого, то такая конструкция является синкретичной, так как совмещает значение интенсивности и значение следствия. Например:

*Радоваться **до** слез.*

Область каузации представляет огромный интерес с точки зрения «философии грамматики и языковой психологии: каузатив показывает, как носители данного языка проводят разграничение между различными вида-

ми причинных отношений, как они воспринимают и интерпретируют каузальные связи между происходящими событиями и действиями людей» [Вежбицкая 1999:176].

Первые замечания о каузативе и каузативных глаголах мы находим у Ш. Балли и Дж. Лайонза [Балли 1955, Лайонз 1978].

Последующие годы каузатив являлся объектом все более детального изучения многих лингвистов мира. Достаточно пристальное внимание уделял каузативу И. А. Мельчук, который в своих трудах дает типологию каузатива (грамматического и лексического) на материале генетически различных языков. Подчеркивая актуальность исследований каузатива, И. А. Мельчук отмечает: «Каузативная дериватема встречается в языках практически всех известных языковых семей, что не удивительно, учитывая первоочередную значимость причинно-следственных отношений в человеческой жизни» [Мельчук 1998:379].

Проблеме выражения причинно-следственных отношений в предложениях со специальным предикатом посвящено много работ. А потому в исследованиях структур со специальным предикатом выделяется несколько направлений: логическое [Н. Д. Арутюнова], лексико-семантическое [И. П. Казимирская, Т. Г. Хазагеров], лексико-грамматическое [А. П. Чудинов, Е. Я. Гордон], функциональное [Г. А. Золотова]. Наличие разных подходов к изучению данной проблемы объясняется сложностью и многоаспектным характером каузальных отношений. Однако, несмотря на разные точки зрения в рассмотрении каузативных глаголов, все лингвисты признают, что к конструкциям со специальным предикатом относятся простые предложения с каузативными глаголами, в лексическом значении которых отражаются причина и следствие.

Также нет единства среди ученых в определении каузативных глаголов. Так, одни ученые называют такие глаголы «глаголами причинно-следственных отношений» [Р. М. Гайсина 1981], другие называют такие

глаголы «глаголами мыслительных операций» [И. П. Лапинская 1984], третьи – «причинными глагольными связками» [М. В. Всеволодова и Т. А. Ященко 1988], четвертые – «предикатами причинности» [Т. А. Загребельная 1988], пятые – «причинными релятами» [О. В. Беленькая 1994].

Тем не менее, все лингвисты признают, что конструктивные способности таких глаголов зависят от выражаемого глаголом значения обусловленности и от способности глагола образовывать конструкции, актуализирующие причинно-следственную связь, как со стороны причины, так и со стороны следствия. Причем некоторые каузативные глаголы типа **обусловить, спровоцировать, породить, вызвать** и т.п. способны образовывать конструкции, характеризующие причинно-следственную ситуацию как в отношении причины, так и в отношении следствия, что свидетельствует о широте их семантического значения. Н. Д. Арутюнова относит подобные глаголы к «двухвалентным глаголам, способным на каузацию одного целостного нерасчлененного события с аналогичным ему событием» [Арутюнова 1976:285].

В теории каузативности дискуссионным является вопрос об объеме группы каузативных глаголов. В его решении существует два подхода. В соответствии с первым (широкое понимание каузативности) к числу каузативных относят все глаголы, требующие прямого объекта, подвергающегося воздействию с целью внести те или иные изменения [Балли 1955, Арутюнова 1976]. В соответствии со вторым подходом (узкое понимание каузативности) к каузативным глаголам относятся только такие глаголы, которые обозначают причинно-следственные отношения между двумя ситуациями [Апресян 1995, Мельчук 1998, Сильницкий 1969, Недялков 1974]. Нам представляется, что наиболее продуктивен второй подход. В этой связи в нашем исследовании мы в первую очередь опирались на работы сторонников второго подхода.

Вопрос о способности наречий выражать следственные отношения до настоящего времени остается достаточно дискуссионным. Так, В. В. Виноградов несмотря на то, что все же выделяет в качестве средства передачи причинно-следственных отношений немногочисленную группу наречий, «состоящих: 1. Из префикса с- и формы родительного падежа имени (**сгоряча, созла, сдуру**); 2. Из префикса по- с дательным падежом (**поневоле, по тому, по этому**)» [Виноградов 1986:312], тем не менее считает, что «развитие разнообразных приемов выражения причинно-следственных отношений в русском языке идет мимо наречий и охватывает преимущественно союзы и предлоги» [Виноградов 1986:313].

«Русская грамматика-80» также не выделяет наречия, образованные префиксальным и префиксально-постфиксальным способом относит к наречиям причины (**сгоряча, созла**). Подобной точки зрения придерживаются Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, А. Н. Гвоздев, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов).

Однако в лингвистике ряд ученых (А. Ф. Михеев, Р. М. Теремова, В. М. Никитин, Н. Д. Рыбка) высказали противоположную точку зрения на способность наречий передавать следственную семантику.

А. Ф. Михеев, например, утверждает: «В русской лексике и системе второстепенных членов есть такие наречия и словосочетания, основным значением которых является указание на следствие, достигаемый результат...» [Михеев 1979:360].

Следственные наречия выделяются и В. М. Никитиным, однако автор считает, что такие наречия носят синкретичный характер, так как «показывают материальный характер степени качества или действия и имеют оттенок следствия и состояния» [Никитин 1973:46].

Такие наречия с синкретичной семантикой подобны предложно-падежной форме «до + **р,п** существительного» и совмещают значение интенсивности и следствия.

Например:

На раскаленной докрасна плите пыхтел и отдувался котел с каким-то варевом (К.Паустовский. Золотая роза).

На плите раскаленной так, что она стала красной, пыхтел и отдувался котел с каким-то варевом.

Подобные конструкции легко трансформируются в местоименно-союзные предложения, что также служит подтверждением синкретичности семантики.

К синкретичным наречиям со следственной семантикой относятся наречия, образованные от причастий с адъективным значением типа **возбуждающе, угнетающе**. Следственную семантику подобных наречий отмечает А. Ф.Михеев, считая, что «особую подгруппу наречий результата составляют некоторые наречия, образованные от действительных причастий настоящего времени с суффиксом **-уще, -юще**. Они указывают какого эффекта, результата достигает действие и к какому состоянию приводит» [Михеев 1989:54].

Таким образом, синкретичные наречия с суффиксами **-уще, -юще** включают в себя значение степени качества и значение следствия, что доказывается их трансформационными возможностями .

Например:

Его поступок подействовал на всех окружающих угнетающе (А. П. Чехов. Мертвое тело).

Его поступок подействовал так, что все были угнетены.

Несмотря на то что наречия представленных типов в русском языке немногочисленны, отказывать им в способности выражать следственную семантику, на наш взгляд, неправомерно, так как они обладают событийностью и находятся в каузальной зависимости от компонента причины.

К формально не выраженному средству репрезентации причинно-следственных отношений относится передача следственной семантики в

блоках однородных сказуемых и однородных определений. Еще А. Ф. Михеев отмечал, что «в недрах простого предложения между его однородными членами могут складываться причинно-следственные отношения, которые осознаются лишь логически, грамматически же эти отношения, кроме порядка компонентов, ничем не выражены» [Михеев 1966:344].

В свою очередь, авторы «Русской грамматики-80» считают, что отношение обусловленности передается при помощи закрытых сочинительных рядов с синтаксически дифференцированными членами и возникает на основе соединительных отношений, оформленных прибавлением конкретизатора **потому, поэтому, стало быть, следовательно** [Русская грамматика 1980].

Что касается бессоюзной передачи значения обусловленности, то авторы «Русской грамматики» подчеркивают: «бессоюзные закрытые ряды выражают в основном те же отношения, которые принадлежат союзным рядам» [Русская грамматика 1980:173].

Соединение слов в блоки однородных членов с причинно-следственной семантикой носит лексико-семантический характер, так как значение обусловленности создается, прежде всего, смысловыми отношениями компонентов блока. Для данного типа отношений характерна строгая закреплённость следования его компонентов, ибо «...в семантике блоков однородных членов обнаруживаются такие оттенки, которые не позволяют говорить о смысловом равноправии однородных членов..., поэтому, в целом, для блока однородных членов не характерен свободный порядок словофобии» [Бабайцева 1981:13].

Союз **так что** в качестве репрезентатора причинно-следственных отношений лингвисты трактуют как основное [А. Б. Шапиро, Н. М. Андреева, Н. И. Греч], а некоторые – единственное [В. В. Виноградов, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба] средство выражения категории следствия в сложном предложении.

Впервые союз **так что** в разрозненном виде упоминает Н. И. Греч: «**Так, что** выражает следствие, сообразное с силою сказуемого в предыдущем предложении, например: *он так глуп, что этого не понимает; мой брат так хорошо учится, что я этому удивляюсь*» [Греч 1827:406]. Автор подчеркивал, что противоречивость данных конструкций заключается в выражении наряду со следственным значением семантики степени качества или образа действия.

Говоря о происхождении союза **так что**, Л. А. Глаголевский считал, что он «сформировался на базе недифференцированного подчинительного союза **что**», подтверждая это следующими примерами: «*Пришло в тупик, что некуда ступить. Починил дед клетку, что и собаки лезят*» [Глаголевский 1873:27].

Впервые результативный союз **так что** встречается в памятниках делового языка конца 17 – начала 18 веков. Условием появления союза **так что** является «позиция **так** в конце главного предложения непосредственно перед придаточным, присоединяемым к главному посредством союза **что**... При этом происходит и некоторое переосмысление всей фразовой перспективы в этом направлении, что, если ранее предложение, присоединяемое к главному посредством союза **что**, являлось следствием совершения действия каким-то определенным образом (или обладания качеством в какой-то определенной мере), то теперь придаточное предложение, вводимое союзом **так что**, является следствием того, о чем сообщается в главном предложении в целом». [Бунина 1957:57].

В. А. Богородицкий высказываясь о происхождении союза **так что**, отмечал, что данное средство выражения следственной семантики появилось в результате переразложения в составе сложных предложений. «Слово, прежде принадлежащее главному предложению, с течением времени является принадлежащим придаточному, например: **так что, потому что**...» [Богородицкий 1935:145].

Если в сложноподчиненном предложении с придаточной частью вводимой союзом **так что** традиционно отмечается всеми лингвистами следственное значение, то возможность расчлененного союза **так что** выражать следственную семантику оспаривается многими языковедами. Так, В. В. Виноградов конструкции с **так что** и **до того, что** сначала относил к следственным, а позднее остановился на том, что данные предложения имеют значения образа действия, степени действия и качества, «Русская грамматика –70» также указывала на то, что расчлененный союз **так что** не способен передавать следственную семантику [725].

В защиту того, что расчлененный союз **так, что** способен передавать следственную семантику, но осложненную различными смысловыми оттенками выступили А.Б.Шапиро, Р.М.Теремова, С.Е.Крючков, Л.Ю.Максимов, В.В.Бабайцева и другие.

Так, А.Б.Шапиро утверждал: «Сложные предложения, в которых придаточное содержит следствие, результат того, о чем говорится в главном, называются предложениями следствия... Такие придаточные предложения связываются с главным при помощи союза **так что**... Союз **так что** может разбиваться на две части, причем **так** ставится в главном предложении, а **что** – в придаточном» [Шапиро 1936:38], а от характера и положения соотнесительных слов в составе главного предложения зависят различные смысловые оттенки, сопровождающие придаточные следствия, «тем не менее, основным значением в данных предложениях является все-таки значение следствия» [Шапиро 1936:4].

Мы поддерживаем точку зрения, высказанную в работах А.Б. Шапиро, Н.М. Андреевой, В.В. Бабайцевой, и будем рассматривать местоименно-союзные соотнесительные предложения как конструкции способные передавать следственное значение, осложненное добавочной синкретичной семантикой.

ВЫВОДЫ:

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

-следствие является универсальной категорией, которую нужно рассматривать не только с позиций лингвистики, но и с логико-философских позиций, а также в тесной связи с процессом мышления;

-каузальные отношения складывается из тесной связи трех компонентов: причины, условия и следствия;

-рассматривать категорию следствия необходимо во взаимодействии с понятиями реальность и гипотетичность;

-в лингвистике причинно-следственные отношения следует рассматривать со структурно-семантических позиций, так как синтаксические конструкции от простого предложения до сложного синтаксического целого являются способом существования категории следствия;

-структуры, выражающие причинно-следственную семантику, пронизаны отношениями подчинения, независимо от того, к каким синтаксическим единицам они относятся по своим формальным показателям;

-союз **так что** является основным репрезентатором следственной семантики, а сложноподчиненное предложение с придаточной частью следствия, присоединяемой к главной части союзом **так что**, – основным способом существования причинно-следственных отношений;

-союз **так что** сформировался на базе недифференцированного подчинительного союза **что**, впервые союз **так что** встречается в памятниках делового языка конца 17-ого начала 18-ого веков;

-хотя некоторые лингвисты отказывают сочетаниям **так, что; до того, что; настолько, что** и т.п. в способности передавать следственную семантику [Виноградов 1986], мы, опираясь на точку зрения, изложенную в работе А. Б. Шапиро, считаем, что данные сочетания передают синкретичную семан-

тику, то есть значение следствие осложняется значением интенсивности, степени качества или меры количества;

-обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами, имеют следственное значение, так как два действия (глагол + деепричастие) находятся в необходимой причинно-следственной зависимости. Причем следственную семантику могут выражать как деепричастия совершенного вида, так и несовершенного вида;

-наречия способны находиться в каузальной зависимости с компонентом причины, то есть способны выражать следственную семантику, хотя круг таких наречий весьма ограничен;

-в систему репрезентаторов категории следствия входят предложно-падежные формы. Однако, как правило, они передают синкретичную семантику, то есть значение следствия осложнено другими значениями;

-конструктивные способности глаголов в передаче каузальных отношений зависят от выражаемого глаголом значения обусловленности и от способности глагола образовывать конструкции, актуализирующие причинно-следственную связь.

ГЛАВА II. КАТЕГОРИЯ СЛЕДСТВИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.

В структурно-семантическом отношении причинно-следственные конструкции достаточно разнообразны. Несмотря на то, что в зависимости от их дифференциальных свойств, структуры, выражающие причинно-следственную семантику, следует рассматривать на различных уровнях синтаксиса, можно говорить о семантико-синтаксической общности вышеупомянутых структур.

Категория каузальности, объединяющая в себе такие полярные понятия, как причина и следствие, находит свое наиболее полное грамматическое выражение в структуре сложноподчиненного предложения, так как именно здесь реализуется основное свойство причинно-следственных отношений – полисобытийность.

В рамках же простого предложения для причинно-следственных отношений полисобытийность не характерна, так как в простом предложении находит свое выражение только одна пропозиция, а обозначение причины и следствия имеет свои специфические формы.

Причинно-следственные отношения на уровне простого предложения могут выражаться следующими синтаксическими конструкциями:

- 1) предложно-падежными формами;
- 2) предложениями со специальным предикатом;
- 3) предложениями с обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами;
- 4) предложениями с обособленными определениями, выраженными причастными оборотами;
- 5) предложениями с однородными членами (определениями и сказуемыми);

б) наречиями со следственной семантикой.

§1. ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.

На уровне простого распространенного предложения репрезентаторами категории следствия являются предложно-падежные образования. Следует отметить, что предложно-падежные словосочетания с каузальной семантикой сравнительно новое и недостаточно изученное явление в языке.

Предложно-падежные распространители выступают в функции детерминантов, причем, их детерминирующая роль усиливается, если они располагаются в препозиции по отношению к грамматической основе предложения, и ослабевает в других позициях. В качестве этих детерминантов выступают разнообразные предлоги (производные и непроизводные), которые образуют аналитические предложно-падежные формы с именами существительными.

Поскольку некоторые предложно-падежные конструкции со следственной семантикой являются омонимичными вводным словам, то возникают трудности при их дифференциации в структуре простого предложения. Так, «Русская грамматика-80» объединяет в единую лексико-синтаксическую группу предложно-падежные конструкции со следственной семантикой и вводные словосочетания, образующие собой круг субъективно-модальных значений и определяющие «общее эмоциональное отношение к сообщаемому и служащие для выражения субъективного отно-

шения, эмоциональных реакций, оценок самого говорящего» [Русская грамматика-80:233].

Если в вводных словах и сочетаниях «говорящий описывает...свой взгляд на воспринимаемые предметы, явления, события» [Дмитровская 1989:124], то в предложно-падежных конструкциях с оценочно-следственным значением субъект-носитель определенного эмотивного состояния не совпадает с основным субъектом действия, что доказывает разное семантическое наполнение омонимичных структур.

Среди предложно-падежных конструкций, выражающих следственное значение, наиболее продуктивной и частотной является модель «**до + родительный падеж**». Данная предложно-падежная форма является синкретичной языковой единицей, одновременно передающей значение интенсивности и значение следствия, что эксплицируется при трансформации данной конструкции в сложное предложение с придаточной частью со значением меры и степени и со значением следствия, а также при трансформации в сложносочиненное предложение с причинно-следственной семантикой.

Например:

*Все тарелки, ложки и вилки были вымыты **до блеска*** (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Сравним:

*Все тарелки, ложки и вилки были **так** вымыты, **что** блестели.*

*Все тарелки, ложки и вилки были вымыты, **и поэтому** блестели.*

Следует отметить, что модель «**до + родительный падеж**» заполняется чаще всего существительными, обозначающими физическое состояние человека (**до тошноты, до боли, до ломоты, до икоты**), либо существительными, обозначающими психическое состояние человека (**до умиления, до удивительности**).

Например:

Глядя на нее, все растрогались до умиления (А. Рыбаков. Страх).

Храбрая женщина, до удивительности похорошевшая, остановилась у зеркала, повела обнаженными плечами, потрогала волосы на затылке и изогнулась, стараясь заглянуть себе за спину (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

На празднике он объелся до тошноты (А. Рыбаков. Страх).

Усиление значения интенсивности в синкретичной структуре «**глагол + до + существительное в родительном падеже**» происходит, если:

1) данная модель заполняется группой отвлеченных существительных со значением психофизического состояния, например: **разозлиться до бешенства, влюбиться до беспамятства, увлечься до самозабвения** и т.п.;

2) данная модель заполняется синонимичными или однокорневыми лексемами, например: **обезуметь до сумашествия, долежаться до пролежней** и т.п.;

3) наблюдается инверсионной порядок следования следственного компонента, например:

Черт его знает как! – развязно ответил рыжий, - я, впрочем, полагаю, что об этом Бегемота не худо бы спросить. До ужаса ловко сперли (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Однако присущая данной форме синкретичная семантика интенсивности и следствия расчленяется с преобладанием следственного компонента, так как модель «**до + родительный падеж**» реализует значение результата, заложенного в семантической структуре противочлена – глагола со значением изменения состояния.

В качестве противочлена данной конструкции могут выступать следующие префиксальные и постфиксальные глаголы:

1) глаголы с префиксом «**до**» – со значением «**довести до нежелательного состояния с помощью действия, названного мотивирующим гла-**

голом», например: **довел до слез, досмеялся до икоты, деспорили до драки** и т.п.;

2) глаголы с префиксом «за» – со значением «довести кого-либо до нежелательного состояния посредством действия, названного мотивирующим глаголом», например: **замучили до смерти, закармлили до тошноты** и т.п.;

3) глаголы с префиксом «у» – со значением «довести кого-нибудь до состояния истощенности с помощью действия, названного мотивирующим глаголом», например: **укачало до тошноты** и т.п.;

4) глаголы с префиксом «до» и постфиксом «ся» – со значением «довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом», например: **докурился до одурения, докричался до хрипоты, допился до безобразия** и т.п.;

5) глаголы с префиксом «за» постфиксом «ся» – со значением «в течение длительного времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие», например: **замечтался до самозабвения, заработался до головокружения** и т.п.;

6) глаголы с префиксом «из» и постфиксом «ся» – со значением «дойти до нежелательного состояния, приобрести или утратить определенные качества, способности, привычки в результате длительного или интенсивного совершения этого действия, названного мотивирующим глаголом», например: **измотался до бессилия, истосковался до слез** и т.п.;

7) глаголы с префиксом «на» и постфиксом «ся» – со значением «действия, названного мотивирующим глаголом, совершенного в достаточной степени или в избытке», например: **набегаться до усталости, страдаться до самоистязания** и т.п.;

8) глаголы с префиксом «об» и постфиксом «ся» – со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, совершается с излишней

интенсивностью, причиняя неприятность», например: **облопался до боли в животе** и т.п.;

9) глаголы с префиксом «у» и постфиксом «ся» – со значением «дойти до нежелательного состояния в процессе длительного или интенсивного действия, названного мотивирующим глаголом», например: **упился до белой горячки** и т.п.;

10) глаголы с префиксом «из» и постфиксом «ся» – со значением «дойти до нежелательного состояния, приобрести или утратить определенные качества, способности или привычки в результате частого, длительного совершения действия, названного мотивирующим глаголом», например: **истосковался до слез** и т.п.

Следует отметить, что в большинстве представленных конструкций следствие, обозначенное противочленом, имеет отрицательный характер (значение нежелательности), что связано с семантикой глагола, в лексическом значении которого сема изменения состояния в результате чрезмерного нагнетания действия.

Доминирование следственной семантики в предложно-падежной форме «**до + родительный падеж**» может быть обусловлено интонационным выделением, графическим оформлением которого является «смысловое тире» [Валгина 1983] или же парцелированием конструкции.

Например:

*Бить эту фашистскую сволочь, бить, не щадя, не жалея. **До смерти!*** (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

- *Вы упрямы?*

- *Упрямы – **до** полного **изнеможения*** (А. Левитов. Избранное).

Помимо вышеуказанных предложно-падежных форм можно выделить следующие модели предложно-падежных форм, реализующих следственную семантику. Как отмечает Ю.Ю. Леденев, «по основным особенностям выражения причинно-следственных отношений деление предлогов,

оформляющих каузативные детерминантные конструкции, совпадает с их классификацией на непрямые и производные» [Леденев 2001:116].

Таким образом, можно выделить следующие конструкции:

1. Модель «из + родительный падеж»:

Все это произошло из ненависти к нему (Ю. Шидов. Абрикосовое дерево).

2. Модель «из-за + родительный падеж»:

Крысобою все провожали взглядом из-за его роста (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Из-за частичной замены цемента песком бетон начинает крошиться (Аргументы и факты №23 2003).

В лед вода не превращалась только из-за своей солености (Аргументы и факты №32 2002).

Сравним:

Вода была соленая, поэтому в лед она не превращалась.

Цемент частично заменили песком, так что бетон начал крошиться.

3. Модель «от + родительный падеж»:

По комнате волнами распространялось сухое душистое тепло от камина (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Лед потрескивал от мороза (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Опустевшие постройки скрипят, стонут от зимних метелей и вьюг (Л. Леонов. Русский лес).

Серпантинные змеи развевались от ветра (Аргументы и факты №21 2002).

Сравним:

Был мороз, поэтому лед потрескивал.

Был ветер, так что серпантинные змеи развевались.

4. Модель «с + родительный падеж»:

С общего согласия собрание было перенесено (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Сравним:

Все согласились, поэтому собрание было перенесено.

5. Модель «в + винительный падеж»:

В дождь деревеньку затопляло (Комсомольская правда, 16 ноября 2003).

6. Модель «за + творительный падеж»:

Дельта нарастала за счет песка и ила (Комсомольская правда, 16 ноября 2003).

7. Модель «под + творительный падеж»:

Под ударами судьбы он очень изменился (А. Рыбаков. Страх).

Под лучами западного солнца степь быстро выгорает (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

Сравним:

Светили лучи западного солнца, поэтому степь быстро выгорала.

8. Модель «при + предложный падеж»:

При каждом ударе грома он жалобно вскрикивал и закрывал лицо руками (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

При слабом освещении колбочки прекращают свою работу (В. Г. Казаков. Психология).

Сравним:

Было слабое освещение, поэтому колбочки прекратили свою работу.

Таким образом, все вышеуказанные предложно-падежные формы передают значение следствия, что доказывается трансформационными возможностями данных конструкций.

9. Модель «благодаря + дательный падеж»:

Половина бригады не косит благодаря твоим стараниям (М. Шолохов. Поднятая целина).

10. Модель «**в силу + родительный падеж**»:

*Он простил Лизу **в силу** отеческой слабости* (К. Федин. Необыкновенное лето).

*Молекулы полученного вещества не распадались **в силу** своей химической стойкости* (Б. А. Воронцов-Вельяминов. Очерки о вселенной).

11. Модель «**вследствие + родительный падеж**»:

*Он был расстроен **вследствие** спора и зубной боли* (Л.Н. Толстой. Отрочество).

*Эллиптические галактики образуются **вследствие** столкновения двух спиральных галактик* (Б. А. Воронцов-Вельяминов. Очерки о вселенной).

12. Модель «**в связи + творительный падеж**»:

*Ей пришлось пережить много волнений **в связи с** пропиской* (А. Рыбаков. Страх).

13. Модель «**в виду + родительный падеж**»:

***Ввиду** предстоящей операции он был отпущен* (Н. Ляшенко. Боль).

*Труднее заметить на Марсе темные пятна **ввиду** их малой контрастности* (Б. А. Воронцов-Вельяминов. Очерки о вселенной).

14. Модель «**по причине + родительный падеж**»:

*Я ничего не увидел **по причине** занавески* (А. Грин. Бегущая по волнам).

*В водородно-гелиевых атмосферах Урана и Нептуна **по причине** низкой температуры аммиак частично вымерз* (Б. А. Воронцов-Вельяминов. Очерки о вселенной).

15. Модель «**по поводу + родительный падеж**»:

*В обществе **по поводу** этого известия возникла маленькая суета* (Н. Лесков. Сиборяне).

16. Модель «**в результате + родительный падеж**»:

В результате сильных дождей реки вышли из берегов (Аргументы и факты №24 2002).

В результате движения Североамериканской плиты начнут усиленно таять ледники (Аргументы и факты №31 2001).

Необходимо отметить, что синтаксические особенности детерминантных конструкций на уровне простого предложения всецело зависят от их структуры и средств связи. Основным средством оформления причинно-следственных отношений на уровне простого предложения являются предлоги, причем удельный вес производных предлогов растет с нарастанием степени осложнения предложения.

Говоря о непроеводных предлогах, необходимо помнить, что они выражают следственную семантику лишь в синтагматическом окружении. Таким образом, причинно-следственное значение многих непроеводных предлогов вытекает не только и не столько из их категориальной семантики, сколько из семантики детерминантной конструкции. Причем большинство значений детерминантов, оформленных посредством непроеводных предлогов, синкретичны, совмещены с условными, темпоральными и другими значениями. Соответственно отличительная черта конструкций с непроеводными предлогами – их категориальная неоднозначность. Такие образования представляются В.В. Бабайцевой как «конденсаторы семантики, одно из средств сжатия текста, один из способов экономии речевых средств» [Бабайцева 1983:38].

Иначе дело обстоит с производными причинно-следственными предлогами. «По мере того, как первичные (непроеводные) предлоги все более и более утрачивают свою лексическую индивидуальность, превращаясь из слов-морфем в падежные префиксы и глагольные послелого, возникают и распространяются новые аналитические, сложные типы предлогов. В составных формах предложных новообразований основа существительного,

наречия и т.д. как бы указывает на то грамматическое отношение, которое выражается данным предлогом» [Виноградов 1986:535-536].

Производные предлоги обладают более специализированной семантикой, их употребление, как правило, ограничено рамками одного падежа, кроме того конструкции, ими оформленные, тяготеют к осложнению. По сравнению с непроизводными производные предлоги гораздо реже оформляют синтаксемы с присловной зависимостью.

§2. НАРЕЧИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СЛЕДСТВИЯ.

Вопрос о способности наречий выражать следственные отношения до сих пор остается достаточно дискуссионным.

Ранее исследователями отмечалось, что в русском языке отсутствуют наречия, выражающие причинно-следственную семантику, объясняя этот факт тем, что «... отношения причины и следствия находятся в слишком непосредственном и наглядном взаимодействии с предметами и феноменами мысли и словесного выражения, чтобы не тяготеть к ним своими флексиями. Оттого последние не окамевают в означенной роли, как это бывает при отношениях пространственных, временных и образных» [Будилович 1983: 339].

В 18-19 веках русский язык приобретает дополнительные разнообразные средства для выражения причинно-следственных отношений. Но, как отмечает В. В. Виноградов, «развитие разнообразных приемов выражения причинных отношений идет мимо наречий и охватывает преимущественно союзы и предлоги» [Виноградов 1986:312]. Тем не менее, ученый

полностью не согласен с мнением А. С. Будиловича, и выделяет в качестве средства выражения причинных отношений немногочисленную группу наречий, состоящих:

1. Из префикса с- и формы родительного падежа имени существительного (сослепу, сдуру).

2. Из префикса по- и формы дательного падежа имени существительного (поневоле).

Наречия со следственной семантикой В. В. Виноградов не выделяет вовсе, однако, он отмечает как живой и продуктивный тип наречий, этимологически образованный от предложно-падежной формы **до+ родительный падеж прилагательного** типа «докрасна, добела» и указывает на предметно-обстоятельственное значение данных наречий. «Таким образом, в категории наречия как бы снимается, преодолевается то противопоставление категории качества и предмета, которое нашло выражение в своеобразиях грамматической структуры имен существительных и имен прилагательных. Разряд качественных наречий постепенно смыкается с разрядом предметно-обстоятельственных наречий» [Виноградов 1986:293].

«Русская грамматика» среди обстоятельственных наречий выделяет наречия причины (сгоряча, созла), считая их отличительным признаком специфический способ образования мотивированных наречий: префиксальный и префиксально-суффиксальный [Русская грамматика 1980]. Наречия следствия данная Грамматика не выделяет.

Б. Н. Егорова, выделяя обстоятельственные наречия причины, считает, что они «указывают на причину, которая порождает определенное следствие» [Егорова 1999:16]. В количественном отношении их насчитывается около 10: **сгоряча, созла, сослепу, спросонья, спьяна, сдуру** и т. д. Употребляются такие наречия с глаголами, указывающими на отрицательный, нежелательный результат, объясняют причину того или иного следствия.

Например:

Рыбак сослепу попал в тину.

Спяну он врезался в дерево.

Сгоряча он много чего натворил.

Тем не менее, ряд ученых считает, что наречия способны выражать следственную семантику [Михеев1986, Никитин1961, Рыбка 1984, Теремова 1988].

Так, А. Ф. Михеев пишет: «В русской лексике и системе второстепенных членов есть такие наречия и словосочетания, основным значением которых является указание на следствие, достигаемый результат...» [Михеев 1986:360]. Автор определяет наречия результата-следствия как неизменяемые слова, указывающие на результат-следствие, достигнутые при определенном действии. В данную группу наречий А. Ф. Михеев включает наречия типа **вхолостую, впустую**. По нашему мнению, не всякий результат действия (вращаться вхолостую) представляет собой реальное следствие, так как причинно-следственная обусловленность представляет собой взаимосвязь двух событий, одно из которых не только предшествует другому, но и порождает его. В данном случае «вращаться» не представляет собой причину появления следственного компонента в виде наречия «вхолостую». Следовательно, в таком случае мы имеем не причинно-следственную обусловленность, а действие и образ данного действия.

Выделяя следственные наречия, В. М. Никитин отмечает, что «такие наречия показывают материальный характер степени качества или действия и имеют оттенок следствия и состояния» [Никитин 1961:46].

Мы полностью согласны с мнением ученого о том, что наречия со значением следствия характеризуются синкретичной семантикой.

Сравним:

Железо раскалилось докрасна.

Железо раскалилось так, что стало красным.

Железо раскалилось до того, что стало красным.

Из вышеприведенных примеров видно, что наречие **докрасна** помимо следствия указывает на состояние, возникшее в результате совершения интенсивного действия. Следовательно, мы можем говорить о синкретичной семантике наречия.

К синкретичным наречиям со следственной семантикой относятся наречия, образованные от причастий с адъективным значением типа **волнующе, ошеломляюще, угнетающе**. Следственная семантика наречий такого типа была отмечена в работах В. М. Никитина [1961] и А. Ф. Михеева [1986]. Так, А. Ф. Михеев считает, что «особую подгруппу наречий результата составляют некоторые наречия, образованные от действительных причастий настоящего времени с суффиксом -уще, -юще: возбуждающе, угнетающе. Они указывают, какого эффекта, результата достигает действие и к какому состоянию приводит» [Михеев 1979:54]. Автор подчеркивает, что названные наречия наиболее часто употребляются с каузативными глаголами типа: действовать, влиять и т.д.

Некоторые лингвисты полагают, что «употребление наречий с каузативными глаголами лишает их самостоятельной следственной семантики... в том же случае, когда данный тип наречий примыкает к именной части составного именного сказуемого, в семантической структуре наречий типа **угнетающе** синкретично взаимодействуют квантитативный и следственный компоненты семантики» [Тимофеева 1996:117]. По нашему мнению, употребление наречий с каузативными глаголами не лишает наречий следственной семантики, а наоборот усиливает ее. Кроме того, наречия включают в себя как значение высокой степени качества, так и следственную семантику, что доказывается их трансформационными возможностями.

Например:

Это неожиданное зрелище действует на него подавляюще (А. П. Чехов. Мертвое тело).

Это неожиданное зрелище так действует на него, что подавляет.

Во всем облике ее было что-то волнующе привлекательное (Л. Леонов. Русский лес).

Во всем облике ее было что-то такое привлекательное, что это волновало.

Весь вечер он был угнетающе молчалив (Ф. М. Достоевский. Игрок).

Весь вечер он был до такой степени молчалив, что это угнетало.

Все это произошло ошеломляюще быстро (Ф. М. Достоевский. Игрок).

Все это произошло настолько быстро, что ошеломило.

Наречия представленных типов в русском языке немногочисленны, тем не менее, отказывать им в способности выражать следственную семантику в синкретичной с другими значениями форме, по нашему мнению, представляется неправомерным, так как они обладают общим семантическим дифференциальным признаком категории следствия – событийностью и находятся в каузальной зависимости с противочленом – событием-причиной.

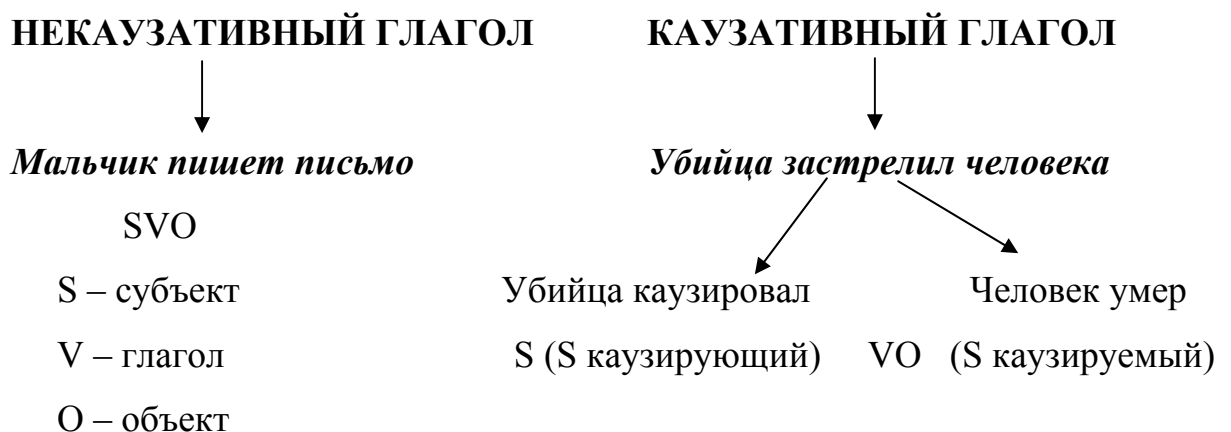
§3. ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРЕДИКАТОМ.

На уровне простого предложения причинно-следственная взаимосвязь вычленяется в структурах со специальным предикатом. К конструкциям со специальным предикатом относятся такие простые предложения, в

лексическом значении которых отражаются причинно-следственные отношения как объект лексической номинации. Семантико-синтаксические особенности данных конструкций заключаются в том, что все компоненты каузативной ситуации (причина и следствие) находят свое выражение в структуре простого предложения, обуславливающий и обуславливаемый компоненты представляют собой свернутые пропозиции или пропозиции неполной номинализации, а причинно-следственные отношения выражаются специальным предикатом, выраженным глаголом или существительным, называющим данный тип отношений.

В этой связи необходимо разграничить понятия «каузативный глагол» и «некаузативный глагол». Некаузативные глаголы не имеют смы «каузировать». Предложения с некаузативными глаголами являются семантически неразложимыми, в то время как каузативный глагол предполагает разложение на две ситуации, причем одна из них является причиной возникновения другой. Каузативные глаголы отличаются от некаузативных глаголов тем, что «на более глубоком уровне семантического представления их актантами является не субъект и объект, а субъект каузации и субъект каузируемого состояния или действия» [Апресян 1995:47].

Сравним:

С точки зрения семантики структуры все каузативные глаголы можно разделить на три типа, отражающих в своем значении следующие константы:

- каузация;
- способ каузации;
- результат каузации.

Исходя из этого, можно выделить следующие типы глаголов:

1. Одноконстантные глаголы, которые содержат только константу «каузация», например: **заставить, побудить, вынудить** и т.п.;
2. Двухконстантные глаголы, содержащие в своем значении две константы «каузация» и «результат каузации». Например: **радовать, злить** и т.п.;
3. Трехконстантные глаголы, которые содержат в своем значении три константы «каузация», «способ каузации», «результат каузации», например: **заманить, заболтать** и т.п.

Каузативные глаголы, в отличие от глаголов других лексико-семантических групп (движения, речи, мысли), представляют собой совокупность глагольных лексем и лексико-семантических вариантов, объединенных категориальной семой «каузация», например: **вызывать, привести, вытекать, обуславливать, зависеть, породить, побуждать, содействовать, способствовать** и т.п. Конструктивные способности данных глаголов зависят как от широты (узости) выражаемого глаголом значения обусловленности, так и от способности глагола образовывать конструкции, актуализирующие причинно-следственную связь.

Например:

*Героическая борьба испанского народа **вызвала** страх и ненависть не только фашистов, но и реакционной буржуазии в странах Европы и США (Энциклопедический словарь юного историка).*

Дальнейший подъем передовой общественной мысли 17 и 18-х веков в Европе вызван укреплением позиций шедшего к власти капиталистического строя (Энциклопедический словарь юного историка).

Глагол-предикат **«вызвать»** способен образовывать конструкции, характеризующие причинно-следственную ситуацию как в отношении причины, так и в отношении следствия, что указывает на широту его значения. Н. Д. Арутюнова относит подобные глаголы к «двухвалентным» глаголам, способным на каузацию одного целостного нерасчлененного события с аналогичным ему событием. Валентность таких глаголов характеризуется семантической емкостью [Арутюнова 1983].

Конструктивные способности глаголов типа **содействовать, влиять, позволять, заставить** и других ограничены возможностью характеризовать причинно-следственные отношения путем введения при актуализации причинного компонента.

Например:

*Бездействие союзников на западном фронте **позволило** американскому командованию быстро перебросить войска на Восточный фронт* (Энциклопедический словарь юного историка).

*Мировая война 1914 – 1918 годов, одно из величайших явлений варварства человечества, **привела** к бессмысленной гибели более десяти миллионов человек* (Энциклопедический словарь юного историка).

Актуализация причинного или следственного компонентов в предложениях со специальным предикатом зависит от позиции данного компонента: препозиция каждого из них актуализирует данную семантику в рамках причинно-следственной ситуации. Таким образом, причинный и следственный компоненты представлены в виде свернутой пропозиции «механизм преобразования носит название номинализации» [Н. Д. Арутюнова 1983:25]. Различают полные и неполные номинализации. Основным способом представления полной номинализации обусловливающего и обу-

словливаемого компонентов является существительное событийной семантики:

1. Отглагольное существительное, например:

*Большое **оживление** среди мужиков **вызвало** это замечание* (А. Фадеев. Последний из удэге).

2. Отадъективные абстрактные существительные, выражающие качества, свойства, употребляющиеся преимущественно при компоненте, выражающем изменение состояния или действия, например: **равномерность, динамичность, последовательность**:

*И дней текущих **равномерность** сулила скуку и тоску* (М. Ю. Лермонтов. Демон).

3. Существительные событийной семантики, не раскрывающие сути самого процесса, а лишь определенным образом их классифицирующие, например: **мероприятие, процесс, происшествие, конфликт** и другие:

*Данное **происшествие** стало причиной многих конфликтов в семье* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).

4. В научной речи в роли причинного и следственного компонентов могут выступать самые разнообразные термины, например: **плеврит, тромбоз, аксиома, теорема, формула** и т.п.:

***Тромбозы** в артериях стали причиной нарушения кровообращения.*

***Тромбозы** в артериях явились результатом образования на стенках сосудов атеросклеротических бляшек.*

В представленных примерах в роли предикатов причины и следствия использовались существительные причины и результата. Основным средством для выражения отношений причины является существительное **причина**. Для выражения следственных отношений применяются предикаты – **следствие, результат**. Причем предикат **результат** употребляется преимущественно при обусловливающем компоненте, выражающем изменение какого-то действия, а предикат **следствие** употребляется, как правило,

при обуславливающем компоненте, выражающем свойства, качества, состояния.

Например:

*Тромбофлебит у мужчин, как правило, является **результатом** зло-
стного табакокурения;*

*Банкротство товаропроизводителей является **прямым следствием**
проводимой ценовой, кредитной, инвестиционной и налоговой политики.*

Рассматривая каузативные глаголы как средство выражения причинно-следственных отношений, мы вслед за В.В. Лабутиной [1988] отмечаем следующие особенности данного способа выражения категории следствия: - во-первых, причинно-следственная семантика может обозначаться «лексически в свернутом виде» [Лабутина 1988:8] – с помощью двух существительных предикативной семантики. В этом их отличие от сложных предложений, в которых причинно-следственные отношения выражаются отдельными предикативными единицами, так называемое «развернутое выражение» [Лабутина 1988:9]. Промежуточный уровень между данными конструкциями занимают простые предложения с обстоятельствами причины: «в них осуществляется развернутое предикативное обозначение ситуации следствия и номинализованное свернутое обозначение ситуации причины» [Лабутина 1988:9].

Сравним:

1. *Он ошибся, потому что был неопытен* (развернутое выражение предикативными единицами).

2. *К ошибке привела неопытность* (свернутое выражение существительными предикативной семантики).

3. *Из-за неопытности он ошибся* (развернутое обозначение ситуации следствия и свернутое обозначение ситуации причины).

- во-вторых, исследуемые конструкции – пример неспециализированного выражения причинно-следственных отношений, в отличие от предложений

с союзами и предлогами. Маркерами причинно-следственных отношений становятся здесь лексические средства – полужнаменательные глаголы.

Сравним:

*Он ошибся, **так как** был неопытен;*

***Из-за** неопытности он ошибся;*

*К ошибке **привела** неопытность.*

Идя вслед за В.В. Лабутиной [1988], мы выделяем следующие модели-стереотипы осмысления причинно-следственных отношений:

- модель движения:

*Уступки **приносят** победу;*

*С достатком и смелость **приходит**;*

- модель вместилища:

*Болезнь **таит** в себе опасность;*

*Это известие **наполнило** его радостью;*

- модель превращения:

*Изобилие часто **превращается** в препятствие к развитию;*

*Денежные реформы **обернулись** паникой;*

- модель рождения:

*Невежество – мать высокомерия, а ученость **рождает** скромность;*

- модель созидания:

*Страх **создал** богов;*

- модель притяжения:

*Чувство вины всегда **ищет** наказания;*

- модель платы, цены:

*Легкомыслие **стоило** ему карьеры;*

*Одиночество – **расплата** за жестокость.*

Таким образом, в простых предложениях со специальным предикатом причинно-следственные отношения выражаются каузативными глаго-

лами, имеющими сему «каузировать», так как подобные глаголы являются семантически разложимыми на две ситуации: «причину» и «следствие».

§4. ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОСТОМ ОСЛОЖНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.

4.1 КОНСТРУКЦИИ С ОБОСОБЛЕННЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ, ВЫРАЖЕННЫМИ ДЕЕПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ.

Одним из средств выражения следственного значения в простом предложении является деепричастный оборот. Следственная функция деепричастия вычленяется на семасиологическом уровне и зависит от лексического наполнения его самого и глагола-сказуемого, от которого оно зависит. Глагол-сказуемое представляет собой событие, порождающее другое событие, представленное в рамках деепричастного оборота, которое не только абсолютно следует, но и одновременно сосуществует с причинным компонентом.

Необходимо подчеркнуть, что деепричастие, как известно, выражает временные отношения предшествования, одновременности и следования, наложение на данный тип отношений следственной семантики логически осложняет конструкцию, что связано со способом отражения определенной каузативной ситуации. В данном случае видовое соотношение глагола и деепричастия представляет собой достаточно гибкую структуру, как пишет Т. В. Лыкова, «... никаких временных ограничений не существует, ес-

ли действие деепричастия и глагола необязательно должны совпадать во времени, вопрос ограничения и неограничения их действия во времени не имеет никакого значения» [Лыкова 1975:19]. Таким образом, действие обуславливающее, выраженное глаголом, и обусловленное, выраженное деепричастием, не могут составлять симметричного отношения.

Что касается проблемы видового соотношения глагола и деепричастия, то мы, идя вслед за А. Ф. Михеевым, считаем, что причинно-следственные отношения могут выражаться как деепричастиями совершенного вида, так и деепричастиями несовершенного вида, ибо «значение следствия выражает только такой деепричастный оборот, который стоит после глагола и обозначает действие, происходящее после основного действия как его естественное порождение-продолжение. Как правило, в таких оборотах употребляются деепричастия совершенного вида, реже несовершенного вида» [Михеев 1967:10].

Например:

*На востоке, за Окою, ярко-белым светом широко вспыхнул небосклон, **слепя глаза*** (В. Вересаев. Исанка).

*У наклонившихся девчат в вырезах блузок мелькали на миг, **обжигая душу, грушевидные груди*** (В. Вересаев. Исанка)

*Он смотрел на нее безумным взглядом, **леденя сердце*** (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деепричастия несовершенного вида, выражающие следственное значение, могут употребляться как при глаголах совершенного вида, так и при глаголах несовершенного вида. Исключением в данном случае является модель «**глагол несовершенного вида + деепричастие совершенного вида**». Данное сочетание невозможно, так как противоречит одному из признаков причинно-следственных отношений – «временной асимметрии», согласно которому событие-следствие не может предшествовать событию-причине.

Асимметричность отношений деепричастия-следствия и основного глагола-сказуемого заключается в том, что при трансформации этой структуры в сложноподчиненное предложение деепричастный оборот превращается в придаточное предложение со значением следствия.

Сравним:

Ракета вспыхнула, осветив поле боя;

Ракета вспыхнула так, что поле боя осветилось;

Ракета вспыхнул, так что поле боя осветилось;

Ракета вспыхнула, поэтому поле боя осветилось.

Вообще, значение следствия в простом предложении в «чистом» виде встречается довольно редко. Обычно оно осложняется другими оттенками значения, так как «...человеческому мышлению было свойственно, анализируя некоторую ситуацию объективной действительности, характеризовать степень выражения признака или меры проявления действия в этой ситуации, которая была порождена ею (явилась следствием)» [Рыбка 1984:5].

Таким образом, семантика следствия в простом осложненном деепричастным оборотом предложении в основном синкретична с другими обстоятельственными значениями. В частности следственная семантика может быть «отягощена» такими типами значений, как количественная и качественная характеристика.

Однако, будучи полупредикативными единицами, деепричастия в имплицированном виде содержат в себе событийную семантику, что позволяет им занимать промежуточное положение между простым и сложным предложением в вопросе о способах выражения значения следствия.

В глагольных конструкциях с деепричастным оборотом, выражающих следственную семантику, не осложненную другими обстоятельственными значениями, глагол выражает событие-причину, а деепричастие с зависимым словом - событие-следствие. В подобных предложениях следст-

венные отношения не осложнены ни количественным, ни качественным типами значений, так как реализация действия следствия, заключенного в рамки деепричастного оборота, не зависит ни от количественной, ни от качественной характеристики глагола-сказуемого.

Предложения с деепричастными оборотами с синкретичной семантикой характеризуются тем, что осуществление события-следствия в них связано с высокой степенью качества или интенсивности действия причинного компонента. Если следственная семантика в подобных конструкциях выявляется на семасиологическом уровне, то качественно-количественное значение может проявляться на уровне «скрытой грамматики» [Валимова 1983].

К средствам «скрытой грамматики» относятся:

- лексическое наполнение конструкции;
- сочетаемость слов;
- вся система категорий подразумеваемого содержания.

В этом случае элементы «скрытой грамматики» позволяют увидеть сочетание следственного значения с семантикой высокой степени интенсивности действия, качества или меры количества.

Например:

*Видя, что клятвы и брань не действуют и ничего от этого на солнце не меняется, он сжал сухие кулаки, зажмурившись, вознес их к небу, к солнцу, которое сползало все ниже, **удлиняя тени*** (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

*Гремели черные поезда, **потрясая окна домов*** (В. Набоков. Машенька).

Лексические показатели, то есть элементы «скрытой грамматики», указывают на то, что реализация события-следствия происходит в результате нагнетания признака или высокой интенсивности действия.

Поскольку событие-причина не только абсолютно предшествует, но и относительно одновременно сосуществует с событием-следствием, в синтаксических конструкциях деепричастный оборот со следственным значением может занимать препозитивное положение по отношению к глаголу со значением причины.

Например:

Ломая ногти, я раздирал тетрадки, стоя вставлял их между поленьями и кочергой трепал листья. (М. А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

В этом случае происходит видовая коррекция деепричастия и глагола, которая чаще всего строится по модели «деепричастие несовершенного вида + глагол несовершенного вида».

Таким образом, следственная функция деепричастия целиком зависит от лексического наполнения его самого, а также глагола-сказуемого. Семантика следствия в деепричастном обороте может быть представлена как в «чистом» виде, так и в синкретичном, то есть может быть осложнена качественно-количественной характеристикой. Конструкции с деепричастием, благодаря полупредикативной природе деепричастия, занимают промежуточное положение между простыми и сложными предложениями со значением следствия.

4.2 КОНСТРУКЦИИ С ОБОСОБЛЕННЫМИ ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ, ВЫРАЖЕННЫМИ ПРИЧАСТНЫМ ОБОРОТОМ, КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ СЛЕДСТВИЯ.

Если в лингвистической литературе вопрос о способности причастных оборотов передавать причинное значение является бесспорным, то во-

прос о выражении значения следствия конструкциями с причастными оборотами вызывает среди ученых разногласия.

Поддерживая точку зрения Б. Н. Головина, который отмечал: «определения обозначают совместимые в одном предмете и внутренне зависящие признаки, связанные отношениями причины-следствия...» [Головин 1981:77], мы считаем, что причастия способны передавать событийную семантику, а следовательно, выступать в качестве репрезентаторов причинно-следственной семантики.

Так как способность причастных оборотов передавать значение причины не вызывает сомнения, то логично предположить, что, поскольку причина-следствие есть диалектическое единство двух сторон каузальной связи, то и на лингвистическом уровне данная семантика может быть представлена единой синтаксической конструкцией, которая в зависимости от того или иного окружения может выступать как репрезентат события-причины или репрезентат события-следствия.

Причастие, обозначающее процесс как признак предмета, может заключать в себе синкретичное с атрибутивным следственное значение.

Например:

Он внезапно зажег свет, резко ударивший ей в глаза (И. Бунин. Темные аллеи).

Однако при проведении реформ были допущены серьезные ошибки, повлекшие за собой осложнение внутривнутриполитической обстановки (Энциклопедический словарь юного историка).

Трансформация данных конструкций в сложноподчиненное предложение с атрибутивно-распространительным придаточным указывает на то, что придаточная часть формально зависит от существительного в главной, которая «не нуждается по смыслу в таком определении: оно имеет и без того достаточно определенное значение...» [Бабайцева, Максимов 1981:212], а семантически соотносится с глаголом-сказуемым в главной

части. В таких случаях в придаточной части легко развивается добавочное следственное значение.

Например:

Он внезапно зажег свет, который резко ударил ей в глаза;

Однако при проведении реформ были допущены серьезные ошибки, которые повлекли за собой осложнение внутривнутриполитической обстановки.

В подобных структурах событие-причина, представленное в главной части сложноподчиненного предложения, служит достаточным основанием для появления события-следствия, заключенного в придаточной части.

Причинно-следственные отношения, представленные причастными оборотами, могут выделяться и в блоке однородных определений (выраженных причастиями), в котором препозитивное определение есть причина, обуславливающая появление последующего определения.

Например:

*Неловкость, обычно сопряженная с наготой, зависит от сознания нашей незащитной белизны, давно **утратившей** связь с окраской окружающего мира, **а потому находящейся** в искусственной дисгармонии с ним (В. Набоков. Дар)*

(**а потому** – семантический конкретизатор следственных отношений).

*Укусить руки Нилова до локтя он не мог, протянуть же морду к его лицу и плечам ему мешали пальцы, **давившие** его шею и **причинявшие** ему сильную боль (А. Чехов. Волк).*

По своим трансформационным возможностям однородные члены, представленные причастными оборотами с причинно-следственными отношениями, достаточно разнообразны.

Сравним:

*Ему мешали пальцы, **давившие** его шею и **причинявшие** ему боль.*

1. *Пальцы давили его шею и причиняли ему боль* (причинно-следственные отношения выражаются блоком однородных сказуемых).

2. *Пальцы давили его шею, причиняя ему боль* (причинно-следственные отношения выражаются деепричастным оборотом).

3. *Пальцы до боли сдавили его шею* (причинно-следственная семантика выражается предложно-падежной конструкцией).

4. *Пальцы давили его шею, и поэтому ему было больно* (сложносочиненное предложение с причинно-следственными отношениями).

5. *Пальцы давили его шею так, что ему было больно* (местоименно-союзное соотносительное сложноподчиненное предложение со значением степени действия и следствия).

6. *Пальцы давили его шею, так что ему было больно* (сложноподчиненное предложение со следственной семантикой).

Таким образом, причастие может обозначать не только признак, «предшествующий признаку, названному сказуемым» [Виноградов 1986:184], но и признак по действию, присущий субъекту и связанный внутренней каузально обусловленной связью с основным действием, названным сказуемым.

4.3 ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ.

К грамматически не выраженному отражению причинно-следственных отношений относится передача причинно-следственной семантики в блоках однородных сказуемых и однородных определений как с конкретизаторами, так и без них. Данные отношения осознаются лишь

«логически, грамматически же эти отношения, кроме порядка компонентов, ничем не выражены» [Михеев 1966:344].

Необходимо отметить, что словоформы (однородные сказуемые и определения), объединенные сочинительной связью, выражают причинно-следственную взаимообусловленность на лексико-семантическом уровне. Данный вид отношений не зависит от категориальных свойств слов, объединенных в сочинительный ряд, но особенностью каузальной обусловленности является представленность этого вида отношений, прежде всего блоком однородных определений и сказуемых.

Например:

Он утомился и умолк (А. П. Чехов. Живой товар).

Лидия Михайловна смутилась и покраснела (В. Распутин. Уроки французского).

Санька собирался на рыбалку и распутывал леску (В. Астафьев. Конь с розовой гривой).

Не хотел он верить своим знаниям и всеми силами старался выстучать и выслушать на ее груди хоть маленькую надежду (А. П. Чехов. Цветы запоздалые).

Улицы города, пустынные и неприветливые, встретили нас (Л. Леонов. Русский лес).

Она смотрела на нас своими таинственными, колдовскими глазами (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Как показывают вышеприведенные примеры, ни заполнение модели разными типами однородных определений и сказуемых, ни видо-временная корреляция не имеют существенного значения в формировании причинно-следственных отношений.

Основополагающим в создании данного типа отношений является представленность членов сочинительного ряда лексемами, способными передавать событийную семантику, и определенный способ расположения

однородных членов, выражающих каузальную взаимосвязь. Порядок следования однородных членов является грамматическим показателем выражаемых сочинительным рядом причинно-следственных отношений, так как он передает такой дифференциальный признак каузальности, как «причина – предшествующее событие, следствие – последующее событие» [Михеев 1967:19].

Причинно-следственная связь в сочинительном ряду может быть актуализирована посредством местоименных наречий типа **поэтому, потому, оттого** и модальными словами **следовательно, значит** в сочетании с союзами **и, а**. Помимо этого, в качестве элементов, актуализирующих следственную семантику, могут выступать сочетания **по этой причине, по сей причине** которые обобщают причинное значение предшествующего компонента и уточняют следственное значение последующего компонента.

Например:

*Они этого не знали и **по сей причине** особенно боялись* (В. Лавров. Холодная осень).

*Мое сердце екнуло, почувствовав какую-то беду, мне еще не ведомую, а **по сей причине**, более страшную* (А. П. Чехов. Цветы запоздалые).

Необходимо отметить, что союзы **и, а** в таких сочетаниях факультативны, так как их отсутствие не изменяет основное значение конструкции.

Сравним:

*Он устал **и поэтому** не работает.*

*Он устал, **потому** не работает.*

Причем конкретизаторы типа **и поэтому, а потому, и следовательно, а значит** являются формальными репрезентаторами следственной семантики и тем самым становятся критерием установления такой семантики в тех случаях, когда содержание однородных членов не предполагает как единственно возможное осмысление причинно-следственных отношений.

Основываясь на высказывании Н. И. Шайдуллиной, которая писала: «Вводное слово **следственно** может вводить однородные сказуемые, находящиеся в отношении основания вывода...» [Шайдуллина 1983 : 146], мы будем рассматривать вводные слова **следовательно, значит** как лексемы, указывающие на момент обобщения, на некий вывод, который извлекается на основании содержания первого компонента,

Например:

*Не волнуйтесь, он человек **добрый, следовательно, наивный.*** (В. Лавров. Холодная осень).

*Панкратов занял позицию **аполитичную и, следовательно, обывательскую*** (А. Рыбаков. Дети Арбата).

*Допустить **экономическое, а следовательно, политическое** господство технократии мы не можем* (А. Рыбаков. Дети Арбата).

*Они **уходили** вместе с Морщихиным и , **следовательно, разделили** его судьбу* (Л. Леонов. Русский лес)

*Все, связанное с Варей, **придумано, а значит, кончено*** (А. Рыбаков. Страх).

Однородные члены, соединяемые местоименными наречиями **потому, поэтому**, способны выражать как собственно причинно-следственные отношения, так и отношения логического вывода,

Например:

*Лист бумаги завалился за ящик, **потому** уцелел.* (В. Лавров. Холодная осень).

*Я знал отца, **потому** тревожился из-за него.* (П. Флоренский. Детям моим).

Таким образом, среди средств выражения значения следствия в простом предложении именно конструкции с однородными членами и местоименными наречиями **потому, поэтому** и модальными словами **следова-**

тельно, значит способны выражать не только причинно-следственную семантику, но и отношения логического вывода.

ВЫВОДЫ:

Проведенный анализ категории следствия в простом предложении дает основания утверждать, что следственная семантика занимает определенное место в семантической структуре простого предложения.

Язык отражает причинно-следственные отношения в их диалектической двусторонности, но при актуализации одной из сторон каузальной взаимозависимости – причины или следствия.

Следствие в простом предложении, таким образом, может быть актуализировано (в качестве противочлена причинной конструкции), а также быть вне актуализации причинно-следственных отношений (синкретичные определения со значением следствия, ряды однородных членов, предложения со специальным каузативным предикатом).

Среди актуализированных способов выражения категории следствия в простом предложении наименее дискуссионным является обстоятельство следствия, выраженное деепричастным оборотом или деепричастием.

Именно деепричастие как полупредикативная единица наиболее ярко эксплицирует основной признак причинно-следственных отношений – событийность. Следственная семантика в деепричастии возникает от взаимодействия его лексического содержания и семантики глагола.

К числу наиболее частотных средств выражения следственного значения в простом предложении относится синкретичная предложно-падежная форма «**до + родительный падеж**». Как синкретичная единица данная модель сочетает в своем значении семантику интенсивности и следствия. Доминирование одного из этих компонентов приводит к тому, что каждый из данных типов значений может преобладать над другим.

Синкретичную семантику интенсивности и следствия передает наименее частотная из всех предложенных моделей предложно-падежная форма «**в + винительный падеж**». Следственное значение здесь возникает как результат высокой степени интенсивности реализации действия причины.

Наполнение моделей «**на + винительный падеж**» и «**к + дательный падеж**» указывает на то, что следственная семантика может быть осложнена оценочной характеристикой. Обозначая следствие, лексемы, заполняющие данные модели, указывают не только на отрицательную или положительную оценку следственного события, но и соответственно оценивают причинную ситуацию.

На семасиологическом уровне следственное значение передается также в предложениях с блоком однородных членов, связанными каузальной связью, и в простых предложениях с «чистыми» семантическими отношениями.

В предложениях со специальным каузативным предикатом в качестве причинного и следственного компонентов выступают имена пропозитивной семантики, что в наибольшей степени позволяет эксплицировать причинно-следственную взаимосвязь. Сложность данных конструкций обусловлена, с одной стороны, типом каузативного глагола-сказуемого, а с другой стороны, характером выражения причинного и следственного компонентов (именами пропозитивной семантики или конкретными именами в пропозитивной функции; полная или неполная номинализация).

В предложениях, выражающих причинно-следственные отношения внутри сочинительных рядов, причинно-следственная семантика создается на речевом уровне, то есть, прежде всего, взаимодействием лексического значения причины и лексического значения следствия, представленных блоком однородных членов. Грамматическим оформлением данных отношений является определенный порядок следования словоформ. Введение типизированных лексических элементов типа **потому, следовательно, значит** уточняет следственную семантику и указывает на генетическую близость данных конструкций сложносочиненным предложениям с причинно-следственным значением.

Конструкции с обособленным определением, выраженным причастным оборотом, в качестве дополнительного оттенка значения к основному атрибутивному могут иметь семантику следствия. Особенностью этих конструкций является то, что причастный оборот, формально зависимый от существительного, реально семантически обусловлен лексемой, представленной глаголом-сказуемым. Причинно-следственные отношения в данном случае возникают от сопряжения двух лексем: лексемы основного предиката и лексемы полупредикативной конструкции.

Наречия выступают средством выражения причинно-следственных отношений в простом предложении. Хотя круг таких наречий очень ограничен, исключать их из системы средств выражения категории следствия в простом предложении неправомерно.

ГЛАВА III. КАТЕГОРИЯ СЛЕДСТВИЯ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ.

Лингвистическая категория следствия характеризуется широкой семантической вариативностью, связанной с разноплановой и сложной системой средств формального выражения. На уровне сложного предложения выражение причины и следствия обеспечивается средствами предикативных частей предложения.

Главное свойство следственных отношений - полисобытийность – представлено в сложном предложении в виде актуализированных во временном плане развернутых пропозиций (предикативных конструкций), что обеспечивает сложному предложению наивысший уровень репрезентации каузальной связи. Причинно-следственные отношения как частный случай отношений обусловленности представляют собой каузальную связь, которая устанавливается между событиями (ситуациями), когда наличие или отсутствие одного события вызывает наличие или отсутствие другого события.

Семантика причинно-следственных отношений в силу своей двуаспектности нуждается в оптимальном средстве своего выражения. Лингвистические конверсивы – причина и следствие – в сложном предложении, в отличие от простого, представлены наиболее полно в виде развернутых предикативных конструкций. Причем, одной из особенностей подобных сложных предложений является обязательное наличие как причинного, так и следственного компонента.

Сложное предложение мы будем рассматривать исходя из того, что отношения подчинения пронизывают всю структуру высшего уровня языка [Леденев 2000]. Даже конструкции сочинительной и бессоюзной орга-

низации, если они выражают причинно-следственные отношения, можно квалифицировать как те или иные реализации подчинительных отношений, где часть, выражающая следствие, логически зависит от части, выражающей причину.

Таким образом, в самой природе причинно-следственных отношений уже заложено подчинение компонента следствия компоненту причины. Следовательно, мы можем говорить о том, что сочинительными или бессоюзными конструкции являются только по форме (наличие сочинительных союзов или же отсутствие союзов), а по смыслу они тяготеют к подчинению.

Сравним:

1. *Я опоздал, и меня не пустили в класс.*
2. *Я опоздал, и **поэтому** меня не пустили в класс.*
3. *Я опоздал, **так что** меня не пустили в класс.*
4. *Я опоздал – меня не пустили в класс.*

Проанализировав примеры (1,2,4), можно сделать вывод о том, что данные конструкции являются сочинительными (1,2) или бессоюзными (4) только по формальным показателям (сочинительный союз **и**, бессоюзная связь), однако по смысловой зависимости вторая часть этих конструкций подчиняется первой, так как зависит от нее. Причем, наличие местоименного наречия **поэтому** (2) еще больше подчеркивает эту зависимость.

Таким образом, для структур, выражающих причинно-следственные отношения, характерна зависимость одной части от другой в смысловом отношении.

§1. СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЛОЖНОСОЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.

В лингвистической науке существуют различные термины для обозначения сложносочиненных предложений, которые являются репрезентаторами категории следствия.

Так, например, некоторые ученые, говоря о таких синтаксических конструкциях, предлагают называть их «соединительно-результативными предложениями» [С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, В. В. Бабайцева]. Другие же употребляют термин - «предложения следствия-вывода» [Д. Э. Розенталь, А. П. Гвоздев].

На наш взгляд, оба термина выражают сущность синтаксических конструкций, имеющих значение следствия. Тем не менее, необходимо отметить, что, называя сложносочиненные предложения с каузальными отношениями «соединительно-результативными», мы тем самым ограничиваем круг данных конструкций только предложениями, части которых присоединяются соединительными союзами, тогда как следственную семантику имеют и другие типы сложносочиненных предложений. В соответствии с этим целесообразнее называть данные структуры «предложениями следствия-вывода».

В вышеуказанных предложениях две части соединяются таким образом, что вторая часть выражает следствие вывод или результат, вытекающие из содержания первой части.

Сложносочиненные предложения следствия-вывода относятся к предложениям закрытой структуры, так как в них всегда две части, которые расположены в строго определенном порядке: часть, имеющая значение следствия, находится в постпозиции по отношению к части, выражающей обуславливающий фактор.

1.1 СОДЕРЖАНИЕ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОСОЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Основным репрезентатором следственной семантики в сложносочиненных предложениях является реальное содержание частей предложения. В качестве актуализаторов причинно-следственных отношений выступают местоименные наречия: **поэтому, потому, оттого** и вводные слова: **следовательно, значит**.

Например:

Погиб он, и не нужна ему никакая телеграмма (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Все было кончено, и говорить более было не о чем (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Покупка была неудачная, и он понес убыток (Л.Н. Толстой. Корней Васильев);

Ты член партии, и ты обязана ее поддерживать (А. Рыбаков. Страх);

Нет документа, и нет человека (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита).

В вышеперечисленных предложениях первая часть указывает на причину, а вторая – на следствие, вывод, результат. Пояснить такое значение помогает лексическое наполнение предложения. Причем к общему причинно-следственному значению добавляется и значение временного следования, что соответствует реальным отношениям явлений действительности: следствие следует за причиной. Доказать наличие каузальной взаимосвязи в подобных структурах мы можем, вставив актуализаторы следственной семантики (местоименные наречия или вводные слова).

Например:

*Погиб он, и **поэтому** не нужна ему никакая телеграмма.*

*Все было кончено, и, **следовательно**, говорить более было не о чем.*

*Покупка была неудачная, и **оттого** он понес убыток.*

*Нет документа, и **значит**, нет человека.*

*Ты член партии, и **значит**, обязана ее поддерживать.*

Однако степень четкости результативного значения в подобных конструкциях очень различна, и часто они допускают иную интерпретацию. Факты, о которых идет речь в предложении, могут быть поняты только как внешние, следующие во времени друг за другом, но не вытекающие один из другого вследствие внутренней обусловленности.

Например:

Страх мой прошел, и я сразу успокоилась (А. Рыбаков. Страх).

Сравним:

Страх мой прошел, и тогда я успокоилась.

Страх мой прошел, и потому я успокоилась.

Отдельно взятое, это предложение может быть понято или как сообщение о двух следующих один за другим фактах, или как сообщение о фактах связанных причинно-следственными отношениями. Эту неопределенность обычно устраняет контекст и конкретная речевая ситуация.

Помимо этого, предложениям с причинно-следственным отношениями свойственна особая интонация: повышение голоса и замедленный темп в первой части и понижение голоса и энергичное произношение второй части.

Некоторые лингвисты полагают, что в сложносочиненных предложениях союзы указывают на причинно-следственное значение [Крючков, Максимов 1967]. Но при таком подходе функции сочинительных союзов неправомерно расширяются и часто «приписывается союзу то, что на самом деле выражено интонацией или формами сказуемости, ... а частью

просто сваливается в значение союза все, что можно извлечь из вещественного содержания соединяемых им предложений» [Пешковский 1930:118-119].

Действительно союз **и** не может выражать ни отношения противительности, ни значения причины и следствия, условия и следствия, хотя сложные конструкции с союзом **и** могут передавать все вышеуказанные семантические отношения. В таких случаях для передачи каузальных отношений язык использует другие средства формального выражения. Такими являются местоименные наречия и вводные слова, имеющие своим назначением выражение смысловых отношений причины и следствия, основания и вывода.

Например:

*Но те люди вынесли свои шаги, и **поэтому** они правы, а я не вынес, и стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание);

*В институте он работал до одиннадцати часов вечера, и **поэтому** ни о чем не знал, что твориться за кремлевскими стенами* (М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита);

*Он умирает, не увидев приближение к идеалу, и **поэтому** несчастлив* (Ю.Г. Кудрявцев. Три круга Достоевского);

*В душных сумерках людские силуэты и лица гляделись силуэтным продолжением стенных росписей, и **оттого** здесь казалось совсем пусто* (В. Максимов. Заглянуть в бездну);

*Но ветра не было, и **оттого** раскаленное удушье день ото дня становилось все более нестерпимым* (В.Максимов. Пощание из ниоткуда);

*Но так уж устроена жизнь: доказать себя удастся только самому себе, а **оттого** радость хоть есть, да не полная* (Л.Бородин. Третья правда);

Этого не может быть, а значит его нет в Ялте (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Занятия языками займут самое малое полгода, а то и год, и, следовательно, делами его особенно загружать не будут (А. Рыбаков. Страх).

Как отмечает Е.В. Скорлуповская, «место, занимаемое словами **потому, поэтому, следовательно, значит, оттого**, в системе средств выражения смысловых отношений не всегда одинаково. В одних случаях эти слова выступают как факультативные, дополнительные, помогающие оттенить и сделать наиболее ясным результативный характер выражаемых отношений. В других же случаях ... – основное средство выражения причины и следствия, и их наличие в предложении структурно необходимо» [Скорлуповская 1963:67-68].

Например:

*Оба они не любили пресной дружбы, а **потому** часто они выводили один другого на свежую воду* (Н. Помяловский. Мещанское счастье);

*Мне изо всех сил хотелось ей понравиться, а **потому** я боялась за каждое свое слово, за каждое движение* (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова).

В подобных предложениях основным выразителем значения причины и следствия выступает местоименное наречие **потому**. Союз **а** при местоименных наречиях и модальных словах теряет свое противительное значение, и само употребление его в предложениях анализируемого типа возможно только благодаря наличию слов **потому, поэтому, следовательно, значит** и т.п. Если же опустить местоименные наречия и модальные слова, то окажется невозможным оставить в предложении и союз **а**.

Представляя один общий семантический тип, «сложные предложения с сочетаниями **и (а) потому, оттого, поэтому**, с одной стороны, и предложения с **и (а) следовательно, значит**, с другой – имеют, однако,

некоторые отличительные признаки семантического и стилистического характера» [Скорлуповская 1963:68].

Конструкции, в которых вместе с союзами **и, а** функционируют модальные слова, выражают логические отношения между мыслями в ходе высказывания. Они показывают, что то, о чем говорится во второй части, вытекает с логической необходимостью из изложенного ранее. Сложносочиненные предложения со словами **следовательно, значит** свойственны, как правило, научному и официально-деловому стилю, в то время как слова **потому, поэтому, оттого** больше подчеркивают причинный характер результативности. Предложения с подобными словами одинаково часто употребляются во всех стилях современного русского языка.

Слова **потому, поэтому, оттого, следовательно, значит** по своим функциям приближаются к союзам, отличаясь от них своей семантической однозначностью, так как не теряют значения той части речи, к которой они относятся. Таким образом, слова **потому, поэтому, оттого, следовательно, значит** сочетают значения двух частей речи – наречий (или модальных слов) и союзов. Подобные слова, совмещающие значение двух частей речи, одни ученые предлагают называть «гибридными словами» [Виноградов 1947:707], а другие – «наречными союзами» [Власова 1961:51]. Мы считаем, что термин «гибридные слова» следует употреблять в широком смысле, а термин «наречные союзы» – в узком смысле применительно только к словам **потому, поэтому, оттого** и т.п.

Структура и семантические отношения анализируемых сложных предложений имеют как признаки сочинения, так и признаки подчинения. «Наличие сочинительных союзов **и, а** сближает их с двусоставными сочинительными предложениями. Но зависимый характер смысловых отношений и использование в них слов **потому, поэтому, оттого, следовательно, значит**, которые принимают участие в выражении этих отношений, отли-

чают их от сложносочиненных предложений и сближают с подчинительными конструкциями» [Скорлуповская 1963:69].

Учитывая такой сложный характер выражаемых смысловых отношений и сложный способ их выражения, конструкции с местоименными наречиями и вводными словами в сочетании с союзами **и, а** следует отнести к «сложным конструкциям промежуточным между сочинением и подчинением» [Скорлуповская 1963:69].

Одним из средств выражения следственной семантики в сложносочиненных предложениях являются обороты **вследствие этого, в результате этого, как следствие**, которые обычно употребляются после соединительного союза **и**.

Например:

*Эти доктринеры – современное видоизменение средневековых монахов; у них есть трудолюбие, есть добросовестность, и при этом ни малейшего понятия о жизни, **и в результате этого** у них нет ни одной живой идеи в уме, ни одного энергетического движения в мозгу (Д. Писарев. Пчелы);*

*Этот еретик и забияка – человек большого ума, **и вследствие этого** профессор пошел на компромисс (В.Г. Короленко. Слепой музыкант).*

Подобные синтаксические конструкции имеют как признаки подчинения, так и признаки сочинения. Соединительный союз **и** сближает их со сложносочиненными предложениями, а обороты **вследствие этого, в результате этого, как следствие** указывают на зависимый характер смысловых отношений и тем самым сближает данные структуры со сложноподчиненными предложениями.

В современном русском языке особо стоят конструкции, в которых подлежащим второй части служит местоимение *это*, «обобщенно указывающее на содержание первой части» [Розенталь 1978:125]. В вышеука-

занных предложениях отношение причины и следствия получают отчетливое выражение.

Например:

*Он созерцал свои башмаки, **и это** доставляло ему большое удовольствие (М.А. Булгаков. Собачье сердце);*

*Наоборот, его начнут спрашивать о каждом из нас, **и это** только затруднит его положение (А. Рыбаков. Дети Арбата).*

В сложносочиненных конструкциях, имеющих причинно-следственное значение, соединительный союз **и** может дополняться и такими связочными элементами, как частицы **вот, так**, которые придают предложению дополнительный усилительный оттенок.

Сравним:

*Вы вчера не пускали меня в купе, **вот и** не желаю с вами знаясь (А. Рыбаков. Страх);*

*А у нас добро казенное, **вот и** приходится его беречь по-казенному (А. Рыбаков. Дети Арбата);*

*А посмотрит она, засмеется или руку пожмет – **так и** обрывается все внутри (Б. Можжев. Мужики и бабы).*

Анализ фактического материала языка свидетельствует о наличии в его системе сочинительного союза **так**, выполняющего роль грамматической скрепы частей сложносочиненного предложения.

Имея широкое недифференцированное значение, сочинительный союз **так** при выражении семантико-синтаксических отношений вступает во взаимодействие с лексико-фразеологическим составом конструкции и модально-временной соотносительностью компонентов.

В результате этого взаимодействия формируются следственные сложносочиненные предложения.

В сложносочиненных предложениях с причинно-следственными отношениями в первой части называется причина того, о чем сообщается во

второй части, а содержание второй части представлено как следствие, непосредственно вызванное этой причиной. Причем союз **так** в подобных предложениях синонимичен союзу **и**.

Сравним:

Матерый волк, так ему везде псина чудится (Е. Кононенко. Ржавчина).

Матерый волк, и ему везде псина чудится.

Я в темноте видеть могу, так меня за это мудрой прозвали (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Я в темноте видеть могу, и меня за это прозвали мудрой.

Совершенно очевидно, что союзы **так** и **и** создают сходные отношения, но в конструкциях с союзом **так**, отношения следствия выражены наиболее ярко. Причем, посредством союза **так** подчеркивается большая зависимость второй части от первой. Следовательно, конструкции, оформленные союзом **так** в еще большей мере сближаются со сложноподчиненными предложениями, чем сложносочиненные причинно-следственные предложения с союзом **и**.

Особенностью предложений с союзом **так** причинно-следственного значения является наличие конструкций с разнофункциональными компонентами. Наряду с повествовательными предложениями здесь встречаются повествовательно-вопросительные предложения, в которых «вопрос выражается обязательно второй частью, представляющей собой или собственно-вопросительное или вопросительно-риторическое предложение. При этом в предложениях с собственно-вопросительной второй частью обозначено фактически не следствие, а выясняется то, что может быть следствием» [Знаменская 1980:56-57].

Например:

А вот что: устала я с дороги, так спать нельзя ли мне лечь? (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Ведь я люблю его, так почему же мне не стать его женой? (М. Бунин. Стремнина).

Уже наличие повествовательно-вопросительных предложений говорит о том, что модальность частей предложения причинно-следственного значения может быть различной. По данному признаку здесь выделяется три основных типа:

1. Предложения с реальной модальностью первой части.
2. Предложения с гипотетической модальностью первой части.
3. Предложения с отрицательной модальностью первой части.

В предложениях первого типа вторая часть может иметь реальную или гипотетическую модальность. В предложениях с индикативной модальностью обеих частей сообщается о двух реальных явлениях, из которых первое выступает как непосредственная причина второго.

Например:

Он в Пухлово ушел, плотят им сегодня, так все и туда (А. Макаров. Дома).

В предложениях с индикативной модальностью первой части и гипотетической – второй сообщается о реальном явлении, которое выступает как основание, причина и явлению предполагаемом, желаемом, выступающем как возможное или необходимое следствие первого.

Например:

Имейте в виду – в соседних классах уроки, так вы потише (Н.М. Артюхова. Мама).

В предложениях причинно-следственного значения с союзом **так** возможны конструкции с гипотетической модальностью в первой части. Причем следствие, названное второй частью, представлено как реальное.

Например:

Пантелей Еремич, кажись, умирать собираются, так я боюсь (И.С. Тургенев. Конец Чертопханова).

К вам могут прийти из милиции или из прокуратуры, так я хочу вам сам все рассказать (Н.М. Артюхов. Мама).

Если во втором случае модальный план предположения непосредственно связан с формой сказуемого (могут прийти), то в первом – в формировании гипотетической модальности принимает участие лексический выразитель значения предположения (кажись).

Указанное соотношение модальных планов для предложений причинно-следственного значения с союзом **и** нехарактерно. Наличие гипотетической модальности в первой части отмечается только в предложениях с союзом **и** условно-следственного значения [Грамматика современного русского литературного языка 1970:666].

Наконец, в сложносочиненных предложениях с отрицательной модальностью первой части вторая часть имеет индикативную модальность, сообщая о реальном явлении как следствии, вытекающем из содержания первой части.

Например:

У меня ведь швейной машинки нет, так я у Серафимы Семеновны уже неделю шью (А. Рекемчук. Время летних отпусков).

Николаю нельзя вина – так я уже решила: никакого вина дома не держать (А. Рыбаков. Екатерина Воронина).

Таким образом, причинно-следственная семантика в сложносочиненных предложениях вытекает, прежде всего, из лексического наполнения частей предложения, то есть категория следствия в подобных структурах выражена имплицитно. Тем не менее, причинно-следственные отношения могут быть представлены и эксплицитно: местоименными наречиями и модальными словами.

1.2 СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОТИВАЦИИ.

Вопрос о квалификации сложных предложений альтернативной мотивации пока не имеет однозначного решения. В «Русской грамматике» такие конструкции причисляют к сложносочиненным предложениям, выражающим значение противопоставления с оттенком условия [1980].

Д.Э.Розенталь включает предложения альтернативной мотивации в группу сложносочиненных соединительных предложений [1967]. С.Е.Крючков и Л.Ю.Максимов считают предложения альтернативной мотивации предложениями с присоединительными отношениями между частями, а союзы альтернативной мотивации – специальным средством выражения присоединительных отношений [1969].

В «Грамматике современного русского литературного языка» предложения альтернативной мотивации рассматриваются в разделе о сложноподчиненных предложениях с придаточными причины [1970].

Ряд исследователей выделяет предложения альтернативной мотивации в особую группу предложений, так как они характеризуются вполне определенными структурными и семантическими особенностями, отличающими их от других структур [Белошапкина, Кулагин].

Такие конструкции по формальным показателям близки сложносочиненным предложениям, однако в смысловом отношении приближаются к сложноподчиненным предложениям, причем их характерной особенностью являются не подчинительные отношения, а отношения взаимной обусловленности. Мы также считаем предложения альтернативной мотивации особой структурно-семантической группой среди сложносочиненных предложений, которые имеют значение не просто следствия, а следствия-предупреждения, следствия-предостережения. Репрезентаторами следст-

венной семантики в таких структурах являются союзы **а иначе, иначе, а не то, а то, в противном случае**.

Предложения альтернативной мотивации делятся на две группы: предложения прямой мотивации и предложения мотивации от противного.

В предложениях прямой мотивации первая предикативная часть обозначает следствие, а вторая – прямую причину, которая приводит к данному следствию.

Например:

*Давайте что-нибудь полегче, **а то** вы меня и без того загнали* (М.Зощенко. Аристократка);

*Коля, вы должны непременно сдержать слово и прийти, **а то** он будет в страшном горе* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы);

*Выскакивайте пулей из помещения, **а то** вы в такой момент снижаете настроение у родственников и детей* (М.Зощенко. Роза-Мария).

В предложениях мотивации от противного вторая предикативная часть содержит в себе указание на негативное следствие, которое станет возможным, если не будет осуществлено названное в первой предикативной части явление.

Например:

*Хорошо, только не задерживайся, **а то** на поезд опоздаем* (А. Рыбаков. Страх);

*Его надо немедленно арестовать, **иначе** он натворит неопишуемых бед* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

*Нет вам нужно до основания изменить вашу жизнь, - **а иначе** вы заболеете, вы истощите себя, вы умрете* (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон);

*Отдай скотину, **а не то** худо будет* (Л.Н. Толстой. Фальшивый купон).

Особенностью предложений с альтернативной мотивацией является наличие имплицитного звена, которое располагается на границе контактных частей предложения. При его элиминации происходит деформация смысловых отношений между частями, но его восстановление не требуется, поскольку это приводит к избыточности в связи с тем, что имплицитное звено повторяет содержание предыдущей предикативной единицы. «Отсутствие данного звена компенсируется наличием союзов, которые ... как бы «вбирают» в себя содержание элиминированного компонента» [Дуга 2002:13]. В предложениях с альтернативной мотивацией имплицитно выраженным часто оказывается условное звено. При восстановлении данного звена предложение становится сложноподчиненным.

Например:

Его надо немедленно найти, иначе все пропало (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Его надо немедленно найти, иначе, если мы не найдем его, все пропало.

Условное звено может быть выражено эксплицитно, однако такие случаи достаточно редки, в связи с тем, что условное звено в негативной форме повторяет содержание предыдущей коммуникативной единицы.

1.3 СООТНОШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ СКАЗУЕМЫХ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СЛЕДСТВИЯ.

В отличие от сложносочиненных предложений с причинно-следственными отношениями в конструкциях с условно-следственными

отношениями первая часть содержит условие, а вторая – следствие, вывод, результат.

В качестве репрезентаторов следственной семантики в таких синтаксических структурах выступает определенное соотношение глагольных форм сказуемых. В таких сложносочиненных предложениях каузальная связь может выражаться только в имплицитной форме, поскольку средства связи (союз и) в этих предложениях выражают лишь самые общие типы отношений между частями предложения. В таких структурах следственная семантика вытекает из соотношения видовременных форм глаголов-сказуемых и смыслового соответствия частей предложения.

Таким образом, в сложносочиненных предложениях условно-следственные отношения имеют следующие формы выражения:

1) глагол-сказуемое первой части употреблен в форме повелительного наклонения, а во второй части – в форме изъявительного наклонения будущего времени;

2) глагол-сказуемое в обеих частях употреблен в форме сослагательного наклонения.

Например:

Дайте нам организацию революционеров, и мы **перевернем** Россию (А. Рыбаков. Дети Арбата);

А отнимите у него эту жену – и он **будет** самое несчастное существо в мире (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова);

Смей шагнуть хоть один шаг, и клянусь, я **убью** тебя! (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание);

Скажите слово, адмирал, и я **пойду** за вами в огонь и в воду (В. Максимов. Заглянуть в бездну);

Была бы длинная бумага, и я **длиньше бы написал** (В. Астафьев. Прокляты и убиты);

Была бы на шее золотая цепочка – и ее сняла бы (В. Лихоносов. Наш маленький Париж. Ненаписанные воспоминания).

В современном русском языке встречаются конструкции, в которых форма одного наклонения употребляется в значении другого. Такие конструкции являются сочинительными только по форме, по смыслу близки к подчинительным структурам, так как возможна структурно-семантическая их трансформация, то есть здесь мы можем говорить о явлении изоморфизма. Таким образом, выделяется еще один подтип условно-следственных сложносочиненных предложений:

3) форма повелительного наклонения глагола-сказуемого употреблена в значении сослагательного наклонения в первой части и глагол-сказуемое в форме сослагательного наклонения – во второй части предложения.

Например:

Живи Государь в Москве среди истинно русских людей, и никакой бы революции не было (А. Рыбаков. Страх);

Покажи вы мне тогда хоть капельку дороги, и я бы догадался и тотчас вскочил бы на правый путь (Ф.М. Достоевский. Подросток);

Но попадись ему Шарок на допрос, и вся бы его благодарность испарилась (А. Рыбаков. Страх);

Сравним:

Если бы жил Государь в Москве среди истинно русских людей, то никакой бы революции не было;

Если бы показали вы мне тогда хоть капельку дороги, то я бы догадался и тотчас вскочил бы на правый путь;

Если бы попался ему Шарок на допрос, то вся бы его благодарность испарилась.

Таким образом, подобные сложносочиненные предложения мы можем легко трансформировать в сложноподчиненные структуры с придаточной условной частью.

Условно-следственную семантику имеют сложносочиненные предложения с утратившими свое лексическое значение и ставшими синтаксическими элементами словами **стоит, достаточно**, которые употребляются в начале первой части предложения.

Например:

***Стоит** вам захотеть, и вы без промедления будете зачислены на американскую службу* (В. Максимов. Заглянуть в бездну);

*В этом ее (армии) сила, в этом и слабость – **достаточно** убрать верхушку, и она (армия) становится недееспособной* (А. Рыбаков. Страх).

Такие синтаксические конструкции также изоморфны сложноподчиненным предложениям с условными союзами, что доказывается их трансформационными возможностями:

Если вы захотите, то вы без промедления будете зачислены на американскую службу;

...если вы уберете верхушку, то она (армия) становится недееспособной.

Условно-следственное значение свойственно и сложносочиненным предложениям, «первая часть которых имеет модальность долженствования» [Галкина-Федорук 1956:542]. И эта модальность чаще всего выражается следующими словами: *нужно, следует, должен*.

Например:

***Нужно** любить то, что делаешь (условие), и тогда труд, даже самый грубый, возвышается до творчества (следствие)* (М. Горький.).

Однако, условно-следственные отношения в сложносочиненных предложениях могут, помимо видовременного соотношения форм глаголов-

сказуемых, выражаться именными предложениями, в которых следственная семантика выявляется из смыслового соответствия частей конструкции.

Одно ваше слово – и я еду, завтра же, с первым поездом! (Ф.М. Достоевский. Игрок);

Неверное движение руки – и машина дробит вам кости – солнечный удар – и готово! (М. Горький. Один из королей республики).

Как отмечает И.А. Попова условно-следственные отношения могут быть выражены «простым сопоставлением глагольных форм сказуемого, подкрепленным сопоставлением двух сложно-сочиненных целых» [Попова 1950:362].

Например:

*(на многих собак действует возбуждающе стояние вверху, на столе.)
Стоит поставить станок на пол – и они успокаиваются* (И.П. Павлов. Рефлекс свободы).

В сложносочиненных предложениях с условно-следственными отношениями семантика следствия вытекает как из лексического содержания частей предложения, так и из определенных соотношений видовременных форм глаголов сказуемых.

1.4 СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ БЫСТРОГО СЛЕДОВАНИЯ.

Среди синтаксических конструкций, выражающих причинно-следственные отношения, можно выделить сложносочиненные предложения со значением быстрого следования. Рассматривая такие структуры, уместно ввести термины: «информативный регистр и репродуктивный регистр». Как отмечает М. Ю. Сидорова, «информативный регистр отличает-

ся от репродуктивного более крупным шагом повествования» [Сидорова 2000:176]. В информативном регистре отсутствует возможность передачи непосредственно воспринимаемых событий, поэтому во фрагментах информативного регистра обычно сообщается о масштабных, комплексных событиях, разделенных большими (не охватываемыми одним периодом восприятия) временными интервалами. Используя конструкции быстрого следования в информативном регистре, говорящий акцентирует свое внимание не столько на быстром темпе событий, сколько на выражении причинно-следственных связей, оценок, интерпритаций.

Например:

Чтобы мне князем или графом сделаться, нужно весь свет покорить, Шипку взять, в министрах побывать, а какая-нибудь Варенька или Катенька, молоко на губах не обсохло, покрутит перед графом шлейфом, пощурит глазки – и вот ваше сиятельство (А.П.Чехов).

Здесь действия лишены реальной быстроты, однако говорящий намеренно пропускает промежуточные этапы для того, чтобы показать незаслуженную легкость достижения результата и тем самым выразить свое осуждение данного положения дел.

Наличие причинно-следственных отношений в сложносочиненных предложениях со значением быстрого следования зависит от функции предиката [Ермишкина 2002]. Так, аористивная функция предиката состоит в передаче цепи следующих друг за другом событий или действий, не связанных между собой причинно-следственными отношениями. Перфективная же функция «включает в сюжетное время состояние (лица, предмета, пространства), являющееся результатом предшествующего действия либо предельного состояния, перешедшего в новое качество» [Золотова 1974, Онипенко 1987, Сидорова 1985].

Например:

*Вольт на табуретке, обратный вольт, и в руках у Гаврила Степановича **оказался договор*** (М.А.Булгаков. Бег).

Перфективная функция выражается предикатами следующих типов:

1) глаголами со значением изменения состояния, которые могут входить в состав первой или второй части.

Например:

*Малейшая задержка – и мысль, блеснув, **исчезнет*** (М.А.Булгаков. Собачье сердце).

2) неглагольными предикатами, выступающими во второй части сложно-сочиненного предложения:

-существительными со значением перехода в новое состояние или конечного результата (слово **конец** и его экспрессивные разговорные синонимы типа **каюк, крышка, капут** и т.д.)

Например:

*Они с ходу влетят в сани – и **конец*** (Ф.Абрамов. Братья и сестры).

-краткими прилагательными в функции предиката.

Например:

*Один удар – и **готов*** (А.Рыбаков. Страх).

-наречиями со значением изменения состояния.

Например:

*Бык поднатужился – и хомут **пополам*** (Б. Абрамов. Братья и сестры).

-краткими страдательными причастиями.

Например:

*Еще одно последнее мгновенье - / И **брошен** наземь мой железный бог* (В. Высоцкий).

-фразеологизмы со значением результата изменения.

Например:

*Ро-та, пли! – и **дело в шляпе*** (А. Куприн. Поединок).

Сообщению о событиях, связанных причинно-следственными отношениями, обычно свойственны следующие соотношения предикатов, причем наступление второй ситуации представляется как неизбежное, независимое от действующего лица [Ермишкина 2002]:

- аорист – перфектив:

На него замахнуться лапой –и он на месте помрет (А.Рыбаков. Страх).

- перфектив – перфектив:

Первое препятствие – и я весь рассыпался (И.С.Тургенев. Отцы и дети).

Таким образом, обобщив все вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что сложносочиненные конструкции, в которых дается указание на следствие, разделяются на две группы: предложения с причинно-следственными отношениями и предложения с условно-следственными отношениями.

Средствами выражения причинно-следственных отношений являются: реальное содержание частей предложения, интонация, местоименные наречия и вводные слова в сочетании с союзами *и, а*. Причем сочетаниями местоименных наречий и вводных слов с союзами *и, а* отношения следствия выражаются совершенно отчетливо. И именно поэтому мы можем отнести такие сочетания к специализированным средствам выражения причинно-следственных отношений.

Условно-следственные отношения выражаются следующими средствами: соотношением глагольных форм сказуемых, именными предложениями, соотношением глагольных форм сказуемых, подкрепленным сопоставлением двух сложносочиненных целых.

Среди сложносочиненных предложений особо выделяются предложения со значением альтернативной мотивации, которые выражают след-

ствие-предупреждение, следствие-предостережение с помощью союзов *а то, а не то, иначе, а иначе* и т.д.

§2. КАТЕГОРИЯ СЛЕДСТВИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.

В сложноподчиненном предложении указание на следственную семантику присутствует в сложноподчиненных предложениях с придаточной следствия, в сложноподчиненных предложениях с условной придаточной частью, в сложноподчиненных предложениях с подчинительно-присоединительной придаточной частью, в местоименно-союзных соотносительных предложениях.

Основным средством для передачи следственной семантики в сложноподчиненном предложении является нерасчлененный союз **так что**. Данный репрезентатор причинно-следственных отношений традиционно выделяется учеными как основное средство передачи следственной семантики в сложном предложении.

Сложноподчиненные предложения с союзом **так что** занимают ведущее место среди других средств выражения категории следствия в силу того, что:

1. Пропозиции, между которыми устанавливаются причинно-следственные отношения, выражаются предикативными конструкциями.

2. Зависимость обуславливающего компонента от обуславливаемого проявляется в подчинительной связи между частями сложного предложения.
3. Сами причинно-следственные отношения имеют специальное грамматическое средство выражения – союз **так что**, передающий только семантику следствия.

Таким образом, сложноподчиненные предложения с союзом **так что** в наибольшей степени соответствует логической природе отношений следствия в рамках каузальной связи.

Сложноподчиненные конструкции с нерасчлененным союзом **так что** способны передавать значение следствия в «чистом виде», то есть не осложненное другими типами значений.

В сложноподчиненных предложениях со значением следствия, обуславливающий фактор в главной части представлен как соответствующий действительности, следовательно, для придаточной части характерно отсутствие гипотетичности. Это объясняется тем, что следствие предопределено объективно существующей предпосылкой.

В сложноподчиненных предложениях с союзом **так что** возможны различные сочетания средств временной характеристики: прошедшее время + прошедшее время; прошедшее время + настоящее время, прошедшее время + будущее время и т.д.

Свободное видовременное соотношение глаголов, образующих предикативные центры данного вида сложноподчиненных предложений, указывает на то, что причинно-следственные отношения вычленяются, прежде всего, на семасиологическом уровне, грамматические же средства оформления оказываются вторичными для решения этой проблемы.

Ограничения возникают в том случае, когда нарушается логическая связь причинного и следственного события, то есть следствие предшествует причине, поэтому в зоне предметного следования оказывается невоз-

возможным сочетание «глагол будущего времени + глагол прошедшего времени».

Например:

*Сильно подправленные снимки с сегодняшнего лица Эммочки дополнялись частями снимков чужих – ради туалетов, обстановки, ландшафтов, - **так что** получалась вся бутафория ее будущего (В. Набоков. Приглашение на казнь);*

*В общем движении событий бывают такие минуты, когда люди, подобные Рахметову, необходимы и незаменимы; минуты эти случаются редко и проходят быстро, **так что** их надо ловить на лету, и ими надо пользоваться как можно полнее (Д. Писарев. Мыслящий пролетариат);*

*А на службе докажут, что никто в Рязань не звонил, **так что** мы никого не подведем (А. Рыбаков. Страх);*

*На «ты», гражданин опер, обращаются к Господу Богу, а я, извиняюсь, простой смертный, **так что** прошу вас и обращаться ко мне соответственно (В. Максимов. Прощание из ниоткуда);*

*И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, **так что** прошу никому ни слова и полнейший секрет (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);*

*Нет, в кабинете следователя костер не разожжешь, **так что** и пятки сейчас не поджаривают (А. Рыбаков. Страх).*

Поскольку такая придаточная часть указывает на следствие, она всегда следует за главной частью. Однако А.Н. Гвоздев отмечает редкие случаи «употребления придаточных следствия в середине главного предложения» [Гвоздев 1968:293].

Например:

Маргарита наклонила щетку щеточкой вперед, так что хвост ее поднялся кверху, и, очень замедлив ход, пошла к самой земле (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Выгибаясь, она расправила плечи, так что косточки хрустнули, и, игриво притопывая ногой, запела (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

Но, очевидно, что такое употребление придаточной следствия явно необычно и придает ей характер инородного вставного предложения.

В сложноподчиненных предложениях придаточная часть может присоединяться к главной части или только ко второму предикату.

Например:

У меня своя задача, так что не с вами я (Б. Можяев. Мужики и бабы);

Солнце окрасило в кровь главный купол Софии, а на площадь от него легла странная тень, так что в этой тени стал Богдан фиолетовым (М.А. Булгаков. Белая гвардия).

Лексический состав и главной и придаточной части в этом типе предложений абсолютно свободен и не имеет никаких ограничений, то есть причинно-следственная связь может устанавливаться между сообщениями о действиях-событиях, состояниях-признаках и оценочных характеристиках.

Необходимо отметить, что сложным предложениям смешанного типа (с сочинительной и подчинительной связью) свойственна синкретичная семантика. В таких структурах придаточная часть, присоединяемая к главной союзом **так что**, выражает значение следствия, а другая часть, присоединяемая к придаточной союзами **а то, не то** и т.п. имеет значение следствия-предупреждения-предостережения, предупреждающая о возможных (реальных) последствиях в том случае, если не будет реализовано следствие, о котором идет речь в придаточной части.

Например:

И сейчас еще говорит, но только все меньше и меньше, так что пользуйтесь случаем, а то он скоро совсем умолкнет (М.А. Булгаков. Собачье сердце);

Он уезжает на Волгу, так что извольте вернуть должок, не той Ив надерет вам уши (А. Арбузов. Сказки старого Арбата).

Однако, сложноподчиненные предложения с нерасчлененным союзом **так что** помимо причинно-следственной семантики способны передавать значение степени качества, интенсивности состояния или действия и т.д., что сближает данные синтаксические единицы с местоименно-союзными соотносительными предложениями, имеющими аналогичную семантику.

Следственное значение в таких синтаксических конструкциях возникает, как результат определенного способа совершения действия либо является результатом проявления определенных признаков действия. Причем само понятие признак действия трактуется широко, как «определенные свойства (связанные с местом, временем, качественными характеристиками и т.д.) действия, проявление которых ведет к возникновению нового следственного события» [Тимофеева 1996:70].

Например:

Левая ступня попала в лунное пятно, так что отчетливо был виден каждый ремешок сандалий (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Памятно ощущение спирально вьющегося по спинному мозгу холодного вихря, начинающегося с первым тактом музыки и все ширящегося, так что он пронизывает все тело (В. Набоков. Музыка);

Поворачивая голову вверх и влево, летящая любовалась тем, что луна несется над нею, как сумасшедшая, обратно в Москву и в то же время странным образом стоит на месте, так что отчетливо виден на ней какой-то загадочный, темный – не то дракон, не то конек-горбунок, острой

мордочкой обращенный к покинутому городу (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Оцеплен сад, оцеплен дворец, так что *мышь не проникнет ни в какую щель* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Помимо союза **так что** средствами выражения причинно-следственных отношений в сложноподчиненных предложениях является частица **аж**, которая характеризуется просторечной стилистической окраской. Данная частица также подчеркивает обусловленность следствия чрезмерной степенью выявления признака.

Например:

Иван Яковлев поднялся с правешной табуретки, кулаки сжал – аж хруст *пошел по правлению* (Ф. Абрамов. Братья и сестры);

Я поднял камень с дороги, ахнул им по затылку, аж дужка отлетела (Б. Можаяев. Мужики и бабы).

В современном русском языке среди сложноподчиненных предложений, имеющих следственную семантику, особо выделяются местоименно-союзные соотносительные предложения. Их особое место в системе русского языка объясняется тем, что для конструкций подобного типа характерна полисемия.

Таким образом, значение следствия в местоименно-союзных соотносительных предложениях осложняется значением степени качества, меры количества, качества действия и т.п. Причем значение следствия в вышеуказанных предложениях является основным, а различные оттенки, которыми оно осложняется, зависят от характера и местоположения указательных слов в структуре сложноподчиненного предложения [Теримова, Шапиро, Бабайцева, Крючков, Максимов].

В местоименно-союзных соотносительных предложениях придаточная часть присоединяется союзом **что** и выражает значение следствия, а в главной части употребляются указательные слова **так, до того, настолько,**

такой, столь, до такой степени, столько, так много, так мало, которые могут находиться при глаголах, существительных, наречиях, прилагательных или словах категории состояния, что влияет на оттенок значения (качественный или количественный) главной части.

Например:

*Так бьют, **что** никто не выдерживает* (А. Рыбаков. Страх);

*От этого он **до того** обезумел, **что** укусил себя за руку до крови* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

*Поведение кота **настолько** поразило Ивана, **что** он в неподвижности застыл у бакалейного магазина* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

*Голос Воланда был **так** низок, **что** на некоторых словах давал оттяжку в хрип* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

*Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит **так** сильно, **что** ты помышляешь о смерти* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

*Дело Сократа было действительно **так** красиво и величественно на первый взгляд, **что** им немудрено было увлечься* (Д. Писарев. Идеализм Платона);

*Меня **так** это обидело, **что** я разревелся от злости* (Л.Н. Толстой. Детство);

*Семейное несчастье произошло **так** внезапно и домашний мир развалился **до того** легко, **что** Даша была оглушена* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам);

*Все **до того** симпатичные, **что** просто стыдно за свою плебейскую физиономию* (В. Белов. Воспитание по доктору Споку);

*Одет он был **до того** безукоризненно, **что** несколько молодых людей из свиты Екатерины Дмитриевны впали в уныние* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам);

*Даше вдруг стало **до того** жалко этого платья, **до того** жаль своей пропадающей жизни, **что**, держа в руке испорченную юбку, она села и расплакалась (А.Н. Толстой. Хождение по мукам);*

*Вы **такой** дальний родственник князю, **что** препятствий к браку не может быть никаких (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон);*

*Сознание свободы и то весеннее чувство ожидания чего-то, про которое я говорил уже, **до такой степени** взволновали меня, **что** я решительно не мог совладать с самим собою и приготавливался к экзамену очень плохо (Л.Н. Толстой. Юность);*

*В том конверте была фотография девушки **такой** красивой, **что** глаз не оторвать (В. Астафьев. Прокляты и убиты);*

*Тут **такой** лабиринт, **что** никто следов не отыщет (М.А. Булгаков. Белая гвардия);*

*Ветер рванул с **такой** силой, **что** Катя прикрыла девочку концами платка (А.Н. Толстой. Хождение по мукам);*

*Запах от блюда шел **такой**, **что** рот пса немедленно наполнился слюной (М.А. Булгаков. Собачье сердце);*

*Левий с ненавистью поглядел на Пилата и улыбнулся **столь** недоброй улыбкой, **что** лицо его обезобразилось совершенно (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);*

***Столько** тоски и горя, **столько** отчаяния было в ее голосе, **что** становилось не по себе (В. Шукшин. Материнское сердце).*

Все вышеперечисленные конструкции имеют значение степени качества, степени действия и значение следствия.

*К нам пришло **так много** народу, **что** на лавках не хватило места (В. Белов. Воспитание по доктору Споку);*

*Иногда ему **так много** перепадало на кухне, **что** он не съедал дополнительного харча (В. Астафьев. Прокляты и убиты);*

О, в юности я зарабатывал так мало денег, что мне их не хватало на жизнь (А. Арбузов. Сказки старого Арбата).

Данные синтаксические конструкции имеют значение меры количества и значение следствия.

Необходимо отметить, что в современном русском языке выделяется особая разновидность местоименно-соотносительных предложений – предложения со значением недостаточной и достаточной степени качества и следствия [Русская грамматика 1980]. В таких синтаксических конструкциях «придаточная часть присоединяется к главной при помощи союза **чтобы**, который выступает в значении союза **что** и выражает следственные отношения» [Русская грамматика 1980:505]. Носителем качественного или количественного признака может быть имя прилагательное, существительное, глагол, наречие и т.д.

В предложениях со значением недостаточной степени качества или меры количества придаточная часть сообщает о нереализуемом следствии, субъективно отвергаемом как невозможное. В главной же части недостаточная степень качества или меры количества обозначается сочетанием указательных слов с отрицательной частицей.

Например:

Не такое тут место, да и настроение не такое, чтоб забавляться пустяками (Л. Леонов. Русский лес);

Она была не настолько глупа, чтобы показать Шароку, что разгадала Юзика Либермана (А. Рыбаков. Дети Арбата).

В предложениях со значением достаточной степени качества или меры количества придаточная часть сообщает о реализуемом следствии. Достаточная степень качества или мера количества обозначается словами **достаточно, довольно**.

Например:

Оба мы с ним достаточно незначительные особи, чтоб повлиять на ход большой истории (Л. Леонов. Русский лес);

Среди сложноподчиненных предложений со следственной семантикой выделяются потенциально-условные предложения. Основой для выделения семантического класса предложений с причинно-следственными отношениями, к которому относятся потенциально-условные сложноподчиненные предложения, является обобщенное смысловое содержание, закрепленное в структуре данной синтаксической единицы: «структурированное идеальное содержание» [Колшанский 1976:29], «обобщенное типовое информативное содержание» [Щеулин 1993:90], «системно-категориальный аспект мыслительного содержания» [Бондарко 1978:4], «семантика синтаксических структур» [Адмони 1976:5].

Эта обусловленность предполагает «такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [Русская грамматика 1980:562].

Исследуемые предложения отличаются от других типов предложений с причинно-следственными отношениями тем, что значение обусловленности в них конкретизировано «как взаимная связь ситуаций – предопределяющей (в придаточной части) и предопределенной, то есть ситуации-следствия (в главной части)» [Русская грамматика 1980:563].

В придаточной части предложений данного типа указываются ситуации, при реализации которых становятся возможными, желательными или неизбежными ситуации, названные в главной части соответствующих предложений.

Важной особенностью конструкций, выражающих условно-следственные отношения является то, что обуславливающие ситуации, представленные в придаточных частях данных сложноподчиненных предложений, представляются достаточным основанием для ситуаций-следствий, но сами они не мыслятся свершившимся фактом, так как «спе-

цифика условной связи в ряду других видов обусловленности заключается в том, что условность всегда предполагает гипотетичность предопределяющего» [Русская грамматика 1980:563].

Обусловленная ситуация имеет, имела или будет иметь место в действительности только в том случае, если реализуется обусловливающая ситуация, которая в свою очередь, в силу определенных причин может быть представлена как несоответствующая действительности (в предложениях со значением нереальной обусловленности). Для предложений со значением потенциальной обусловленности характерна альтернативная возможность реализации // нереализации обусловливающей ситуации.

Например:

*Если с этого места выпалить, **то** ничего не убьешь* (А.П. Чехов);

*Мне казалось, что **если** я оглянусь, **то** непременно увижу смерть в виде приведения* (А.П. Чехов);

Если бы так было, извините, князь, я бы над вами посмеялся и стал бы вас презирать (Ф.М. Достоевский. Идиот);

*Если зерно таит внутри себя жизнь, **то** она непременно разовьется в корни, в стебли, в красоту благоуханного цветка* (В. Лихоносов. Наш маленький Париж. Ненаписанные воспоминания);

*Если я что-то говорю, **значит** в основе лежит факт* (М.А. Булгаков. Собачье сердце);

*Если просится в палачи, в исполнители, **следовательно**, на власть больше не претендует* (А. Рыбаков. Страх);

*Если ты заглядываешься на витрины, **значит** тебе хочется что-то купить* (А. Рыбаков. Страх).

*Если стукачкой станешь, **так** и вовсе не посадят* (А. Рыбаков. Страх).

*Если все большевики такие, как Телегин, **стало быть**, большевики правы* (А. Толстой. Хождение по мукам).

Если б я разглядела его раньше, я ни на что не польстилась бы (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

Если зло вечно, то, стало быть, оно естественно (Д. Писарев. Идеализм Платона).

Из вышеприведенных примеров видно, что основными репрезентаторами следственной семантики в сложноподчиненных предложениях подобного типа являются двойной союз **если...то**, который может дополняться вводным словом **стало быть**, и сочетания союза **если** с коррелятами **следовательно, значит**, сочетания союза **если** с частицей **так** или вводным словом **стало быть**.

Следственную семантику также выражают сложноподчиненные предложения с придаточной частью подчинительно-присоединительной. Придаточные подчинительно-присоединительные прикрепляются ко всей главной части или, реже, к одному из ее членов относительным местоимением **отчего** и при помощи составных союзов **в результате чего, вследствие чего, в силу чего**, репрезентирующими причинно-следственные отношения.

Например:

Тот с вызовом вздернул свою красиво посаженную голову, отчего кожа на его пергаментном лице напряглась и вытянулась (В. Максимов. Прощание из ниоткуда);

С Филиппом Филипповичем что-то сделалось, вследствие чего его лицо побагровело (М.А. Булгаков. Собачье сердце);

В очередной командировке по городам и весям российской глубинки Влада угораздило поцапаться с местным начальством, в результате чего он по возвращении был вызван «на ковер» к Главному (В. Максимов. Прощание из ниоткуда).

Главная часть в таких сложноподчиненных предложениях является законченной по своей форме и содержанию, а придаточная, зависимая по

своей форме, содержит добавочное значение - следствие, которое обусловлено содержанием главной части.

Таким образом, в сложноподчиненных конструкциях выражаются причинно-следственные отношения либо в чистом виде, либо осложненные качественной или количественной семантикой.

§3. ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕССОЮЗНОМ СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.

Область выражения причинно-следственных отношений на ярусе бессоюзного соединения предложений имеет двойственную специфику, происходящую, прежде всего, из самой специфики этого синтаксического ранга.

Часть бессоюзных предложений построена по схеме сложноподчиненного предложения. Другая разновидность бессоюзных соединений предложений строится по схеме сложносочиненного предложения. Коренным отличием бессоюзных сложных синтаксических конструкций является имплицитность средств связи. Имплицитное выражение причинно-следственных отношений имеет место при соединении предложений в том случае, когда семантическая связь между ними в принципе вытекает из сопоставления сообщаемого содержания с внеязыковой действительностью, из более широких связей контекста.

Предложения со значением причинно-следственной обусловленности состоят из двух разнотипных частей, причем одна часть зависит от другой. Таким образом, синонимичными данным бессоюзным сложным предложениям являются сложноподчиненные предложения.

Сравним:

Обманешь – обоих расстреляю (Л. Бородин. Третья правда);

Если обманешь, то обоих расстреляю.

Будут места – поедете (А. Рыбаков. Страх);

Если будут места, то поедете.

Грамматическим признаком обусловленных предложений является наличие (или потенциальная возможность) во второй части местоименных слов **тогда, так, поэтому** и модальных слов **следовательно, значит**, подчеркивающих структурную и смысловую связь частей предложения.

Например:

Позовут вас – тогда другое дело (Н. Островский. Как закалялась сталь);

Мы в трауре – так балу дать нельзя (А. Грибоедов. Горе от ума);

Я не актриса, поэтому вы меня не знаете (А. Рыбаков. Дети Арбата);

Следы вели на задворки – значит, Евсея увели задами (Ф. Абрамов. Братья и сестры);

Они живут – следовательно, есть у них смысл жизни (Л. Бородин. Третья правда).

Наряду с интонацией и местоименными словами важным структурным элементом, создающим следственные отношения, являются формы глаголов-сказуемых. В зависимости от форм выражения глаголов-сказуемых бессоюзные сложные предложения, имеющие условно-следственную семантику, делятся на две группы: предложения с реальным условием и предложения с ирреальным условием [Белошапкина 1967].

К разряду реальных предложений относятся такие условные конструкции, в которых «условие и обусловливаемое представляются как реально возможные» [Белошапкина 1967:85] или «реально осуществимые» [Грамматика русского языка 1954:24]. Отчетливым выражением формаль-

ных особенностей подобных условно-следственных предложений является употребление глаголов-сказуемых в форме изъявительного наклонения.

Например:

Выпишут – приеду (К. Симонов. Парень из нашего города);

Не поладишь с ними – насидишься голодом (К. Федин. Костер);

Заиграешь – дачники обижаются (А. Куприн. Белый пудель);

Будет отрицать – выложим на стол эти документы (А. Рыбаков. Страх);

Хочешь хлеба - иди и сей (В. Астафьев. Прокляты и убиты).

В структурно-смысловом отношении бессоюзные реальные предложения отличаются четкостью построения. Зависимый характер связи между компонентами условного предложения проявляются в определенном порядке следования компонентов: условный компонент предшествует следственному компоненту. Перестановка компонентов невозможна без изменения смысла предложения. Однако она возможна при условии союзной связи.

Сравним:

Будет отрицать – выложим на стол эти документы.

*Выложим на стол эти документы, **если** будет отрицать.*

Относительно постоянный порядок компонентов создается лексическим значением глаголов-сказуемых сочетающихся компонентов, означающих внутреннюю мотивированность действия, их обусловленность, и соотношением их модальных и видовременных планов. Соотношением видовременных форм глаголов-сказуемых выражаются некоторые специфические оттенки значения, которые при замене одних видовременных форм глаголов-сказуемых другими, исчезают или ослабляются.

Так, при наличии глагольных форм будущего времени условные конструкции указывают на условие, реально осуществимое в будущем.

Например:

А заупрямится – силой возьмут (И. Мележ. Дыхание грозы).

Станешь работать – поймешь (К. Федин. Костер).

Хорошо будешь служить – не забуду (Г. Марков. Строговы).

В данных примерах соотношение видовременных форм является особым признаком, прямо связанным с дифференциацией значений.

Устойчивость постпозиции следственного компонента обуславливается часто включением в его состав специальных лексических элементов, в качестве которых могут выступать заключительные частицы и местоименные наречия.

Например:

Вот брат мой взглянет – так страшно (А. К. Толстой. Восемнадцатый год).

Не научили меня – так не спрашивайте (А. Толстой. Восемнадцатый год).

За каждого микроба платить – это американский банк лопнет (Л. Леонов. Обыкновенный человек).

Попадешься когда-нибудь сам – тогда увидишь почем фунт лиха (Ю. Герман. Я отвечаю за все).

Подобные лексические элементы способствуют закреплению постпозиции обуславливаемого компонента. Частицы и местоименные наречия в рассматриваемых предложениях подчеркивают зависимость второго компонента от первого и необратимость конструкции. То же самое наблюдается и при наличии вводного слова со значением обобщения, вывода, итога.

Например:

А не вошли они оба – стало быть, не могли войти (С. Сартаков. Философский камень).

В ирреальных условных предложениях связь мыслится как возможная или желательная, то есть осуществление действия, выраженного в пер-

вом компоненте, подвергается сомнению. Глагол-сказуемое первого компонента обозначает явление, осуществление которого в плане будущего необходимо вызывает другое явление, о котором сообщается во втором компоненте.

В ирреальных условных предложениях постоянная модальная обусловленность создается определенными видовременными соотношениями глагов-сказуемых. Например, формами сослагательного наклонения:

Был бы добрый – не сидел бы тут (И. Мележ. Дыхание грозы).

Пожила бы подольше в Краснодоне – я бы тебя совсем забыл (И. Мележ. Дыхание грозы).

Иногда формы сослагательного наклонения употребляются только в следственном компоненте, а в условном используется форма повелительного наклонения в значении сослагательного наклонения.

Например:

Будь у Крылова возможность – он поселился бы в облаках (Д. Гранин. Иду на грозу).

Не будь Аникеева – он бы совсем запутался (Д. Гранин. Иду на грозу).

Временной план обусловливающего и обусловливаемого компонентов часто выражается лексическими средствами, то есть включением в контекст слов, указывающих на временную соотнесенность высказывания.

Например:

Случись это год-полтора назад – был бы я доволен (Г. Марков. Соль земли).

Полети тогда он, Тулин, ничего бы не случилось (Д. Гранин. Иду на грозу).

Появись здесь в этот памятный час Матвей – она бросилась бы ему в ноги (Г. Марков. Строговы).

Употребление формы повелительного наклонения возможно и в следственном компоненте.

Например:

Не будь Матвей таким своенравным – живи да радуйся (Г. Марков. Строговы).

Соотношение модально-временных форм и определенный порядок следования компонентов в условных конструкциях дифференцируют условно-следственные отношения.

Сравним:

Слушали бы меня – выступили бы к Ильину дню (В. Сафонов. На горах свобода).

Выступили бы к Ильину дню – слушали бы меня.

В первом примере выделяется следственный компонент. При логическом выделении условия допускается иной порядок: условный компонент может находиться после следственного, что недопустимо в бессоюзных сложных предложениях со значением реальной обусловленности.

Конструктивную роль в условных предложениях с рассмотренным соотношением модально-временных форм играет отрицание. Отрицание усиливает значение предполагаемого условия. Причем логическое ударение падает на условие.

Например:

Не будь в резерве мой сын – Галушка бы меня задушил (А. Корнейчук. В степях Украины).

При перестановке компонентов исчезает условно-следственная связь. Отношения становятся «чисто» условными:

Галушка бы меня задушил, не будь в резерве мой сын.

Иногда в следственном компоненте вместо сослагательного наклонения выступает форма будущего времени, так как условный компонент,

относящийся к будущему, может сближаться по смыслу с ирреальным предложением.

Например:

*Казалось, **сгни** его – он **переломится**, как сухой прут* (К. Федин. Костер).

Особый интерес представляют условные конструкции с инфинитивом в составе сказуемого условного компонента. Причем, если в условном компоненте инфинитив с частицей **бы**, то структура оказывается негибкой.

Например:

*Ногами **бы** вверх **поднять** потрясти – копейки ломаной **не выпало бы*** (Г. Шалин. Возвращение в жизнь).

Инфинитив с частицей **бы** может быть и в следственном компоненте. Подобные структуры являются гибкими.

Например:

***Не будь** ты умен – **быть бы** тебе в расходе* (В. Кожевников. Мера твердости).

***Быть бы** тебе в расходе, **не будь** ты умен.*

Что касается бессоюзных сложных предложений, синонимичных сложносочиненным предложениям с причинно-следственными отношениями, то для них характерна семантическая независимость частей и обусловленность структуры причинно-следственной ситуации порядком следования частей предложения.

Бессоюзные сложные предложения со значением причины и следствия подразделяются на две группы:

1. Предложения со значением причины во второй части, а следствия в первой.
2. Предложения со значением причины в первой части, а следствия во второй.

Причем для предложений первой группы характерно такое соотношение форм глаголов-сказуемых, при котором временной план второй части, выражающей причину, предшествует временному плану первой части, которая выражает следствие.

Например:

Избушка была пуста (следствие) – рыбаки куда-то уехали (причина) (Ю. Казаков. Нестор и Кир).

Исчезла надежда (причина) – жизнь потеряла смысл (следствие) (Ю.Г. Кудрявцев. Три круга Достоевского).

Таким образом, в бессоюзных сложных предложениях выражаются, как правило, имплицитно (за исключением местоименных слов, частиц и вводных слов) условно следственные и причинно-следственные отношения. Причем структуры с условно-следственной семантикой синонимичны сложноподчиненным предложениям, а конструкции с причинно-следственной семантикой синонимичны сложносочиненным предложениям, что доказывается их трансформационными возможностями.

Например:

Исчезла надежда, и жизнь потеряла смысл.

Много будешь думать – останешься на бобах (А. Толстой. Хождение по мукам).

Если будешь много думать, то останешься на бобах.

ВЫВОДЫ:

Проведя анализ средств выражения причинно-следственных отношений в сложном предложении, мы пришли к следующим выводам.

В сложносочиненных предложениях выражаются причинно-следственные и условно-следственные отношения. Основным репрезентатором следственной семантики в сложносочиненном предложении является реальное содержание частей предложения. В качестве актуализаторов причинно-следственных отношений выступают местоименные наречия и модальные слова.

Условно-следственные отношения в сложносочиненных предложениях, помимо лексического наполнения частей предложения, репрезентирует определенное соотношение форм глаголов-сказуемых.

Союзы **и, а** не выражают ни значение причины и следствия, ни значение условия и следствия, хотя сложносочиненные конструкции с союзами **и, а** могут передавать все вышеуказанные семантические отношения. В таких случаях язык использует другие средства (формально выраженные или формально не выраженные).

Особой структурно-семантической группой среди сложносочиненных предложений являются предложения альтернативной мотивации, так как таким конструкциям свойственна синкретичная семантика. Они передают не просто значение следствия, а следствия-предупреждения, следствия-предостережения. Репрезентаторами следственной семантики в предложениях альтернативной мотивации являются союзы **а иначе, иначе, а не то, а то, в противном случае**.

Конструкции с союзами **и, а** и местоименными наречиями **потому, поэтому, оттого**, модальными словами **следовательно, значит** и союзными словами **вследствие этого, в результате этого** после них имеют как признаки сочинения, так и признаки подчинения. Союзы **и, а** сближают

данные структуры со сложносочиненными предложениями, а местоименные наречия, модальные слова и обороты указывают на зависимый характер смысловых отношений и тем самым сближает их со сложноподчиненными предложениями.

Наличие причинно-следственных отношений в сложносочиненных предложениях со значением быстрого следования зависит от функции предиката. Аористивная функция предиката передает цепь следующих друг за другом событий или действий, не связанных между собой причинно-следственными отношениями. Перфективная функция предиката передает события или действия, каузально взаимосвязанные между собой.

В рассмотрении сложноподчиненного предложения наименее «дискуссионным» средством выражения причинно-следственной семантики является нерасчлененный союз **так что**, так как сложноподчиненные конструкции с данным союзом способны передавать значение следствия в «чистом виде», то есть не осложненном другими типами значений.

Для сложноподчиненных местоименно-союзных соотнесительных предложений характерна полисемия. Такие структуры выражают синкретичную семантику: значение следствия осложняется значением степени качества, меры количества, качества действия, интенсивности действия. Причем значение следствия является основным, а различные оттенки, которыми оно осложняется, зависят от характера и местоположения указательных слов в структуре сложного предложения. В таких предложениях придаточная часть присоединяется союзом **что** и выражает значение следствия, а в главной части употребляются указательные слова **так, до того, настолько, такой, столь, до такой степени, столько, так много, так мало**, которые могут находиться при глаголах, существительных, наречиях, словах категории состояния, прилагательных, что влияет на оттенок значения, выражаемый главной частью.

В современном русском языке выделяется разновидность местоименно-союзных соотносительных предложений – предложения со значением недостаточной и достаточной степени качества и следствия. В таких синтаксических конструкциях придаточная часть присоединяется с помощью союза **чтобы**, выступающего в значении союза **что** и выражающего следственную семантику. Недостаточная степень качества обозначается сочетанием указательных слов с отрицательной частицей **не такой, не настолько**. Достаточная степень качества обозначается словами **достаточно, довольно**.

Для предложений со значением потенциальной обусловленности характерна альтернативная возможность реализации // нереализации обусловливающей ситуации, так как обусловленная ситуация имеет, имела или будет иметь место в действительности только в том случае, если реализуется обусловливающая ситуация, которая в силу определенных причин может быть представлена либо как соответствующая действительности (предложения с реальной условно-следственной ситуацией), либо как не соответствующая действительности (предложения с ирреальной условно-следственной ситуацией).

Репрезентаторами условно-следственных отношений в таких конструкциях являются союзы **если...то** и сочетание союза **если** с коррелятами **следовательно, значит**.

Следственную семантику имеют сложноподчиненные предложения с придаточной частью подчинительно-присоединительной. Средствами выражения причинно-следственных отношений в таких структурах являются составные союзы **в результате чего, вследствие чего, в силу чего, отчего**.

Бессоюзные сложные предложения характеризуются имплицитностью средств связи. Имплицитное выражение причинно-следственных отношений имеет место при соединении предложений в том случае, когда

семантическая связь между ними вытекает из сопоставления сообщаемого содержания с внеязыковой действительностью, из более широких связей контекста.

В качестве актуализаторов следственной семантики в бессоюзных сложных предложениях выступают местоименные наречия **поэтому, потому, оттого, тогда, так** и модальные слова **следовательно, значит**.

Бессоюзные сложные предложения, выражающие условно-следственную семантику, делятся на два типа: реальные и ирреальные. Отчетливым выражением формальных особенностей подобных конструкций является определенное соотношение форм глаголов-сказуемых.

Рассматривая сложное предложение, необходимо отметить изофункциональность между сложносочиненными предложениями сложноподчиненными предложениями и бессоюзными сложными предложениями, что доказывается их трансформационными возможностями.

ГЛАВА IV. КАТЕГОРИЯ СЛЕДСТВИЯ В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ.

Текстовые структуры являются высшим уровнем в реализации причинно-следственных отношений, кроме того, сложное денотативное и коммуникативное содержание крупных синтаксических единиц дает им практически неограниченные возможности в проявлении не только всего спектра отношений обусловленности, но и всевозможных синкретичных явлений. Более того, при анализе языковых примеров становится ясно, что многие тексты представляют собой развернутую конструкцию, где причинный компонент выступает своеобразным средством, обуславливающим содержание дальнейшего текстового блока.

В соответствии с этим причинно-следственная связь выступает важным семантико-синтаксическим фактором организации текста, средством внутренней организации текста. Денотативное содержание текста в этом случае располагается вдоль своеобразной оси, полюсами которой являются причинный и следственный компоненты. В этой связи многие лингвисты считают сложное синтаксическое целое составляющей частью текста, его основной единицей [Солганик 1965, Лосева 1980, Горина 2001, Валгина 2003].

В целом сложное синтаксическое целое составляет максимально эксплицитно развернутую конструкцию. Как правило, в таких конструкциях причинный компонент имеет четко очерченные синтаксические рамки: это одно предложение, либо его фрагмент, который обычно выполняет функцию темы. Следственный же компонент может быть достаточно размытым: в него могут входить вводные и вставные конструкции, любая напрямую не связанная с причинно-следственной ситуацией информация.

Необходимо отметить тот факт, что в лингвистике существуют различные термины для обозначения сложного синтаксического целого. Показательно рекордное количество названий, которыми оно именуется в лингвистических исследованиях.

Так, одни из них стали общепринятыми: сложное синтаксическое целое, сложное синтаксическое единство, сверхфразовое единство. Другие употребляются лишь время от времени и нередко сохраняют связь с почерком ученого: сложное речевое единство, речевое высказывание [Виноградов 1964], синтаксические структуры-массивы [Булаховский 1965], сложность цельного предложения, большое синтаксическое целое [Адмони 1975], прозаическая строфа [Солганик 1976], сочетание предложений [Валимова 1978], целый текст или соединение законченных предложений [Фигуровский 1983], надфразовая конструкция [Белодед 1985], цепь предложений, синтаксико-семантическое целое [Белич 1986].

Сложное синтаксическое целое – это группа предложений, объединенных микротемой и образующих структурно-смысловое единство с определенной функциональной направленностью. Сложные синтаксические целые могут строиться по типу сочинения или подчинения, в связи с чем они подразделяются на присоединительные и парцеллированные конструкции [Пешковский 1956]. Более точное и развернутое определение сложного синтаксического целого дает В. П. Лунева, которая считает, что «сложное синтаксическое целое – это типизированное объединение автосемантических и синсемантических предложений на основе логико-смысловой завершенности и цельности, отражающее определенную информацию в одном модально-временном плане и функционирующее как синтаксическая единица объективного членения письменного текста» [Лунева 1982:13].

В науке известны крайне противоречивые оценки двух синтаксических единиц – парцеллированной и присоединительной конструкций: от-

рицание присоединения между предложениями [Ванников 1965], отождествление парцелляции и присоединения [Иванчикова 1968]. Не менее известно стремление размежевать названные синтаксические единицы [Цыганова 1973, Ринберг 1987, Онипенко 2001, Горина 2004].

Для сопоставления и выявления соотнесенности присоединительных и парцеллированных конструкций уместно обратиться к изоморфизму, существующему между ними и образующему реальную основу их общности, через посредство которой проявляются отличительные черты.

Одной из общих черт, свойственных обеим структурам, является экспрессивность. Вопрос об экспрессивности решается на всех уровнях языка, особенно на синтаксическом, чрезвычайно сложно. Нет единого мнения и по вопросу о языково-речевом уровне экспрессии. Известно, однако, что экспрессивность тесно связана с коммуникативной направленностью языкового элемента: наслаиваясь на его основное значение, она привносит в общий смысл субъективную модальность. В данном случае экспрессивность определяется общей функциональной направленностью обеих структур, хотя «круг функций, выполняемых присоединительными моделями, значительно шире, на что ориентирует многогранность этой структуры» [Ринберг 1987:25]. И присоединяемый комплекс, и парцеллят служат для того, чтобы выделить, повысить смысловую емкость одного из элементов или всей информации, содержащейся в основной части.

Распространение обеих структур в современном русском языке подтверждает их общую функциональную направленность и определяется этой же функциональностью. Показательна сфера стилей: обе структуры активно представлены в публицистических, научных и художественных произведениях.

Признанная экспрессивность сопровождается в присоединительных и парцеллированных структурах паузой, благодаря которой оба компонента служат средством устранения громоздкости в организации синтаксиче-

ских единиц. На значительность этой паузы обратил внимание еще А. М. Пешковский, выделив разновидности сочинительной и подчинительной связи под названием «сочинение после разделительной паузы» и «подчинение после разделительной паузы» [Пешковский 1956:477], и снабдил это положение иллюстративным материалом, в котором зафиксированы ряды с присоединением и парцелляцией. Дополняет изоморфизм обеих структур негибкость их строения: каждая из них – присоединительная конструкция и парцеллированная конструкция отличается фиксированным расположением.

Общность коммуникативно-стилистической основы обеих структур нашла свое выражение в сфере статико-динамичных параметров, свойственных присоединительным и парцеллированным конструкциям. Ведущее место среди них принадлежит экспрессивной насыщенности, значимой паузе при неидентичной ритмике в сопровождении ряда иных признаков – фиксированного порядка частей, «повторов, эллипсиса, соотнесенности с синтаксической синонимикой» [Ринберг 1987:38].

При отмеченном изоморфизме между присоединительной и парцеллированной конструкциями каждая из этих структур не лишена своей специфики, основанной на значительных различиях. Основу расхождений определяет способ сочетания основных частей и способ соотнесенности частей, вследствие чего данные конструкции являются почти взаимоисключающими друг друга. Употребление подчинительных союзов в сложном синтаксическом целом, как правило, свидетельствует о парцелляции, а сочинительные союзы выступают в присоединительной функции и указывают на присоединение [Ванников 1965, Рыбакова 1969, Лозанович 1997].

Однако многие исследователи выделяют присоединение как особый тип синтаксической связи в языке, отличный от сочинения и подчинения [Поспелов 1948, Карпенко 1958, Солганик 2002 и др.]. Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, С. Е. Крючков считают присоединение особым типом синтак-

сической связи, так как сочинение, а тем более подчинение – это крепкая связь предложений, а присоединение – более ослабленная.

Присоединительные конструкции характеризуются тем, что присоединяемый элемент может возникать в самом процессе высказывания и представлять собой добавочное суждение. Причем, с точки зрения языка, присоединение – это непредсказуемая связь, а с точки зрения речевого аспекта, присоединяемый комплекс может прогнозироваться, так как эта связь может входить в планы говорящего [Горина 2001]. Следовательно, изучение присоединения в основном двуаспектно, так как «присоединяемый элемент как носитель добавочной информации, подчас очень важной в коммуникативном отношении, - это явление речевого синтаксиса, но с точки зрения структурно-семантической он является предметом языкового плана» [Горина 2001:10].

Хотя присоединение отличается от сочинения и подчинения своим смысловым содержанием, оно не утрачивает связи с сочинением и подчинением, не противопоставляется им в полной мере [Николаева 1972]. Если мы говорим сочинение-присоединение и подчинение-присоединение, то мы имеем в виду способы соединения предложений при помощи сочинительных или подчинительных средств связи. «Первое находит выражение в присоединительных конструкциях, второе – в парцеллированных» [Горина 2001:10].

§1. РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ СЛЕДСТВИЯ В ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Для присоединительных конструкций характерно присоединение, «присовокупление» компонента к основной уже известной части, от кото-

рой присоединенный элемент сохраняет, при всей своей интонационной самостоятельности, одностороннюю зависимость. Поэтому сложное синтаксическое целое, строящееся по типу присоединительной конструкции составляет «двучленную структуру, состоящую из двух частей – автосемантической и синсемантической» [Ринберг 1987:38] - независимо от количества предложений, входящих в состав сложного синтаксического целого.

Существуют две противоположные точки зрения, определяющие структуру присоединительной конструкции. Так, Л. Г. Хатиашвили под присоединительной конструкцией понимает только присоединяемую часть [Хатиашвили 1963:25].

Мы солидарны с исследователями, высказавшими противоположное мнение, которые считают, что присоединительной конструкцией является и та часть, к которой присоединяют (ее называют основной), и собственно присоединяемая часть как одно синтаксическое целое [Ринберг 1987, Максимов 1996, Валгина 2003, Горина 2004].

По мнению С. Е. Крючкова, «при присоединении второй элемент возникает в сознании как бы в самом процессе высказывания - дополнительно; ... присоединение представляет собой как бы добавочное суждение» [Крючков 1950:400].

Причем, «независимо от того, выражает ли присоединяемый компонент сообщение, замечание, пояснение по поводу содержания предшествующего высказывания, которое вызывает по сходству, смежности или противоположности другое, ассоциативное, или содержит дополнительное высказывание ... - независимо от этого присоединяемый компонент характеризуется послевременностью, что и определило особую речевую организацию синтаксической структуры – присоединительную конструкцию со строго фиксированным порядком расположения основной (базовой) и присоединяемой структур» [Горина 2004:163].

Неизменным структурным атрибутом союзного присоединения являются союзы, по особому, отражающие специфику присоединительных конструкций. Присоединенный комплекс сочетается со стержневой частью присоединительной конструкции союзами, омонимичными сочинительным союзам **и, а, а то, не то, и поэтому, и потому** и др., с которыми они не совпадают по реализации своих функций, хотя их продолжают называть сочинительными союзами.

В присоединительных конструкциях союзы действительно не выражают логико-смысловых отношений, какие им свойственно передавать между предикативными частями, сочетающимися сочинительной связью.

Показателем отклонения союзов присоединительных конструкций от их основного ядра является также место, занимаемое ими в структуре. Употребление союзов после паузы не могло не повлиять на их грамматический профиль: «будучи средством связи членов предложения и предикативных частей, они обычно употребляются в составе предложения, а не за его пределами» [Ринберг 1987:40]. На превращение сочинительной функции союза после точки в присоединительную указывает и Е. А. Реферовская [1969].

Идея выделить присоединительные союзы в самостоятельную группу принадлежит Л. В. Щербе. В работе «Языковая система и речевая деятельность» он писал: «Союзы в этой функции можно бы назвать присоединительными... Можно спрашивать себя, есть ли основание для установления двух категорий, когда дело идет об одних и тех же словах. Но если вспомнить, что задачей исследователя является не классификация слов, а подмечание тех общих категорий, под которыми говорящие подводят те или другие слова, то разделение не покажется чересчур искусственным» [Щерба 1957:81].

Вопреки отрицательному отношению некоторых лингвистов к реальности собственно-присоединительных союзов назрел вопрос об опреде-

лении круга присоединительных союзов, особенно на современном этапе, когда активно увеличивается их ряд за счет союзных сочетаний, состоящих из союзов и сопровождающих их модальных слов, за счет соединения сочинительных союзов с подчинительными.

Следует ли, исходя из этих соображений, считать оправданным разграничение на группы тех союзов (сочинительных и присоединительных), которые служат в языке для выражения одного и того же типа связи - присоединения? Деление союзов на собственно-присоединительные и сочинительные с присоединительным характером «граничит с признанием подлинного присоединения и присоединения, наслаивающегося на сочинительную связь ... . А факт передачи разными союзами одного и того же типа связи – присоединения – сам по себе подчеркивает нейтрализацию в них тех элементов, которыми они обязаны своему профилю, ...употребление союзов (сочинительных) после паузы, характеризующей конец предложения, не могло не повлиять на их профиль» [Ринберг 1987:22-23].

Таким образом, употребление сочинительных союзов как присоединительных на уровне текста обусловлено новыми типами отношений между предложениями.

Одним из средств выражения причинно-следственной семантики в сложном синтаксическом целом, строящемся по типу присоединения, являются местоименные наречия **поэтому, потому** и модальные слова **следовательно, значит**, выступающие в роли межпредложенческих скреп и сочетающиеся с союзами **и, а**.

Конструкции, в которых вместе с союзами **и, а** функционируют местоименные наречия и модальные слова, выражают логические отношения между мыслями в ходе высказывания. Причем, слова **следовательно, значит** свойственны, как правило, научному и официально-деловому стилю, в то время как слова **потому, поэтому** одинаково часто употребляются во всех стилях современного русского языка.

Например:

Но, по автору, разум не представляет всего человека, а следовательно, и всей гаммы отношений между людьми. Поэтому доводы разума не являются еще верным отражением действительности (Ю. Г. Кудрявцев. Три круга Достоевского).

Содержание мотива поведения складывается из двух элементов: из программы и цели деятельности, которые должны быть тесно связаны друг с другом, так как программа уточняет те средства, с помощью которых может быть реализована цель. Потому очень важно, чтобы цель «оправдывала» средства, предусматриваемые программой (Л. П. Гримак. Резервы человеческой психики).

Напротив, сознание первобытного человека уже наперед заполнено огромным числом коллективных представлений, под влиянием которых все предметы, живые существа, неодушевленные вещи или орудия, приготовленные рукой человека, мыслятся всегда обладающими множеством мистических свойств. И следовательно, первобытное сознание чаще всего совершенно безразлично относящееся к объективной связи явлений, обнаруживает особую внимательность к проявляющимся или скрытым мистическим связям между этими явлениями (Л. П. Гримак. Резервы человеческой психики).

Психофизическое состояние летчиков, машинистов, водителей в эти дни (дни магнитных бурь) оставляет желать много лучшего. А значит, вероятность аварий резко возрастает (Аргументы и факты №33, 2002).

В некоторых случаях местоименные наречия и модальные слова употребляются факультативно (дополнительно подчеркивают причинно-следственную семантику). Таким образом, их имплицирование не влияет на семантику следствия, которая, прежде всего, вытекает из лексического наполнения предложений в составе сложного синтаксического целого.

В других же случаях наличие местоименных наречий и модальных слов обязательно (как правило, если они употребляются с союзом **а**), так как их имплицирование влияет на семантику следствия и приводит к появлению оттенка противительности. Это объясняется тем, что значение противительности, свойственное союзу **а**, нивелируется при употреблении с местоименными наречиями и модальными словами и появляется при самостоятельном употреблении.

Сравним:

*Между тем чувственный образ – весьма активный инструмент влияния на психическое состояние и здоровье человека. **И потому** совсем не безразлично, преобладание каких чувственных образов характерно для человека в его повседневной жизни (Л. П. Гримак. Резервы человеческой психики).*

*Между тем чувственный образ – весьма активный инструмент влияния на психическое состояние и здоровье человека. **И** совсем не безразлично, преобладание каких чувственных образов характерно для человека в его повседневной жизни.*

*Испорченный своими преступными помыслами, он не может воротить себе безмятежную невинность своей ранней молодости. **А потому** он желает отнимать эту невинность у всех молодых людей, с которыми он встречается на жизненном пути (Д. Писарев. Наши усыпители).*

*Испорченный своими преступными помыслами, он не может воротить себе безмятежную невинность своей ранней молодости. **А** он желает отнимать эту невинность у всех молодых людей, с которыми он встречается на жизненном пути.*

Причем, присоединительные конструкции с местоименными наречиями и модальными словами являются особыми структурами, так как местоименные наречия и модальные слова подчеркивают большую зависимость присоединенного комплекса от основной части. Подобные синтак-

сические конструкции изофункциональны сложносочиненным предложениям с аналогичными средствами репрезентации категории следствия.

Помимо этого, в качестве межпредложенческих скреп, указывающих на следствие, в сложном синтаксическом целом довольно часто употребляются союзные слова: **стало быть, оттого, от этого, из этого**, которые могут выступать в сочетании с союзами **а, и**.

Например:

*Труд есть единственный источник богатства; богатство, добываемое трудом, есть единственное лекарство против бедности и против порока праздности. **А стало быть**, целесообразная организация труда может и должна привести за собою счастье человечества (Д. Писарев. Мыслящий пролетариат).*

*Из отрывочных фраз, уловленных из темноты, он понял, что стрельба была по неприятельскому, то есть русскому разъезду. **Стало быть**, линия фронта верстах в десяти, не дальше этих мест (А. Толстой. Хождение по мукам).*

*Но генерал проговорился, что у него, сверх того, были какие-то особые обстоятельства, что ему надо как-то «особенно держаться». **И оттого-то** он так вдруг малодушно струсил и переменил со мной тон (Ф. М. Достоевский. Игрок).*

*Пресс-секретарь А. Громов явно искал в зале не привычные лица столичных журналистов, а тех, кого видит впервые. **А оттого** пресс-конференция стала фактически «звездным часом» для региональных корреспондентов (Аргументы и факты №26 2002).*

*Всегда скажешь не то, что нужно, и бестактно. **И от этого-то** Катя от тебя ушла (А. Толстой. Хождение по мукам).*

*Зная, что я должен был через два дня ехать на съезд, Трухачевский, прощаясь, сказал, что он надеется в свой другой приезд повторить еще удовольствие нынешнего вечера. **А из этого** я мог заключить, что он не*

считал возможным бывать у меня без меня, и это было мне приятно (Л. Н. Толстой. Крейцера соната).

Репрезентатором категории следствия в сложном синтаксическом целом, строящемся по типу присоединения, является указательное местоимение **это**, которое употребляется в функции союзного средства и в смысловом отношении равно союзному сочетанию **«что и»**

Например:

Техникой отдельных мазков Сезанн моделировал предмет посредством цилиндра, шара, конуса, добиваясь взаимодействия объема с окружающим пространством. Это обусловило некоторую геометричность его живописи, а самого Сезанна сделало провозвестником кубизма (Л. Г. Емохонова. Мировая художественная культура).

Характерно, что при нарастающем ослаблении памяти у человека чаще всего утрачивается способность локализовывать события во времени и пространстве. Это приводит к потере способности устанавливать последовательную связь между отдельными событиями, впечатлениями, переживаниями (Л. П. Гримак. Резервы человеческой психики).

Выявлению причинно-следственной взаимосвязи в вышеприведенных примерах способствует не только указательное местоимение **это**, являющееся союзным средством, но и употребление каузативных глаголов: **обусловить, приводить**, которые демонстрируют зависимость следствия от причины.

Вводные слова **итак, таким образом** являются средством выражения следственной семантики в структуре сложного синтаксического целого. Причем данные слова «функционируют как вводные, относясь по смыслу ко всему предложению в целом, указывая на его обобщающее, результативное значение» [Бурдина 1976:123]. Как правило, вводные слова **итак, таким образом** указывают на подведение итога, вывода.

Например:

*И вот у меня опять не достало духу разуверить ее и объяснить ей прямо, что Ламберт обманул ее и что я вовсе не говорил тогда ему, что уж так ей особенно предан, и вовсе не вспоминал «одно только ее имя». **Итак**, молчанием моим я как бы подтвердил ложь Ламберта (Ф. М. Достоевский. Подросток).*

*Как считает писатель, католицизм есть шаг от христианства к атеизму, а на основе атеизма вырастает социализм. **Таким образом**, социализм есть порождение католицизма (Ю. Г. Кудрявцев. Три круга Достоевского).*

*Понимание речи связано с функционированием определенных зон коры головного мозга, поражение которых приводит к непониманию общего смысла речи при различении его отдельных слов. **Таким образом**, в обеспечении речевых процессов (говорения, написания, слушания и чтения, восприятия и понимания речи) участвует сложная организация нескольких функциональных систем, одни из которых специализированы как речевые, а другие «обслуживают» иные виды деятельности (В. Г. Казаков. Психология).*

Иногда вводное слово **таким образом** может указывать не только на значение следствия или вывода, но еще и на образ действия. Следовательно, здесь мы можем говорить о синкретизме семантики в сложном синтаксическом целом.

*Мы сами добываем нефть, сами ее перерабатываем и сами продаем. **Таким образом**, мы стараемся максимально снизить себестоимость нашей продукции, которая попадает к конечному потребителю (Аргументы и факты №25 2002).*

В выражении причинно-следственных отношений в сложном синтаксическом целом участвуют также и лексические конкретизаторы: словосочетания, содержащие слова **следствие**, **результат**, подчеркивающие причинно-следственную связь предложений. Причем оборот, содержащий

слово **следствие** чаще употребляется в научном и официально-деловом стилях. Причинно-следственная семантика в таких структурах вытекает, прежде всего, из лексического наполнения предложений, а слова «следствие», «результат» лишь подчеркивают эту семантику и их имплицирование не приводит к изменению следственного значения.

Например:

*За эти часы, как впоследствии узнала Катя, он продумал и пересмотрел всю свою жизнь. **И в результате** было написано огромное письмо жене, которое кончалось так: «Да, Катя, мы все в нравственном тупике»* (А. Толстой. Хождение по мукам).

*Он (Ф. Б. Растрелли) соединил в своих постройках ордерность классической итальянской архитектуры, барочную динамику и полихромную древнерусского зодчества. **И как следствие** возник особый, растреллиевский стиль, или, как его еще называли в России, «монументальное рококо»* (Л. Г. Емохонова. Мировая художественная культура).

Таким образом, присоединительные конструкции – это особые структуры, которые отличаются и от сочинительных, и от подчинительных.

Это связь, прежде всего, высшего, текстового уровня, где нивелируется даже значение сочинения, это непрогнозируемая связь, возникающая как добавка, уточнение, осложненное другими типами отношений (причинно-следственными).

И в смысловом отношении присоединительные конструкции характеризуются более слабым типом связи по сравнению с сочинением, так как присоединяемый компонент содержит добавочную информацию.

Тем не менее, между присоединительными конструкциями и сочинительными структурами можно провести определенную параллель, так как они характеризуются односторонней зависимостью. Автосемантическое предложение характеризуется тем, что само по себе оно не предполагает

распространения: оно закончено в структурном и смысловом отношении. А синсемантическое предложение «обслуживает» автосемантическое, дополняет и уточняет его.

Средствами репрезентации категории следствия в присоединительных конструкциях являются сочинительные союзные средства, употребляющиеся в присоединительной функции.

§2.РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ СЛЕДСТВИЯ В ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ.

Парцеллированная синтаксическая единица организована полярно противоположным способом присоединительной конструкции – расчленением, разъединением.

Таким образом, под парцелляцией принято понимать расчленение синтаксемы, отчего парцеллированная структура передается не одной, а двумя или несколькими разъединенными единицами. Одна из этих единиц составляет основную базовую часть, а другая – отсеченная часть, именуемая парцеллятом, характеризуется взаимозависимыми отношениями с основной частью при всей своей интонационной самостоятельности [Ринберг 1987]. В этой интонационной самостоятельности заключен весь смысл противоречивой природы парцеллята: «будучи интонационно-коммуникативно выделенным, парцеллят все же не обретает автосемантической» [Киселева 1969:57].

В этом аспекте важно то, что парцеллят проявляет не одностороннюю зависимость, а двустороннюю, так как «его интонационная самостоятельность заключает в себе весь смысл противоречивой природы парцеллята: он не становится автосемантическим, а продолжает выполнять функцию члена предложения или предикативной части сложного предложения именно той синтаксической единицы, от которой он отделен» [Горина 2004:176].

Парцеллят, таким образом, является в отличие от присоединенного компонента, членом предложения или предикативной частью сложного предложения. Присоединенный компонент не может быть ни тем, ни другим, так как он «всегда продолжает оставаться, независимо от размера и объема, составной частью присоединительной конструкции» [Ринберг 1987:40].

Коммуникативные, семантические, стилистические функции парцелляции придаточного предложения являются, по мнению Ю. В. Ванникова, «одновременно и способом речевой презентации синтаксической структуры сложного предложения, и средством речевой актуализации его части, средством речевой экспрессии, и приемом построения высказывания» [Ванников 1979:263].

Известно, что парцелляция возможна при наличии слабых синтаксических связей. По вопросу о парцеллировании сложных предложений существуют противоречивые точки зрения. Согласно одной из них сложносочиненные предложения не подлежат парцелляции, так как там возможны только присоединительные отношения после точки перед сочинительным союзом [Ринберг 1987].

Другая точка зрения базируется на том, что парцеллироваться может сложносочиненное предложение, имеющее экстенциональные элементы, и сложноподчиненное, имеющее интенциональные элементы [Ванников 1979]. Мы соглашаемся с автором только в том, что парцелляции могут

подвергаться придаточные части сложноподчиненных предложений, сложносочиненные предложения, по нашему мнению, не могут парцелироваться, так как для них характерны присоединительные отношения.

Парцеллированная конструкция (также как и присоединительная) отличается негибкостью своего строения, что обусловлено фиксированным расположением частей: парцеллы всегда постпозитивны по отношению к основной части [Горина 2004].

Явление парцелляции – это явление текстового уровня, когда на основе ослабления сильной подчинительной связи нарушаются рамки предложения, на смену единому развернутому высказыванию с непрерывностью и последовательностью синтаксической связи приходит тип высказывания расчлененный, с нарушением и прерыванием синтагматической цепочки.

Тем не менее, многие исследователи считают, что парцелляция – это обратимое явление [Ринберг 1987, Ванников 1979, Горина 2004]. При устранении отчленяющей паузы парцеллы может быть восстановлен в правах обычной предикативной части с соответствующими синтаксическими отношениями. Устранение паузы не меняет при этом семантического наполнения, но меняет его стилистический и коммуникативный аспекты – «лишает текст экспрессии и рематической градации, присущей парцелляции» [Ринберг 1987:42].

Исследования парцеллированных сложноподчиненных предложений свидетельствуют о том, что расчленению подвергаются как многочленные, так и двучленные конструкции с разными типами придаточных предложений, «если главная часть в них достаточно автосемантична, а парцеллируемая часть находится в постпозиции» [Горина 2004:180]. Причем, «способность к парцелляции неодинакова у различных типов сложноподчиненных предложений. Она тем сильнее, чем меньше обусловленность частей

друг с другом, чем слабее их связь и чем выше их семантическая самостоятельность» [Ринберг 1987:45].

Так, у придаточных со значением следствия их подчиненное положение выражено слабо: они более самостоятельны. Это обнаруживается в том, что в главной части нет никаких указателей на присоединение придаточной части. Интонация главной части указывает только на ее незаконченность, к тому же она произносится с некоторым понижением тона. И это также свидетельствует о слабой связи. Этой слабостью связи объясняется наличие в современном русском языке парцелированных конструкций с союзом **так что**.

Например:

*Жаль только, что я не удосужился спросить у профессора, что такое шизофрения. **Так что** вы уж сами узнайте у него, Иван Николаевич (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);*

*Кто ни увидит, сейчас же букеты начинает таскать. **Так что** у нас в квартире букеты все время, как веники, стояли (М.А. Булгаков. Дни Турбиных);*

*Но ведь их брак уже давно был надрезан. **Так что** разорвать его было менее трудно, чем кажется (Л.Н. Толстой. Живой труп).*

Необходимо отметить, что среди подобных конструкций можно выделить и такие, которые выражают причинную, условную, целевую и следственную семантику одновременно.

Например:

*Я ничуть не устала и очень веселилась на балу (причина). **Так что**, если бы он продолжался еще (условие), я охотно бы предоставила мое колено (следствие) для того, чтобы к нему прикладывались тысячи висельников и убийц (цель) (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);*

Вы ученый человек, сеньор, и знаете много интересного (причина). Так что, если вы начнете рассказывать (условие), вас можно слушать, развесив уши, целыми часами (следствие) (М.А. Булгаков. Дон Кихот).

Также в сложном синтаксическом целом мы можем наблюдать синкретизм временной, причинной и следственной семантики.

Например:

Контрольные цифры по займу Ганичев подработал еще за два дня до объявления закона о займе (причина). Так что, когда объявили закон (время), ему оставалось лишь внести небольшие уточнения (следствие) (Ф. Абрамов. Братья и сестры);

Сегодня в три часа утра гетман бросил на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию (причина). Так что, в то время как поручик собирается защищать его (время), его давно уже нет (следствие) (М.А. Булгаков. Дни Турбинных).

В сложном синтаксическом целом, представляющем собой парцеллированную конструкцию, репрезентаторами категории следствия являются союзные слова: **в связи с чем, в результате чего, вследствие чего, в силу чего**. Подобные структуры изофункциональны сложноподчиненным предложениям с придаточной частью, присоединяемой вышеперечисленными союзными средствами.

Например:

При планировке окон Шехтель перенес акцент с их декоративного оформления на форму и ритм самих оконных проемов. В связи с чем возросло значение их пропорций, рисунка, переплетов, фактуры и цвета стекла (Л. Г. Емохонова. Мировая художественная культура).

Влиятельный торгово-ремесленный класс добивался, чтобы его экономическому могуществу соответствовало могущество политическое. В результате чего политический диктат богатой земельной аристократии

был сломлен. **В связи с чем** претерпела изменения старинная религия, служившая идеологической основой греческого аристократического государства (Л. Г. Емохонова. Мировая художественная культура).

Данный пример иллюстрирует парцелляцию многочленного сложно-подчиненного предложения, и мы можем выделить в этой конструкции определенную линейную причинно-следственную цепь, где причина порождает следствие, которое, в свою очередь, тоже порождает следствие.

*В предложении переводчика заключался ясный практический смысл, но что-то удивительно несолидное было и в манере переводчика говорить, и в его одежде, и в этом омерзительном, никуда не годном пенсне. **Вследствие чего** что-то неясное томило душу председателя* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

*Однако не прошло и часу времени, как я почувствовал некоторую скуку или сожаление в том, что никто не видит меня в таком блестящем положении, и мне захотелось движения и деятельности. **Вследствие чего** я велел заложить дрожки и решил, что мне лучше всего съездить на Кузнецкий мост сделать покупки* (Л. Н. Толстой. Юность).

*Изящная и красочная миниатюра придавала декоративному тексту вид ажурного узора. **В результате чего** средневековые рукописи превращались в настоящие волшебные книжки с картинками* (Л. Г. Емохонова. Мировая художественная культура).

*В творчестве Росси нашла отражение важнейшая черта русского классицизма, состоявшая в том, что любая градостроительная задача, какой бы незначительной она ни казалась, решалась не отдельно, а в тесном взаимодействии с другими. **В результате чего** создавалась непрерывная и непревзойденная по красоте цепь ансамблей* (Л. Г. Емохонова. Мировая художественная культура).

*У людей старого закала голос чувства и голос рассудка находятся в постоянном разладе. **В силу чего** они, во избежание дисгармонии, всегда*

заставляют молчать один из этих голосов, когда говорит другой (Д. Писарев).

В разговорах с сими блюстителем он очень искусно умел льстить каждому. Губернатору намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы. Полицмейстеру сказал что-то насчет городских будочников; а в разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были еще только статские советники, сказал даже ошибкою два раза: «ваши превосходительство», что им очень понравилось. Следствием чего было то, что губернатор сделал ему приглашение пожаловать к нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочие чиновники тоже, с своей стороны, кто на обед, кто на бостончик, кто на чашку чая (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

Таким образом, сложность явления парцелляции заключается в его противоречивом характере.

С одной стороны, парцелляты, выделенные точкой, являются функционально-коммуникативно самостоятельными.

С другой стороны парцеллят синтаксически зависит от основной базовой структуры конструкции. В отличие от присоединительных конструкций, в парцеллированных структурах проявляется не односторонняя, а двусторонняя зависимость. Интонационная самостоятельность парцеллята заключает в себе весь смысл его противоречивой природы, так как он не становится автосемантическим, а продолжает выполнять функцию предикативной части сложного предложения именно той синтаксической единицы, от которой он отсечен.

ВЫВОДЫ:

Проведя разноаспектный анализ сложного синтаксического целого и средств выражения категории следствия в нем, мы пришли к следующим выводам:

-способами соединения предложений в составе сложного синтаксического целого могут быть сочинение и подчинение. В зависимости от того, по какому типу оно строится, выделяют присоединительные и парцеллированные конструкции;

-существующий изоморфизм между присоединительными и парцеллированными синтаксическими единицами основан на единой коммуникативно-семантической направленности обеих структур (подчеркнуть, выделить, акцентировать), на аналогичном уровне экспрессивной насыщенности, на реально значимой паузе в ритмическом рисунке, на представленности в единой сфере стилей (публицистическом и художественном), на их активно возрастающей роли в современных функциональных стилях;

- способ организации каждой структуры полярно противоположен: в присоединительных конструкциях присоединяемый компонент присоединяется к основной части, а в парцеллированной единице парцеллят наоборот вычленяется, выделяется из предложения. Это и определяет совокупность расхождений, разграничивающих их как единицы неидентичные, несовпадающие;

-в присоединительных конструкциях предложения соединяются сочинительными союзами, выступающими в присоединительной функции, так как употребление за пределами предложения влияет на изменение функции союзов;

-средствами выражения причинно-следственной семантики в сложном синтаксическом целом, строящемся по типу присоединительной конструкции, являются местоименные наречия **потому, поэтому, оттого, от этого** и

т. п. и модальные слова **следовательно, значит** в сочетании с союзами **и, а**. Также на следствие указывают местоимение **это**, вводные слова **итак, таким образом** и обороты, в состав которых входят слова **следствие, результат**;

-в сложном синтаксическом целом, построенном по типу парцелированных конструкций, категория следствия выражается союзом **так что**, союзными словами **в связи с чем, вследствие чего, в результате чего, в силу чего**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев категорию следствия и средства ее реализации на различных ярусах синтаксиса, мы пришли к следующим выводам.

Категория следствия находится в диалектическом единстве с компонентом причины и компонентом условия, так как причина при наличии определенных условий с необходимостью порождает определенное следствие.

Категорию следствия невозможно рассматривать вне ее связи с понятиями **реальность, ирреальность**, так как обуславливающая ситуация, от которой зависит реализация следствия, может быть представлена как соответствующая действительности (предложения с реальной условно-следственной ситуацией), либо как не соответствующая действительности (предложения с ирреальной условно-следственной ситуацией).

Структуры, имеющие причинно-следственное значение, характеризуются отношениями подчинения, что обусловлено наличием реальной зависимости следствия от породившей его причины. Таким образом, конструкции не являющиеся по своим формальным показателям подчинительными, содержат элемент подчинения.

Категория следствия является сложной универсалией как в плане содержания, так и в плане выражения. Структура категории следствия отражает взаимосвязь лексического и грамматического в языке. Такое взаимодействие сочетает в себе возможности парадигматического и синтагматического подхода: парадигматического, когда речь идет о единицах синтаксического уровня¹, и синтагматического, когда элементы лексического и морфологического уровней, функционируя в составе синтаксических единиц, тесно переплетаются, усиливая данный вариант значения. Таким об-

---

¹ Мы имеем в виду синтаксическую парадигму, обусловленную изофункциональностью в языке.

разом, под разноуровневые средства выражения семантики следствия подводится синтаксическая база, так как синтаксис является организационным центром грамматики.

Средства выражения категории следствия в синтаксических единицах могут быть эксплицитными (формально выраженными) и имплицитными (формально не выраженными).

Имплицитное выражение причинно-следственных отношений имеет место при соединении частей сложносочиненного и бессоюзного сложного предложения в том случае, когда причинно-следственная связь вытекает из лексического наполнения частей сложного предложения. Имплицитным средством выражения категории следствия в простом предложении является соотношение лексических компонентов (блоки однородных членов).

Для конструкций, выражающих причинно-следственные отношения характерна изофункциональность между простыми предложениями, сложносочиненными, сложноподчиненными, бессоюзными сложными предложениями и сложным синтаксическим целым, что доказывается их трансформационными возможностями. Более того, каждый уровень синтаксиса обладает определенным набором репрезентаторов категории следствия. Средства выражения следственной семантики можно разделить на специфические, функционирующие только на одном ярусе синтаксиса, и общие, функционирующие на нескольких или на всех ярусах синтаксиса.

Так, к специфическим средствам репрезентации категории следствия относятся:

- обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами;
- обособленные определения, выраженные причастными оборотами;
- предложно-падежными формами (кроме предлогов **вследствие, в результате, в силу**, которые представлены в качестве союзных средств на уровнях сложносочиненного и сложноподчиненного предложений а также на

уровне сложного синтаксического целого);

-союзы **а то, а не то, иначе**, которые выражают значение следствия-предупреждения, следствия-предостережения на уровне сложносочиненных предложений альтернативной мотивации;

-сочетание указательных слов **так, до того, настолько, так мало, так много, столько** с союзом **что**, функционирующее на уровне местоименно-союзных соотносительных предложений. Причем, данные структуры имеют синкретичную семантику. так как значение следствия осложняется значениями степени качества, меры количества качества действия. интенсивности действия;

-сочетание слов **достаточно, довольно, не настолько** с союзом **чтобы**, представленное на уровне сложноподчиненного предложения;

-вводные слова **таким образом, итак**, функционирующие на уровне сложного синтаксического целого и имеющие значение вывода, итога;

Общими средствами репрезентации категории следствия являются:

-лексическое наполнение частей сложносочиненного и бессоюзного сложного предложений и лексическое наполнение блоков однородных членов;

-местоименные наречия **поэтому, потому, оттого** и модальные слова **следовательно, значит** как в сочетании с союзами **и, а**, так и употребленные самостоятельно, функционирующие на уровне простого предложения, сложносочиненного предложения и сложного синтаксического целого;

- союз **так что**, представленный на уровне сложноподчиненного предложения и сложного синтаксического целого;

-союзные средства **отчего, вследствие чего, в результате чего**, функционирующие на уровне сложноподчиненного предложения и сложного синтаксического целого;

-указательное местоимение **это** в сочетании с союзом **и** или употребленное самостоятельно, выступающее на уровне сложносочиненного предложения и сложного синтаксического целого;

-соотношение глагольных форм сказуемых на уровне сложносочиненного и бессоюзного сложного предложений.

Сложное предложение и сложное синтаксическое целое являются наивысшими уровнями репрезентации причинно-следственной связи, так как главное свойство следственной семантики – полисобытийность - представлено в этих синтаксических конструкциях, в виде актуализированных во временном плане развернутых пропозиций. Причем, именно в сложном синтаксическом целом реализуются разнообразные причинно-следственные цепи (линейные и разветвляющиеся).

На уровне сложного предложения сложноподчиненные предложения с союзом **так что** эксплицируют следственную семантику в «чистом» виде.

На уровне же простого предложения обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами являются основным репрезентатором категории следствия в силу того, что именно деепричастие как полупредикативная единица наиболее ярко эксплицирует основной признак причинно-следственных отношений - событийность.

Изучение средств выражения семантики следствия в простом предложении приводит нас к выводу, что реально существующие в объективной действительности причинно-следственные взаимосвязи находят свое отражение в языке в изофункциональных структурах простого и сложного предложений. Сложность данной онтологической связи определяет и сложность ее языкового отражения как в «чисто» следственных конструкциях, так и в синкретичных со значением следствия семантических структурах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адмони В.Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных) // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. - Л.: Наука, 1968, с.98-106.
2. Акимова Г.Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка: Уч. пособие. - Л.: Изд-во Российского ун-та, 1982.
3. Александрова Н.М. Проблемы второстепенных членов предложения: Дис. ... докт. филолог. наук. - Л., 1963. - 464с.
4. Андреев Н.М. Грамматические средства выражения следственных отношений в современном русском литературном языке: Дис. . канд. филолог. наук. - Саратов, 1956. - 271с.
5. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия.- М.: Наука, 1997.- 631с.
6. Андреевский Г.П. Одночленные и двучленные сложные предложения с придаточным предложением причины // Вопросы изучения русского языка.- Ростов-н/Д, 1961, с.41-42.
7. Анисимова Л.В. Вводно-модальные слова в их отношении к структуре предложения: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Воронеж, 1982. -19с.
8. Анисина Н.В. Коммуникативно-прагматический анализ причинно-следственных отношений на материале русской научной речи // Разноуровневые единицы языка и их функционирование в тексте.- С.-Пб., 1992, с.78-84.
9. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Языки русской культуры.- М.: Наука, 1995. -472с.
10. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. - М.: Наука, 1967. - 251с.
11. Арнольд И.В. Интерпретация текста как установление иерархии его частей // Лингвистика текста: Мат-лы научн. конф-и. – М., 1974, с.28-32.

12. Арутюнова Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч.Филмора // Вопросы языкознания. 1973 (а), №1, с.117-124.
13. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка.-1973 (б), №1, с. 84-89.
14. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл // Логико семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 386с.
15. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт). - М.: Наука, 1988. - 152с.
16. Асоченская В.Ф. Выражение возможности и необходимое в конструкциях с зависимым инфинитивом (на материале польского языка в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ... канд.филолог.наук.-1971.-15с.
17. Астрова Л.И. Особенности лексико-грамматической природы предлогов, Уч. зап. МГПИИЯ. - Т.25. - М., 1961, с. 31-40.
18. Бабайцева В.В. Лингвистические основы школьного курса синтаксиса // Русский язык в школе. - 1975. - №5, с. 13-17.
19. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация. - М.: Просвещение, 1979. - 269с.
20. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. - М.: Просвещение, 1981. - Ч.3. Синтаксис. Пунктуация. - 271с.
21. Бабайцева В.В. Синкретизм парцеллированных и присоединительных субстантивных фрагментов текста // Филологические науки, 1994, №4, с. 56-65.
22. Бабайцева В.В. Явление переходности в грамматике русского языка.-М. : Дрофа, 2000. - 640с.
21. Бабалова Л.Л. О семантических разновидностях причинных предложений // Русский язык в школе, 1974, №1, с.84-89.
22. Баклагова Ю.В. Каузативные глаголы лишения жизни в русском и немецком языках (структурно-семантический анализ): Дисс. ... канд. филолог. наук.- Краснодар, 2000.-158 с.

- 23.Балин Б.М. Понятие линейного аспектологического поля (на материале германских языков) // Проблемы германской филологии. - Рига, 1968, с.14-20.
- 24.Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М.: Изд-во Иностран. лит-ры, 1955. - 416с.
- 25.Бариленко Н.Н. К вопросу о несобственно-прямой речи как показателя стиля художественной литературы // Вопросы теории романо-германских языков: Сб. научн. статей. - Днепропетровск, 1974. – Вып. 5, с.42-49.
- 26.Баршай Д.И. О сложноподчиненных предложениях, имеющих несколько значений // Русский язык в школе, 1966, №1, с.53-56.
- 27.Баршай Д.И. Сложноподчиненные предложения местоименно-союзного типа в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1967. - 17с.
- 28.Бах С.А. К вопросу о структуре союзного сложноподчиненного предложения с причинно-следственным значением в современном русском языке // Уч. Зап. Саратовского ун-та, 1957.-Т.48, с.25-33.
- 29.Беличева-Кржижкова А.О. Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языках // Новое в зарубежной лингвистике.- Вып. 15: Современная зарубежная русистика.- М., 1985, с. 407-433.
- 30.Блохина Н.Г. Сложноподчиненные предложения с придаточными меры и степени в современном русском языке: Автореф. Дис. ... канд. филолог.наук. - Воронеж, 1974. - 19с.
- 31.Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. - М., 1977. - 204с.
- 32.Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики, М.: Наука, 1935.- 455с.
- 33.Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. -|Л.: Наука, 1971.- 112с.

- 34.Бондарко А.В. Функциональная грамматика. - Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1984.- 133 с.
- 35.Бондарко А.В. Функционально-грамматическое описание полей аспектуальности и таксиса в русском языке: (Принципы анализа) // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания: Межвузов, сб. научн. тр- -Л., 1985, с. 4-16.
- 36.Браве Л.Я. К вопросу о значении деепричастия совершенного вида // Русский язык в школе. - 1940. -№6, с. 23-34.
- 37.Бронская А.А. Синтаксические связи в бессоюзных сложных предложениях // ФН, 1975, №1, с. 74-82.
- 38.Будилович А.С. Начертание церковнославянской грамматики. - Варшава, 1983.- 347с.
- 39.Букреева Е.И. Функционально-семантическое поле единичности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. Филолог. наук. -Киев, 1985.-24с.
- 40.Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические аспекты предикатов. - М., 1982. - 63с.
- 41.Бунина М.С. Из наблюдений над сложными; причинными союзами современного русского литературного языка // Учен. зап. / Московский гос. пед. ин-т. Кафедра русского языка. - М., 1957. - Вып. 4. – Т.42, с. 213-234.
- 42.Бурдина Н.И. Вводные слова как средство выражения отношений вывода в сложных синтаксических целых. Сб. Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка, вып.2. Министерство просвещения РСФСР. УГПИ имени И.Н. Ульянова, 1976, с. 117-123.
- 43.Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. Изд. 2-е., М.: Высшая школа, 1978.- 439с.
- 44.Валгина Н.С. Трудные вопросы пунктуации. - М.: Просвещение, 1983.- 179с.
- 45.Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. –М.: Логос, 2003. - 280с.

- 46.Валимова Г.В. Переходность как результат функционирования языковой системы. - Ростов-на-Дону, 1983. - 305с.
- 47.Ванников Ю.В. Существует ли присоединительная связь предложений? // Тр-ды Ун-та Дружбы Народов. Литературоведение и языкознание.- Т.8.- Вып. 2.- М., 1965, с. 133-135.
- 48.Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. - М.: Русский язык, 1979. - 267с.
- 49.Варлакова Г.С. Причинно-следственные и сопоставительные отношения и средства их выражения в бессоюзных сложных предложениях и словицах // Изв. Крым. ГПИ, Т.33, Вып.1.- Симферополь, 1959, с. 61-86.
- 50.Вахтель Н.М. Условия употребления семантических подчинительных союзов (лингвистический эксперимент) // Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях.- Воронеж, 1978, с. 53-57.
- 51.Вежбицкая И.А. Семантические универсалии и описание языков. Языки русской культуры. М., 1999.- 780с.
- 52.Вендлер З. Причинные отношения //Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1986.-Вып.XVIII, с.25-33.
- 53.Верещагин Е.М. Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. - 90с.
- 54.Вержбицка А.Ф. Метатекст о тексте // Новое, в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - Вып.8, с.402-421.
- 55.Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). - Изд. третье. - М.: Высшая школа, 1986. - 614с.
- 56.Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. - М., 1958. - 321с.
- 57.Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательных. - М.: Наука, 1978. - 200с.
- 58.Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985. - 160с,
- 59.Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков "хоро-

шо/плохо" // Вопросы языкознания. - 1986. - №5, с.93-106

60.Всеволодова М.В., Ященко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке.- М.: Просвещение, 1988. - 208с.

61.Гаврилова Г.Ф. Об изоморфизме сложноподчиненного предложения словосочетания // Подчинение в полипредикативных конструкциях.- Новосибирск, 1980, с.28-37.

62.Гаврилова Н.В. Выражение причинно-результативных отношений в современном французском языке.- Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- М., 1983.-18с.

63.Галкина-Федорук Е.М. О месте курса "Современный русский литературный язык" в системе лингвистического образования при подготовке кадров для средней школы // Русский язык в школе. - 1957, - № 1, с. 7-14.

64.Гармони С.В. Пресуппозиционная обусловленность сложных предложений с причинно-следственным значением в современном русском языке: Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- Таганрог, 1998. - 19с.

65.Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.2, 1968.- 357с.

66.Голкова В.Я. Предложное обстоятельство причины в современном английском языке // Предложные обстоятельства в современном английском языке.- Ярославль, 1971, с.109-119.

67.Головин Б.Н. Введение в языкознание. - 3-е изд. - М.: Высшая школа, 1977. - 311с.

68.Горбунова М.П. Модальные слова в сложном предложении с придаточным причины // Русский язык в школе, 1991.-№2, с.56-67.

69.Горбунова Л.Г. Типология и средства выражения присоединительных отношений в бессоюзных сложных предложениях: Дис. ...канд. филолог. наук. -М.,1990. - 198с.

70.Гордон Е.Я. Каузативные глаголы в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1981. - 23 с.

- 71.Горина И. И. Союзные присоединительные скрепы с уточняющим значением как средства связи предложений в тексте. Армавир, 2001.- 147 с.
- 72.Горина И. И., Шустер А. Г. Категория следствия в современном русском языке и средства ее выражения // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Вып.7, Армавир, 2001, с. 208-210.
- 73.Горина И. И., Шустер А. Г. Средства выражения следственных отношений в простом осложненном предложении // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Вып.8, Армавир, 2002, с. 175-176.
- 74.Горина И. И., Шустер А. Г. Соотношение форм глаголов-сказуемых как показатель условно-следственных отношений в сложных предложениях // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Вып.9, Армавир, 2003, с. 108-109.
- 75.Горина И. И. Слабые синтаксические связи в современном русском языке. Армавир, 2004.- 235 с.
- 76.Горина И. И., Шустер А. Г. Категориальная сущность каузальных отношений // Неделя науки в АГПУ: Материалы научно-практической конференции.- Армавир, 2004, с. 112-113.
- 77.Грамматика русского языка. - Т.2. Синтаксис. - Ч.2. - М: Изд-во, АН СССР, 1954.- 703с.
- 79.Грамматика современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1970.-768с.
- 80.Греч Н.И. Практическая грамматика. - СПб, 1827.-326с.
- 81.Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. - М.: Просвещение, 1969. - 184с.
- 82.Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. - М., 1968.- 356с.

83. Гуц Л.М. Синонимика бессоюзных и союзных сложных предложений в современном русском языке (на материале с условно-следственными и причинными отношениями): Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук.- Киев, 1973.- 23с.
84. Давидовский А.М. Придаточные меры и степени. Труды Сухумского гос. пед. ин-та. - Т.V, 1949, с. 43-51.
85. Демьянкова В.З. "Событие" в семантике, прагматике и в координатах интерпретации // Изв. АН СССР. Совр. русск. лит. язык - 1983.- Т.2 - Вып.4, с.21-25.
86. Дерibas Л.А. Синтаксические функции деепричастных конструкций в современном русском языке: Дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1951 -252с.
87. Диденко Е.А. Способы выражения условия в русских пословицах: Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.-М., 2001.- 18с.
88. Дмитриева Н.К. Структурные функции категории однородности обособления и уточнения. Лекция. -Л., 1983. - 46с.
89. Долинин К.А. О внутренних признаках несобственно-прямой речи // Иностранные языки в школе, 1980. - №1, с.22-26.
90. Дуга С.А. Имплицитность как способ актуализации смысла в художественном тексте: Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук. -М., 2002.- 19с.
91. Евстигнеева Г.А. Способы выражения причинно-следственных отношений: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Ростов-на-Дону; 1980. - 32с.
92. Егорова Б.Н. Семантика наречий в современном русском языке в аспекте их сочетаемости с глаголами: Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- Уфа, 2001.- 16с.
93. Ерещенко М.В. Конструкции со служебным словом «и» и их разновидности в современном русском языке: Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- Ростов-на-Дону, 2001.- 18с.
94. Ермишкина Н.В. Функционально-синтаксические отношения между компонентами сложного предложения (на материале сложных предложе-

ний со значением быстрого следования): Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- М., 2002.- 19с.

95.Жанашева З.У. Об отграничении глаголов побуждения от каузативных глаголов. Сб. науч. тр-ов, ТПИ, Ташкент, 1976, с.46-49.

96.Жданова В.В. Простые предложения с именной причинной группой, выражающие причинно-следственные отношения в мире не живой природы. Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- М., 1998.- 24с.

97.Жданович Л.М. К вопросу об имплицитных звеньях в сложных синтаксических конструкциях причинного типа // Вопросы синтаксиса современного русского языка.- Тюмень, 1977, с. 69-77.

98.Жоголева М.П. Бессоюзные сложные предложения с общим значением причинно-следственных отношений // Вопросы преподавания современного русского языка в вузе.- Изд-во Горьков. ГУ, Горький, 1960, с. 24-35.

99.Завгородняя Е.В. Структурно-семантические особенности условных конструкций на различных ярусах синтаксиса современного русского языка: Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. – Ставрополь, 2000. - 26с.

100.Загребельная Т.А. Простые предложения с предикатами причинности как одно из средств выражения причинно-следственных отношений в русском языке // Языковая системность при коммуникативном обучении.- М., 1988, с. 141-147.

101.Засорина Л.Н. Опыт системного анализа предлогов современного русского языка (предлоги со значением причины) // УЗ ЛГУ, 1961, №301, Вып. 60, с.64-84.

102.Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. - 307с.

103.Знаменская А.Ф. Сложносочиненные предложения с союзом так в современном русском языке // Русский синтаксис. ВГПИ, Воронеж, 1980.- Т. 207, с.56-58.

- 104.Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Научн. докл. высш. шк. - Филол. науки. - 1962. - №4, с.65-79.
- 105.Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука, 1973. - 231с.
- 106.Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научн. освещ. – М.: РАН, 2001, с. 107-113.
- 107.Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. - 368с.
- 108.Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. –М.: Просвещение, 1998. - 524с.
- 109.Иванушкина П.Ф. Структурно-семантические разновидности бессоюзных сложных пояснительных предложений // Русский язык. Лексико-синтаксические исследования, Вып.4, СГПИ, Ставрополь, 1974, с.67-81.
- 110.Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.- М., 1968, с. 227-301.
- 111.Ивин А.А. Основания логики оценок. - М.: изд-во Московск. ун-та, 1970, с. 54-56.
- 112.Изаренков Д.И. Бессоюзные сложные предложения, выражающие умозаключения // Русский язык и методика его преподавания нерусским. - М.: Изд. УДН, 1973, с. 155-168.
- 113.Ильенко С.Г. О структурном соотношении главного и придаточного в системе сложноподчиненного предложения. - Учен.зап.ЛГПИ им. А.И.Герцена, Т.236. - Л., 1963.- 203с.
- 114.Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. – 674.

115. Казанская И.В. Синтаксические конструкции с причинными союзами как средство выражения логических силлогизмов (на материале русского языка): Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук.- М., 1991.- 27с.
116. Калюга М.А. Причинно-следственные и причинные отношения в сложном синтаксическом целом // Русский язык в национальной школе.- 1989.-№ 12, с.6-9.
117. Камынина А.А. О роли предлогов в формировании предикативного значения «событийных» обстоятельственных предложных оборотов // Синтаксические связи в русском языке.- Владивосток, 1979, с. 31-44.
118. Карпенко М.В. Наблюдения над структурой присоединительных конструкций в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ...канд. филолог. наук. Черновцы, 1958. - 19с.
119. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л., 1972.- 216с.
120. Кильдибекова Т.А. Структура семантического поля глаголов целесообразной деятельности // Исследования по семантике: Межвузовск. науч. Сб. - Уфа, 1975. - Вып.1, с.73-86.
121. Киселева Н.П. Союзные средства присоединительной связи // Русский язык в школе, 1969.- №6, с. 83-86.
122. Ковтунова Н.И. О синтаксической синонимике// Вопросы культуры речи: - М.: Изд. АН СССР, 1965, с.36-43.
123. Колесникова А.В. Причинно-следственные отношения в синтаксисе целого текста // Русский синтаксис. -Воронеж, 1975, с.116-121.
124. Колотилова Н.С. Автосемантия и синсемантия в синтаксисе // Предложение и текст: Межвуз. сб. науч. тр. – Рязань: РГПУ, 1998, с.28-29.
125. Колшанский Г.В. О языковом механизме порождения текста // Вопросы языкознания, 1983, №3, с.44-51.

126. Комаров А.П. О лингвистическом статусе каузальной связи. - Алма-Ата, 1970. - 224с.
127. Корельская Т.Д. О формальном описании синтаксической синонимии.- М., 1975.- 252с.
128. Корнеева В.В. Временная и аспектуальная характеристика сложно-подчиненного предложения с придаточными следствия: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Воронеж, 1984. - 21с.
129. Коротаева З.И. Союзы, выражающие отношения причины, цели и следствия // Уч. Зап. ЛГУ.- № 235.- Вып. 38: Исследования по грамматике русского языка.- Ч. 1. -Л., 1995, с. 34-45.
130. Котвицкая Э.С. Анализ отрицательных конструкций в связи с изучением способов выражения причинно-следственных отношений // Русский язык для студентов-иностранцев. - №18. - М.: РЯ, 1979, с.18-23.
131. Кривоносов АТ. Система неизменяемых классов слов (на материале немецкого языка). - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974.- 118с.
132. Крушельницкая К.Г. Трансформационный метод и проблема значения // Иностр. языки в высшей школе. - Вып.3. М., 1964, с. 3-17.
133. Крючков С.Е. О присоединительных связях в современном русском языке // Русский язык в школе, 1950, №2, с. 12-20.
134. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. К вопросу о типологии сложно-подчиненных предложений //Учен, зап., МГПИ им. В.И.Ленина. – М., 1960. - Вып.10. - Т.148, с.175-195.
135. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Изд. 2-е. - М.: Просвещение, 1977.- 191с.
136. Кузьменко С.А. Сложные предложения со значением следствия в научном языке М.В.Ломоносова: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Л.,1968. - 21с.

- 137.Лабутина В.В. Вторичная номинация в сфере обозначения причинно-следственных отношений в русском языке: Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- Уфа, 1988.- 24с.
138. Лаврик Э.П. Имплицитные смыслы в предложениях с обособленными конструкциями с конкретизирующей семой: Материалы 46-й научно-мет. конф-и. Секц. «Русский язык». – Ставрополь, 2002, с.27-30.
- 139.Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.- 543с
- 140.Лаптева О.А. Способы выражения авторского «я» в русской разговорной речи // Язык и стиль научной литературы. - М., 1977, с. 123-138.
- 141.Леви-Брюль. Первобытное мышление. - М.: Просвещение, 1930.- 447с.
- 142.Левинская Р.И. Классификация видов эксплицитной модальности // Теоретические вопросы немецкой филологии: Респ. сб., 1974, с.319-356.
- 143.Леденев Ю.И. Важнейшие аспекты проблемы семантико-синтаксических функций неполнозначных слов в русском Языке // Неполнозначные слова. Семантико-синтаксические исследования. - Ставрополь, 1982, с. 3-10.
- 144.Леденев Ю.И. Неполнозначные слова. - Учебное пособие к спецкурсу. - Ставрополь, 1988. - 88 с.
- 145.Леденев Ю.Ю. Структурно-семантические особенности каузативных детерминантных конструкций в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. – Ставрополь, 1996. - 19с.
- 146.Леденев Ю.Ю. Явление изофункциональности в синтаксисе языка. – Ставрополь: СГУ, 2001. - 168с.
- 147.Леденев Ю.Ю. Изофункциональность в синтаксисе.- Ставрополь, 2001.- 96с.
- 148.Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном: русском языке. - М.: Высшая школа, 1974. - 159с.

- 149.Лозанович Ф.Т. Коммуникативный потенциал присоединительных конструкций: Тезисы докладов XLII научно-мет. конф-и. – Ставрополь: СГУ, 1997, с.8-9.
- 150.Лозовая Л.А. Сложноподчиненные предложения с придаточной частью логического обоснования в современном русском языке // Тр. пед. ин-тов ГССР. Сер. истории и филол.- 1976.- №2, с.143-147.
- 151.Лыкова Т.В. Взаимосвязь деепричастия и основного глагола в структуре предложения: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Ростов-на-Дону, 1975. - 21с.
- 152.Лыков А.Г., Лыкова Н.А. Асимметризм русского слова: Учебн. пособие. – Краснодар: КубГУ, 2002. – 194с.
- 153.Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текста (к типологии внутритекстовых отношений): Дисс. ...др. филолог. наук.- М., 1985.- 333с.
- 154.Мазанько Л.Б. Вариативные синтаксические ряды предложно-падежных сочетаний и придаточных предложений (на материале конструкций со вторичными предлогами временного и причинного значения и относительных придаточных предложений): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1977. - 16с.
- 155.Максимов Л.Ю. Присоединение, парцелляция и текст // РЯШ, 1996, №4, с. 80-83.
- 156.Малашенко В.П.. Предикативно-обстоятельственные детерминанты в современном русском языке // НДВШ. Филологические науки, 1988, №6, с.38-41.
- 157.Мальцев И.В. Функционально-синтаксические характеристики обращения. - М., 1986. - 197с.
- 158.Манаенко Г.Н. Вторая пропозиция в системе синтаксических отношений осложненного предложения // Синтаксические связи и отношения в русском языке: Мат-лы Всерос. конф-и. Ставрополь, 1998, с.109-115.

159. Манаенко С.А. Функции лексико-семантических конкретизаторов при подчинительной связи в современных аналитических текстах публицистики: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.- Краснодар, 2002. - 24с.
160. Маныч О.П. Изъяснительные сложные предложения в немецкой разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1984, - 17с.
161. Медынская В.Л. Синтаксические конструкции в членах предложения со значением причины, условия и цели // Языковые категории и закономерности. Пути их системного изучения.- Кишинев, 1990, с.45-51.
162. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи – Л.: Наука, 1978.- 387с.
163. Мигирин В.Н. Процессы переходности на уровне членов предложения // Филологические науки. - 1968. - №2, с.41-52.
164. Мигирин В.Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. - Кишинев, Штиинца. - 1978.- 138 с.
165. Мизин О.А. Структурно- семантические и функциональные особенности обращения в публицистическом стиле русского, языка: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1973. - 33с.
166. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста: Монография. – Ростов н/Д, 2003. – 336с.
167. Михеев А.Ф. Грамматические средства и формы выражения следственных отношений и отношений основания-вывода в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филолог. наук. - Рязань, 1966. - 260с.
168. Михеев А.Ф. Грамматические средства и формы выражения следственных отношений и отношений основания-вывода в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Барнаул, 1967.- 32с.

169. Михеев А.Ф. Отграничение конструкций основания-вывода от причинно-следственных // Актуальные проблемы лексикологии и грамматики русского языка. Вопросы русского языка.- Кишинев, 1977, с.88-97.
170. Михеев А.Ф. Обстоятельство результата-следствия. (К вопросу о выражении следствия в простом предложении) // Семантико- синтаксические процессы в русском языке (на материале простого предложения). - Барнаул, Барн. гос. пед. ин-т. 1979, с.48-58.
171. Нагорный И.А. Выражение предикативности в предложениях с модально-персуазивными частицами: Автореф. Дисс. ... д-ра. филолог. наук.- М., 1999.- 23с.
172. Недялков В.П. О связи каузативности и пассивности // Вопросы общего и Романо-германского языкознания.- Уфа, 1967, с. 301-310.
173. Некрасова Н.А. Имплицитность разноуровневых синтаксических конструкций в русском и английском языках: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук.- Ростов-на-Дону, 2003.- 23с.
174. Никитин В.М. Морфология современного русского языка. Глагол и наречие. - Рязань, Рязанск. гос. пед. ин-т, 1961. - 89с.
175. Николаева Т.М. О взаимоотношении сочинения с другими видами синтаксической связи // Языкознание и литературоведение: Сб. научн. тр.- Ростов н /Д., 1972, с. 25-27.
176. Онипенко Н.К. Грамматические категории в тексте // Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы: Сб.ст. –М.: РГГУ, 2001, с.89-96.
177. Оркина Л.Н. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: Автореф. Дисс. ... др. филолог. наук.- Санкт-Петербург, 2000. - 42с.
178. Павлова Р.М. Причинные отношения в современном русском языке в сопоставлении с болгарским языком.- София, 1978.- 356с.

179. Пенина Т.П. Явление имплицитности в диалоге как проявление его целостности // Материалы 46-й научно-мет. конф-и. Секц. «Русский язык».- Ставрополь, 2002, с.82-84.
180. Перетрухин В.Н. Семантико-синтаксические разновидности соединительных отношений // Проблемы грамматики русского языка.- Курск, 1977, с.141-155.
181. Пешковский Л.М. Русский синтаксис в научном освещении.- М., Наука, 1956.- 511с.
182. Привалова Л.М. К вопросу о средствах связи предикативных компонентов в бессоюзных сложных предложениях // Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка. Вып.2.- Ульяновск, 1976, с.55-62.
183. Попова И.А. Сложно-сочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка.- М., 1950, с.51-64.
184. Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Докл. и сообщ. ин-та рус.яз.АН СССР.-М., 1948, с. 34-36.
185. Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы современного русского языка.- М., 1950, с. 25-37.
186. Поспелов Н.С. Из наблюдений над синтаксисом языка Пушкина (бессоюзное сочетание предложений в пушкинской прозе) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка.- М., 1957, с.218-239.
187. Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. - М.: Наука, 1976, с. 35-220.
188. Прудникова Н.С. Конструкции причинного значения в современном русском языке // Вестн. МГУ. Филология.- М., 1980.- №4, с. 58-64.
189. Реферовская Е.А. Синтаксис современного французского языка (сложное предложение).- Л., Политиздат., 1969.- 236с.

- 190.Ринберг В.Л. Конструкции связного текста в современном русском языке.-Львов, Наука, 1987.-163с.
- 191.Рубенкова Т.С. Парцелляты и инпарцелляты в поэтической речи XIX и XX веков: Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. – Белгород,1999 - 23с.
- 192.Русская грамматика. Т.1. - М.: Наука, 1980. - 783с.
- 193.Русская грамматика. Т.2 - М.: Наука, 1980.-709с.
- 194.Рыбакова Г.Н. Общие условия парцеллирования сложноподчиненных предложений // Вопросы изучения русского языка.- Краснодар, 1968, с.16-25.
- 195.Рыбка Н.Д. О выражении синтаксического значения следствия в простом предложении // Семантика грамматических форм: Межвуз, сб., науч. трудов. - Ростов-на-Дону, 1982, с. 136-145.
- 196.Рыбка Н.Д. Выражение значения следствия в простом предложении в современном русском литературном языке: Автореф. Дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1984. - 18с.
- 197.Рыжова Л.П. Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореф. дис. ... канд филолог. наук. - М., 1982. - 15с.
- 198.Селиверстова О.И. Два варианта классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. - М., 1982,.114-123.
- 199.Семенова С.К. Система средств выражения функционально-семантической категории результативного состояния в современном немецком языке (опыт моделирования поля результативного состояния): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Минск, 1977. - 17с.
- 200.Сергеева Л.А. Качественные прилагательные со значением оценки в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Саратов, 1980. - 22с.
- 201.Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста (проза и поэзия): Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. –М., 2000. - 54с.

- 202.Сильницкий Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: Дисс. ... др. филолог. наук.- Смоленск, 1974.- 442с.
- 203.Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. - 214с.
- 204.Скорлуповская Е.В. Союзная функция наречных и модальных слов со значением результативности // Вопросы изучения русского языка, доклады 6-ой научно-методической конференции северокавказского зонального объединения кафедр русского языка.- Дагестан, 1963, с.66-67.
- 205.Скорлуповская Е.В. Союзные функции некоторых лексических элементов в русском сложном предложении: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1966. - 17с.
- 206.Словарь русского языка в 4-х т. Под ред. Е.П. Евгеньевой. Т.1. - М.: Русский язык, 1981.- 423с.
- 207.Смирнов В.А. Уровни знания и этапы процесса познания // Проблемы логики научного познания. - М.: Наука, 1964, с. 23-52.
- 208.Современный русский язык / Под. ред. В.А. Белошапковой. - |М.: Высшая школа, 1981. - 560с.
- 209.Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учебное пособие, 2-е изд.-М.: Флинта: Наука, 2000. - 256с.
- 210.Степенкова Л.И. Частицы со значением предположительности // Русский язык. - Душанбе, 1974, с. 42-49.
- 211.Сулименко Н.Е. Качественные прилагательные в их отношении к типам лексических значений: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.- Л., 1966. - 19 с.
- 212.Суровцев А.Н. Сложноподчиненное предложение с придаточными причины и придаточными следствия в современном русском литературном языке. Дис. ... канд. филолог. наук. - Л., 1953. - 260с.

213. Сыров И.А. Категория связности и явление синкретизма в системе «Предложение – ССЦ – текст» // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Сб. ст. научно-мет. сем. «Textus». – Вып.7. – М.-Ставрополь, 2001, с.285-287.
214. Теремова Р.М. Опыт функционального описания причинных конструкций.- Л.: Просвещение, 1985.- 269с.
215. Теремова Р.М. Предложения мотивации по следствию в системе причинных предложений и текстовый аспект их изучения // Предложения в текстовом аспекте.- Вологда, 1985, с.65-76.
216. Теремова Р.М. Следственные конструкции, в современном русском языке. - Л.: Просвещение, 1987. - 36с.
217. Теремова Р.М. Функционально-грамматическая типология конструкции обусловленности в современном русском языке: Автореф. дис. ... др. филолог. наук. - Л., 1988. - 21с.
218. Тимофеева Ж.Н. Способы и средства выражения следственных отношений в простом и сложном предложении в современном русском языке: дисс... канд. филолог. наук.- Ставрополь, 1996.- 210с.
219. Тимофеева Ж.Н. Следствие как семантическая категория // Филологические науки: Тезисы докладов на XLII научно-мет. конф-и. – Ставрополь: СГУ, 1997, с.109-111.
220. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. - Л.: Наука, 1969. - 311с.
221. Титова Л.Г. Имена прилагательные со значением оценки и степени качества в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1964. - 17с.
222. Тихонова Н.А. Соотношение структур причины и следствия. Дис. ... канд. философ. наук. - Саратов, 1979. - 213с.
223. Традиционное и новое в русской грамматике :Сб. научн. тр. – М., 2001. – 327с.

- 224.Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания, 1994, №3, с. 105-114.
- 225.Устинов А.М. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины (степень зависимости придаточного) // Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та.- Иваново, 1968.- Т.42, с. 45-61.
- 226.Федоров А.К. Трудные вопросы синтаксиса. - М.: Просвещение, 1972.- 239с.
- 227.Федосов В.А. О некоторых правилах определения места причины и следствия в причинно-следственных конструкциях // Исследования и статьи по русскому языку. - Волгоград, 1967, с. 191-211.
- 228.Федосюк М.Ю. Способы передачи новой информации в художественном тексте // НДВШ. Филологические науки, 1983, №6, с.40-46.
- 229.Фигуровская Г.Д. Указательно-местоименная связь среди других видов связи компонентов синтаксических конструкций // Синтаксические связи и синтаксические отношения в русском языке : Мат-лы Всерос. конф-и. – Ставрополь, 1998, с.7-9.
- 230.Филимонов О.И. Скрепа-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте: Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. – Ставрополь, 2003. – 18с.
- 231.Филиппов А.В. К вопросу о каузативных и не каузативных глаголах // Русский язык в школе, 1978.- №1, с. 90-93.
- 232.Философский энциклопедический словарь. -М.: Наука, 1989.- 656с.
- 233.Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М.: Наука, 1978.- 169с.
- 234.Фролов И.Т. Введение в философию. В 2-х частях.- М.: Политиздат., 1989.-ч.2. - 605с.
- 235.Фурашов В.И. Обособленные определения с обстоятельственными оттенками значения // Русский язык в школе. - 1965. - №6, с. 80-83.

- 236.Хатиашвили Л.Г. Присоединительные связи в русском языке.- Тбилисси, 1963. – 292с.
- 237.Хиженкова Л.Е. Некоторые вопросы синтаксиса английских причинно-следственных конструкций // Исследования по синтаксису современного английского языка. - М., 1967, с. 210-222.
- 238.Хлебцова О.А. Лексико-семантическое поле каузативных глаголов в современном русском языке: Автореф. Дис. ... канд. филолог. наук. - Харьков, 1986. - 22с.
- 239.Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций: (опыт классификации) // Изв.АН СССР. Сер.лит. и яз. - М., 1986. - Т.45 - №2, с. 149-158.
- 240.Ху Мен-Хао. Некоторые типы бессоюзных сложных предложений с лексическими показателями связи во второй части в современном, русском языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. -М., 1960. - 19с.
- 241.Цветкова Г.В. Вопросы чужой речи в художественной прозе // Грамматические и лексико-семантические исследования в синхронии и диахронии (на материале английского языка). - Калинин, 1977, с. 141-151.
- 242.Цыганова К.Л. К вопросу присоединения в современном сербохорватском языке // Вестник ленинградского университета: История. Язык. Литература.- Л., 1973.- №2, с.154-155.
- 243.Червенкова И.В. Общие адвербиальные показатели меры признака (в современном русском литературном языке): Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. - М., 1975. - 26с.
- 244.Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. - Новосибирск: Наука, Сибирск. отделение, 1987.- 197с.
- 245.Чесноков П.В. Семантика синтаксической структуры простого предложения. - В кн.: Предложение как многоаспектная единица языка. - М., МГПИ им.В.И.Ленина, 1983, с.43-54.

- 246.Чесноков П.В. Семантические формы мышления как значение грамматических форм // Семантика грамматических форм. - Ростов-на-Дону, Ростовск.-на-Дону гос. пед. ин-т, 1982, с.3-11.
- 247.Чесноков П.В. Семантические формы мышления и грамматика // Значение и смысл речевых образований. - Калинин, Калининск. гос. ун-т, 1979, с.126-146.
- 248.Чеснокова Л.Д. Связи слов в современном русском языке.- М.: Просвещение, 1980. - 110с.
- 249.Чичварина О.А. Отношения логической обусловленности в сложном предложении: способы выражения и их распределение по функциональным разновидностям языка: Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- М., 2000. - 18с.
- 250.Чудинов В.А. О семантике и классификации каузативных глаголов // Семантические классы русских глаголов.- Свердловск, 1982, с.47-54.
- 251.Чупашева О.М. О синтаксической неопределенности бессоюзных сложных предложений // Русский синтаксис.-т. 207.- Воронеж, 1980, с. 119-128.
- 252.Чупашева О.М. Своеобразие бессоюзных сложных предложений с транспонированным императивом // Русский язык в национальной школе. - 1980. - №6, с.77-80.
- 253.Шайдуллина Н.И. Выражение отношения вывода с помощью вводных слов следственно, следовательно // Семантика и функционирование синтаксических единиц. - Изд-во Казанского ун-та, 1983, с.120-125.
- 254.Шапиро А.Б. Грамматика. - Ч.2. Синтаксис. – Учпедгиз. -М., 1936.- 38с.
- 255.Шафиро М.Е. К проблеме императивности вербальных средств, реализующих контактоустанавливающую функцию языка // Вестник Киевского ун-та. Методика обучения студентов-иностранцев, - Киев, 1981. - Вып.5, с.108-113.

256. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. –Л.: Учпедгиз, 1941,. - 620с.
257. Шварцкопф Б.С. Оценки говорящим фактов, речи: (лингвистический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1971. - 10 с.
258. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. - 377с.
259. Шведова Н.Ю. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1966.- 160 с.
260. Шведова Н.Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975, с. 123-129.
261. Шведова Н.Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. - М.: Наука, 1985, с. 30-37.
262. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. - М.: Наука, 1978. - 382с.
263. Шелякин М.А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. - М.: Наука, 1985, с.37-89.
264. Шептулин А.П. Категории диалектики. - М.: Наука, 1971. - 302с.
265. Ширяева Е.И. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. - М.: Наука, 1968. - 221с.
266. Шкодич Л.В. Некоторые особенности имплицитных межфразовых причинных отношений в современном английском языке // Сб. науч. тр. Москов. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза. - М., 1980. - Вып. 161, с.237-251.
267. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. - М.: Просвещение, 1977. - 335с.
268. Шмелева Т.В. Смысл и формальная организация двухкомпонентных

инфинитивных предложений в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1979. - 22с.

269.Шмелева Т.В. Социальный аспект смысла предложения // русский язык за рубежом. - 1981. - №2, с.63-66.

270.Шмонин А.В. К вопросу об употреблении водно-модальных слов в предложениях альтернативной мотивации // Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка.- Вып. 2.- Ульяновск, 1976, с. 108-117.

271.Шнайдман М.Н. Некоторые аспекты теории поля //Сб. науч. Тр. // МГПИИЯ им. М.Тореза. - М., 1980. - Вып. 161, с.65-79.

272.Шорина А.И. К вопросу о выражении умозаключений в современном русском литературном языке // Учен. зап. (Пермский ун-т. -Пермь, 1960. – ХУІ. - Вып.1. – Языкознание, с. 97-109.

273.Штыкало Н.И. Семантические признаки обстоятельства причины в русском языке // Науч. док. высш. шк. Филологические науки.- 1968. - №4, с.35-42.

274.Штыкало Н.И. Формы выражения синтаксической категории причины и принципы их выбора в русском литературном, языке (преимущественно на материале современной художественной прозы). Дис. ... канд. филол. наук. - Симферополь, 1970. - 217с.

275.Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. – М.: МГУ, 1990. – 159с.

276.Шустер А. Г. Категория следствия и ее реализация в простом предложении // Культура русской речи. Материалы третьей международной конференции в рамках реализации федеральной и краевой программы «Русский язык», Армавир, 2003, с. 96-98.

278.Шустова Ю.В. Функционирование в тексте предложений со значением потенциальной обусловленности: Автореф. Дисс. ... канд. филолог. наук.- Липецк, 1999.- 18с.

279. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию, и фонетике. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. - 356с.
280. Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976, с.39-59.
281. Щур ГС. О соотношении системы и поля в языке // Проблемы. языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Междунар. конгрессе лингвистов (Бухарест, 28/VIII - 2/IX 1967). - Бухарест, 1967, с.66-70.
282. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. - М.: Наука, 1974. - 255с.
283. Языковая номинация: (Общие вопросы). - М.: Наука, 1977. - 359с.
284. Языковая номинация: (Виды наименований). - М.: Наука, 1977. - 358с.
285. Якимович А.И. Предложно-падежные сочетания в тексте // Лингвометодические основы работы над текстом при обучении русскому языку. - Л., 1982, с. 51-55.
286. Яковлева Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности / недостоверности: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1983. - 23с.
288. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). - М.: Гнозис, 1994. - 254с.
289. Янова Н.Н. Функционирование сложного предложения в научной (медицинской) литературе (в коммуникативном прагматическом аспекте): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Л., 1987. - 15с.
290. Ярушкина Т.С. Побудительная функция структурно-вопросительных предложений (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - Л., 1968. - 17с.
291. Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. - М.: Наука, -1968, с.5-57.
292. Ярцева В.Н. пределы развертывания синтаксических структур в связи с объемом информации // Инвариантные синтаксические значения и струк-

тура предложения. Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса. - М.: Наука, 1969, с. 163-178.

293. Ясницкий Ю.Г. Лексико-грамматические средства авторизации научной речи: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1984. - 20с.

294. Яценко Т.А. Выражение причинно-следственных отношений в структуре простого предложения: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. - М., 1982.- 18с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- 1.Абрамов Ф. Братья и сестры. Собр. соч.: в 4-х томах. - Л.: Художественная литература, 1990.
- 2.Арбузов А. Сказки старого Арбата. М.: Советский писатель, 1989.
- 3.Аргументы и факты, 2002 №23, №24, №35.
- 4.Артюхова Н.М. Мама. М.: Детиздат, 1955.
- 5.Астафьев В. Конь с розовой гривой. М.: Советская Россия, 1984.
- 6.Астафьев В. Прокляты и убиты. М.: Художественная литература, 1995.
- 7.Белов В. Воспитание по доктору Споку. М.: Современник, 1988.
- 8.Бородин Л. Третья правда. М.: Художественная литература, 1993.
- 9.Бубеннов М. Стремнина. М.: Современник, 1977.
- 10.Булгаков М.А. Бег. М.: Советский писатель, 1988.
- 11.Булгаков М.А. Белая гвардия. М.: Советский писатель, 1988.
- 12.Булгаков М.А. Дни Турбинных. М.: Советский писатель, 1989.
- 13.Булгаков М.А. Дон Кихот. М.: Советский писатель, 1986.
- 14.Булгаков М.А. Зойкина квартира. М.: Советский писатель, 1988.
- 15.Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Советский писатель, 1988.
- 16.Булгаков М.А. Собачье сердце. М.: Советский писатель, 1988.
- 17.Бунин И.А. Темные аллеи. М.: Советский писатель, 1984.
- 18.Вересаев В. Исанка. М.: Художественная литература, 1975.
- 19.Воронцов-Вельяминов Б.А. Очерки о Вселенной. М.: Наука, 1980.
- 20.Герман Ю. Я отвечаю за все. М.: Художественная литература, 1987.
- 21.Гранин Д. Иду на грозу. Собр. соч.: в 6-ти томах. - Л.: Художественная литература, , 1975. - т.6.
- 22.Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: Искусство, 1972.
- 23.Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. М.: Наука, 1976.
- 24.Грин А. Бегущая по волнам. М.: Художественная литература, 1987.

25. Горький М. Мать. Собр. соч.: в 16-ти томах. - М.: Правда, 1979. -т.15.
26. Горький М. Один из королей республики. Собр. соч.: в 16-ти томах. - М.: Правда, 1979.-т.16.
27. Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон. Собр. соч.: в 12 томах.- М.: Правда, 1982. -т.2.
28. Достоевский Ф.М. Игрок. Собр. соч.: в 12 томах.- М.: Правда, 1982. - т.3.
29. Достоевский Ф.М. Идиот. Собр. соч.: в 12 томах.- М.: Правда, 1982. - т.6.,т.7.
30. Достоевский Ф.М. Неточка Незванова. Собр. соч.: в 12 томах.- М.: Правда, 1982.-т.1.
31. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Собр. соч.: в 12 томах.- М.: Правда, 1982.-т.15.
32. Достоевский Ф.М. Подросток. Собр. соч.: в 12 томах.- М.: Правда, 1982.-т.9.,т.10.
33. Дунаев М.М. Православие и русская литература. М.: Художественная литература, 2002.
34. Емохонова Л.Г. Мировая художественная культура. М.: Академия, 1998.
35. Зоценко М. Рассказы: Роза-Мария, Аристократка. М.: Художественная литература, 1989.
36. Иванов А. Печаль полей. М.: Художественная литература, 1978.
37. Казаков В.Г., Кондратьева Л.Л. Психология. М.: Высшая школа, 1989.
38. Казаков Ю. Нестор и Кир. М.: Художественная литература, 1987.
39. Кожевников В. Мера твердости. М.: Советский писатель, 1965.
40. Кононенко Е. Ржавчина. М.: Художественная литература, 1964.
41. Корнейчук А. В степях Украины. Собр. соч.: в 3-х томах.- М.: Гослитиздат, 1959.- т.2.

42. Короленко В.Г. Слепой музыкант. М.: АСТ Олимп, 1998.
43. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. М.: Наука, 1987.
44. Куприн А. Белый пудель. М.: Художественная литература, 1981.
45. Куприн А. Поединок. М.: Художественная литература, 1981.
46. Лавров В. Холодная осень. М.: Художественная литература, 1973.
47. Левитов А. Избранное М.: Художественная литература, 1985.
48. Леонов Л. Русский лес. М.: Известия, 1966.
49. Леонов Л. Обыкновенный человек. М.: Известия, 1966.
50. Лермонтов М.Ю Демон. Собр. соч.: в 4-х томах.- М.: Художественная литература, 1984.- т.2.
51. Лесков Н. Сиборяне. М.: Художественная литература, 1877.
52. Лихонос В. Наш маленький Париж. Ненаписанные воспоминания. М.: Художественная литература, 1975.
53. Ляшенко Н. Боль. М.: Художественная литература, 1984.
54. Макаров А. Дома. М.: Политиздат, 1976.
55. Максимов В. Заглянуть в бездну. М.: Советский писатель, 1986.
56. Максимов В. Прощание из ниоткуда. М.: Советский писатель, 1986.
57. Марков Г. Строговы. Собр. соч.: в 5-ти томах.- М.: Художественная литература, 1982.- т.1.
58. Мележ И. Дыхание грозы. М.: Художественная литература, 1980.
59. Можаяев Б. Мужики и бабы. М.: Советский писатель, 1973.
60. Набоков В. Дар. Собр. соч.: в 4-х томах.- М.: Правда, 1990.- т.3.
61. Набоков В. Машенька. Собр. соч.: в 4-х томах.- М.: Правда, 1990.-т.1.
62. Набоков В. Музыка. Собр. соч.: в 4-х томах.- М.: Правда, 1990.-т. 2.
63. Набоков В. Приглашение на казнь. Собр. соч.: в 4-х томах.- М.: Правда, 1990.- т.4.
64. Островский Н. Как закалялась сталь. М.: Художественная литература, 1973.
65. Павлов И.П. Рефлекс свободы. М.: Наука, 1969.

66. Паустовский К. Золотая роза. М.: Художественная литература, 1981.
67. Петровский А.П. Психология. М.: Наука, 1987.
68. Писарев Д.И. Идеализм Платона // Надо мечтать. М.: Современник, 1968.
69. Писарев Д.И. Мыслящий пролетариат // Надо мечтать. М.: Современник, 1968.
70. Писарев Д.И. Пчелы // Надо мечтать. М.: Современник, 1968.
71. Писарев Д.И. Схоластика 19 века // Надо мечтать. М.: Современник, 1968.
72. Помяловский Н. Мещанское счастье. М.: Современник, 1987.
73. Распутин В. Уроки французского. М.: Художественная литература, 1967.
74. Рекемчук А. Время летних отпусков. М.: Гослитиздат, 1959.
75. Рыбаков А. Дети Арбата. М.: Известия, 1990.
76. Рыбаков А. Екатерина Воронина. М.: Известия, 1990.
77. Рыбаков А. Страх. М.: Известия, 1990.
78. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. М.: Художественная литература, 1954.
79. Сартаков С. Философский камень. М.: Современник, 1975.
80. Сафонов В. На горах свобода. М.: Современник, 1975.
81. Симонов К. Солдатами не рождаются. Собр. соч.: в 3-х томах.- М.: Художественная литература, 1990.- т.1., т.2.
82. Толстой А.К. Хождение по мукам. Собр. соч.: в 2-х томах.- М.: Художественная литература, 1989.
83. Толстой А.К. Восемнадцатый год. М.: Художественная литература, 1982.
84. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Собр. соч.: в 14-ти томах.- М.: Художественная литература, 1953.-т.8., т.9.

85. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. Собр. соч.: в 14-ти томах.- М.: Художественная литература, 1953.-т.1.
86. Толстой Л.Н. Живой труп. Собр. соч.: в 14-ти томах.- М.: Художественная литература, 1953.-т.11.
87. Толстой Л.Н. Корней Васильев. Собр. соч.: в 14-ти томах.- М.: Художественная литература, 1953.-т.14.
88. Толстой Л.Н. Крейцера соната. Собр. соч.: в 14-ти томах.- М.: Художественная литература, 1953.-т.14.
89. Толстой Л.Н. Фальшивый купон. Собр. соч.: в 14-ти томах.- М.: Художественная литература, 1953.-т.12.
90. Тургенев. Конец Чертопханова. Собр. соч. в 6-ти томах. -М.: Правда, 1968.- т.1.
91. Тургенев И.С. Отцы и дети. Собр. соч. в 6-ти томах.-М.: Правда, 1968.- т.2.
92. Фадеев А. Последний из удэге. М.: Художественная литература, 1976.
93. Федин К. Костер. М.: Художественная литература, 1981.
94. Федин К. Необыкновенное лето. М.: Художественная литература, 1981.
95. Флоренский П. Детям моим. М.: Правда, 1986.
96. Чехов А.П. Цветы запоздалые. Живой товар. Волк. Мертвое тело. Собр. соч.: в 8-ми томах.- М.: Правда, 1970.- т.6.
97. Шалин Г. Возращение в жизнь. М.: Художественная литература, 1984.
98. Шидов Ю. Абрикосовое дерево. М.: Художественная литература, 1987.
99. Шолохов М. Поднятая целина. М.: Художественная литература, 1975.

100.Шукшин В. Материнское сердце. М.: Художественная литература, 1986.

101.Энциклопедический словарь юного историка. М.: Наука, 1990.

